

ISBN 978-5-91365-256-0

А. В. ВЕНКОВ В ПОИСКАХ СЫНА ОТЦА

А. В. ВЕНКОВ

В ПОИСКАХ СЫНА ОТЦА

ИЗДАЕТСЯ ФОНДОМ
ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

ФОНД ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
www.popovfoundation.org

А.В. Венков

В поисках Сына Отца

Ростов-на-Дону
Антей
2016

ББК 84(0)3
В29

Венков А.В.

В29 В поисках Сына Отца. – Ростов-на-Дону: Антей, 2016. –
296 с.

ISBN 978-5-91365-256-0

В художественном произведении описывается ситуация в Иудее во времена прокуратурства Понтия Пилата, на фоне борьбы римлян с зилотским подпольем показано возникновение организаций первых христиан.

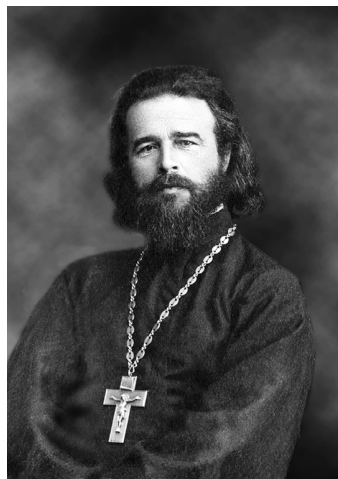
ББК 84(0)3

ISBN 978-5-91365-256-0

© А.В. Венков, 2016

© Фонд им. священника

Илии Попова, 2016

Священник Илия Попов 1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное кормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

В 2013 году была создана Донская региональная благотворительная общественная организация имени священника Илии Попова, которая осуществляет научную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность, способствующую прославлению подвига новомучеников.

Глава 1. | Лукиний. 789 год от основания Рима, месяц марса, день 1-й. Календы

Солнце взошло, и весь мир вокруг изменился. Черное стало зеленым, серое – желтым. Дальние холмы, из-за которых всплывал бордовый диск, днем обычно серо-коричневые, теперь окрасились в пепельно-голубой цвет, и по ним скользили розовые отсветы. Красиво, правда? Прекрасное верховодит во всем.

Я всегда замечаю прекрасное. Я и художник, и врачеватель, хотя ни на том, ни на другом поприще я не добился успеха. Я обошел Киликию, Сирию, Десятиградье, Галилею и Иудею, говорю по-гречески, по-арамейски, по-иудейски. Конечно же, я помню латынь. Все это второстепенно, ибо мир снизошел на меня. Теперь я живу у Агафона, владельца харчевни, и работаю на него за хлеб и квартиру. Почему я остановился здесь? Рядом Антиохия, моя родина. Я знаю здешних людей, знаю их слабые струны и сильные стороны. И еще здесь перекресток дорог, людно. Как говорил почитаемый мною когда-то Варрон, посетителей в харчевне постоянно не меньше числа граций и не больше числа муз. А что еще нужно посланному Учителем? «Жатвы много, а делателей мало, – говорил Он, посылая нас, – итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». Иногда двумя-тремя фразами удаётся увлечь человека. Единицы остаются на день, на два. Остальные (почти все) задумываются на короткое время – и тогда будто тень набегает на их лица – и уходят или

уезжают. Те, кто остается, ждут вечера, иногда они к удивлению Агафона, даже помогают мне по хозяйству.

И я работаю и жду вечера. А в сумерках мы собираемся на заднем дворе, и я рассказываю им об Учителе. Хозяин сначала тревожился, но остающиеся ни разу ничего у него не украли, и он успокоился. Сам он меня не слушает. Ему некогда – мечется, как лисица в клетке.

Хозяин – двойной, а может быть и тройной агент. Власти требуют от него сведений о разбойниках, разбойники – сведений о проезжающих купцах, и даже проезжающие парфянские торговцы иногда заводят с ним разговоры – не проходили ли тут недавно римские когорты, а если проходили, то когда и куда. Сдавать воров и разбойников надо с умом, осторожно, чтоб не заподозрили и не отомстили. Его харчевню уже дважды сжигали дотла. Поэтому он и не расширяется. Хотя доходы имеет немалые, довольствуется малым, а деньги хранит в Антиохии. Там, в пригороде, у него второй дом, но об этом никто не знает.

Сегодня с самого утра у Агафона очень трудный день – к нам пожаловали три разбойника. Они пришли со стороны балки, которая начинается у заднего двора и тянется вдоль дороги на юг. Двое сели на лавки у углового гладко обтесанного стола, а один, крючконосый и желтоглазый, остался во дворе и наблюдал из-за белесого каменного забора за перекрестком дорог, все время поглядывал на восток.

Кто это, я понял по той дерзкой холодности, с которой они обращались с хозяином и просто вели себя. Это была не минутная трусливая дерзость воров, ощутивших себя в безопасности или запугивающих свою жертву. Так ведут себя люди, чувствующие за собой силу, даже власть.

Эти двое сидели у стола и молчали. Один, рыжеватый, иногда быстрым, как у курицы, движением оборачивал голову к окошку. Вторым, высокий, широкоплечий и толстошей (лица его я не видел), сидел недвижно, как изваяние, и о чем-то сосредоточенно думал.

У обоих под одеждой угадывалось оружие. Налет усталости на всем их облике указывал на проделанный долгий путь. Видно, ехали всю ночь, а лошадей оставили в балке.

«Ревнителю, – подумал я. – Кого-то ждут». Я видел таких в Иудее. Там их иногда называли третьим правительством.

Ставя перед ними кувшин с холодной водой, я сказал несколько слов по-арамейски. Я выбрал те, которыми можно пробудить души. А душа есть у каждого, даже у разбойника.

Один из них, рыжеватый, при первых звуках поднял водянистые глаза и, не дослушав, перебил:

– Ты ессей?

Второй, даже не взглянув на меня, ответил товарищу:

– Какой ессей? Это грек, – и небрежным жестом левой ладони отогнал меня от стола.

Я продолжал свои обычные дела. Разбойники, ревнители... Суета...

Два торговца, ехавшие, судя по разговору, из Антиохии в Дамаск, быстро расплатились с хозяином – руки у одного из них дрожали – и, нахлестывая своих мулов, умчались, поднимая клубы желтой пыли, по тропинке в сторону моря, забыв о цели своего путешествия.

На хозяина было жалко смотреть. То он боялся шевельнуться за прилавком, чтобы не привлечь к себе внимание, то начинал бесцельно слоняться по всей харчевне, что-то переставляя, поднимая, беря в руки и ставя на место. Вдруг – не приведи Бог! – разбойники подумают, что он за ними наблюдает...

Я убирал на заднем дворе, вдыхал умиротворяющие запахи хлева и слушал ленивое квохтанье куриц, когда в харчевне раздались радостные возгласы. Разбойники дождались кого-то и, не таясь, говорили, кричали и даже называли друг друга по именам. «Елеазар!.. Елеазар!..» – долетело до меня.

И еще одно имя было произнесено, и оно заставило меня вздрогнуть. Я услышал одно из имен Учителя – Бог Спасает Сына Отца. Я не выдержал и пошел внутрь.

Прибывший оказался очень высоким, красивым и даже величественным мужчиной. Он по-царски воссел во главе стола и громогласно потребовал самого лучшего – еды и выпивки. Агафон заметался, звеня и стучая посудой.

Речь гостей шла явно не об Учителе. Артабан, Иосиф, Тиберий...

– Мы пригнали мулов...

– Зачем мулы? Один кусок пергамента...

– Аскалон...

– Менялы...

– Кесария...

Я понял, что будет великим чудом Господним, если после всего сказанного они нас не зарежут, как опасных свидетелей. И Агафон это понял. Застыв на полдороги от прилавка к столу с мехом вина,

прощальным взглядом обводил он жалкое убранство своей харчевни, и слезы стояли у него на глазах...

Желтоглазый вошел и легким движением головы в сторону севера заставил их замолчать. Они уставились на него. Он молча прикрыл глаза и сразу же вышел.

Они быстро, но не торопливо собрали вещи и вышли мимо меня на задний двор.

Агафон с собачьим подвывом перевел дыхание и опустился на ближайшую скамью.

Через какое-то время я выглянул на задний двор. Пусто. Перемахнув через каменный низкий забор, они быстро шли цепочкой в сторону оврага и сдерживали шаги, чтоб не перейти на бег. Так зверь уходит в заросли под взглядом охотника, не давая ему времени поднять лук и прицелиться, и так ходят люди, которые вот-вот сядут на лошадей или мулов и куда-то умчатся.

Спасены... Я обвел взглядом пронзительно синее небо и глубоко вдохнул прогретый солнцем воздух. Вокруг продолжалась жизнь. Квохтали путавшиеся под ногами куры, в загоне жевал, сопел и мычал скот.

Бесцельно покружив по заднему двору, я опять заглянул внутрь харчевни, где Агафон сидел, уткнувшись лицом в собственные ладони, – «Да, это тебе не бродяг и воров сдавать...» – и вышел к Антиохийской дороге.

Что же их спугнуло? Почему так быстро убрались? А-а, теперь понятно.

По дороге клубилась пыль, блестели доспехи и развевались плащи. Римляне...

Передний чуть не наехал на меня в уверенности, что я подхвачу его лошадь за повод и буду держать. Он спрыгнул с конской спины на землю, дал знак, по которому двое из его спутников, взявшись за оружие, стали объезжать харчевню с обеих сторон, а сам пошел внутрь.

Судя по одежде, сияющим доспехам, спокойной самоуверенности и простоте движений, он был настоящий римлянин, может быть, даже патрицианского рода.

Глава 2. | Марк Клавдий Марцелл Младший. Тот же день того же года

Хозяин, измученный на вид и удивительно отстраненный, подошел обреченно и остановился, словно лицо под удар подставлял.

– Накорми людей. Вот он расплатится, – Клавдий Марцелл указал на старшего из бывших с ним преторианцев.

Велика Римская империя, а харчевни на перекрестках дорог одинаковы во всех провинциях. Наверное, потому что в них торгуют вездесущие греки.

Солдаты рассаживались, хозяин харчевни, будто проснулся, засуетился, загремел посудой, а Клавдий Марцелл, болезненно морщась, размышлял в углу у окошка о превратностях судьбы.

Десять дней назад – Рим, вечный и неизменный, неделю назад – скалистый берег острова Капри и поручение императора, два дня назад – порт Селевкия Приэрия и скачка в сто с лишним стадий, вчера – Антиохия, красивейший город Востока, а сегодня – эта грязная дыра. Что будет завтра?..

Передав секретное послание императора Тиберия наместнику Сирии Луцию Вителлию, Марцелл так толком и не отдохнул. В Антиохии, бывшей столице Селевкидов, сочетавшей греческое изящество и восточную пышность, он намеревался провести хотя бы дней пять, прежде чем вернуться в Рим. Побывавшие здесь говорили, что в городе больше плясунов, флейтистов и актеров, чем граждан. Это трудно

представить, если учесть, что в городе почти полмиллиона жителей. Всюду фонтаны, особенно славится монументальный Нимфей. В общем, есть, на что посмотреть...

Все греческое сейчас в моде, и главным развлечением римской аристократии стали путешествия по эллинскому миру. Да и сам Марцелл поездил порядочно, отдавая дань моде, насколько служба позволяла. Мусейон, амфитеатр, акрополь – этим римлянина не удивишь, но римские щеголи рекомендовали антиохийских танцовщиц и местную розовую воду...

Прогула по городу была прервана в самом начале. Посланец от наместника перехватил Клавдия Марцелла посреди парадной улицы возле каменного пьедестала с фигурой отдыхающего Аполлона: «Игемон вызывает...» Удивившись, что наместника здесь величают по-гречески, Марцелл вернулся в гостиницу, набросил положенную ему по статусу тунику с двумя широкими пурпурными полосами и отправился в царский дворец.

Луций Вителлий в прошлом году был консулом и теперь, пользуясь правом, выбрал себе самую богатую провинцию империи. Он всегда держался «хлебных» мест. Его отец управлял имениями императора Октавиана Августа. Брат, Публий Вителлий, был казначеем при Тиберии. Впрочем, недавно схватили за руку беднягу, не в те сундуки динарии складывал. Сам Луций, известный льстец и интриган, одним из первых стал действовать в политике через женщин, явив всем, как пошатнулась хваленая римская нравственность. Женщина всегда пользовалась уважением в римской семье. Но чтоб она полезла в политику!.. О, времена! О, нравы!.. В Риме Луций Вителлий был очень дружен с Антонией, матерью Германика, справедливо рассудив, что жен у будущего императора может быть несколько, а мать – всегда одна. С несчастным Германиком Вителлий ошибся. Пасынок Тиберия умер. Кстати – здесь, в Антиохии. Однако оставшаяся в силе Антония и такие, как Вителлий, свалили префекта преторианцев Луция Элия Сеяна, чем определили весь спектр интриг, наград, изгнаний и казней на несколько лет вперед.

Клавдия Марцелла, чиновника сенаторского ранга, Луций Вителлий встретил напоказ приветливо, окутал запахом розового масла, которого Марцелл так и не успел купить, заговорил о Сирии, о трудностях в управлении, о пограничных тревогах. Все это он мог бы сделать

и вчера, как только Марцелл доставил письмо, но не снизошел, причиной этому, видимо, был возраст посланца.

«Что же изменилось? Что-то в письме?» – думал Марцелл, вежливо внимая наместнику. Он отметил, что Луций очень похож на своего сына, Авла Вителлия, юного любимца императора и неперемного участника всех его попок. Такое же мясистое курносое лицо, такой же маленький розовый рот с капризной нижней губой.

– Подвластная нам территория увеличилась, – не то хвалился, не то жаловался Вителлий. – В прошлом году умер тетрарх Филипп, и его владения – Батанея, Трахон, Атранитида – включены в провинцию Сирия. А смена власти здесь всегда чревата волнениями... Тебе известно содержание письма императора?

– Нет. Письмо секретное, личное, даже конвой усилен. В случае опасности я должен был уничтожить его, не читая. Да ты и сам знаешь правила...

– Знаю. И теперь могу открыть тебе часть его содержания – возможна война с Парфией, с царем Артабаном.

– Война с Парфией? – Клавдий скрыл улыбку. – В таком случае, это будет первая внешняя война императора Тиберия.

Как и все военные, он знал, что Тиберий в армии не популярен и потому старается проводить миролюбивую политику. А что здесь? Уж не вздумал ли сам Вителлий набить сундуки динариями за счет победоносной войны? Что ж, примерно сто лет назад один богач уже пытался увеличить свое состояние и именно в Парфии. Всем известно, чем это закончилось.

– И тем не менее, – продолжал наместник неприятно звякающим голосом. – В прошлом году умер царь Армении Артаксий, и Артабан поставил там царем своего сына. Это нарушает равновесие сил на Востоке и нам не выгодно. С другой стороны, нам известно, что часть парфянской знати настроена против Артабана и хочет к нам обратиться... Впрочем, ладно, об этом потом... Император поручает мне подтвердить наши дружественные отношения с Артабаном, но требует, чтобы он выдал заложников, и в числе их – своего собственного сына. Понимаешь?

– А он выдаст?

Луций Вителлий пожал плечами:

– Если царьки Иберии и Албании выступят на нашей стороне...

– А они выступят?

– Ну, если заплатим... – он хрипловато кашлянул, словно упоминание о необходимости платить перемянуло ему горло. – На худой конец они натравят на Артабана сарматов...

Он подвел Марцелла к большому раскрашенному чертежу на стене:

– Наши четыре легиона стоят здесь и здесь. В ближайшее время мне надо собрать их в кулак. Мне нужен легион из Иерусалима. Что скажешь?

– Ты боишься, проконсул, что Иудея восстанет?

Луций Вителлий промолчал, прошелся от окна к окну, вернулся:

– Да. Есть сведения, – он криво усмехнулся. – Мы подбиваем на бунт Армению и Албанию, а парфяне – Иудею.

Он помолчал, постукивая тростью по нижней части чертежа, где были обозначены Иерусалим, Иерихон, Кесария, затем жестом подождал Клавдия поближе и, понизив голос, заговорил:

– По сведениям наших людей в Парфии и в Иудее, уже посланы или будут посланы большие деньги, чтоб взбунтовать Иудею и отвлечь нас от парфянских дел. Надо или перехватить эти деньги, или обезвредить тех, кому они посланы. Я хочу поручить это дело тебе.

– Мне? – удивился Марцелл. – Я никого не знаю в Иудее, я никогда там не был.

– Но и тебя там никто не знает, – парировал Вителлий. – Послушай. Я сам здесь немногим раньше тебя. Я вынужден послать тебя, потому что не доверяю этому самниту.

«Самниту? Ах, да...» Марцелл догадался, что речь идет о Понтии Пилате, прокураторе Иудеи.

– Ты понял, да? Я знаю, он породнился с вашими, – взгляд Вителлия стал колюч и испытующ, – но... благо империи прежде всего.

Он прошелся туда-сюда вдоль чертежа, бормоча:

– Благо империи прежде всего... Благо империи прежде всего...

Марцелл догадался, что эта фраза стала для Вителлия прикрытием, когда он о чем-то думает, когда неуверен. Все равно что потерявшие смысл две строчки из куплета.

«Породнился с нашими?..» Жену Пилата зовут Клавдия. Клавдия Прокула.

– Я собираюсь сместить его, – Вителлий самонадеянно выпятил нижнюю губу. – Он не самостоятелен в своих решениях. Он стяжатель.

Я просматривал дела по Иудее и по тетрархиям. Как только он здесь появился, на него посыпались жалобы. А он, чтобы сгладить впечатление, стал всюду выставлять напоказ преданность и любовь к императору. Ты слышал о случае с изображениями императора, которые он ночью тайком принес в Иерусалим?

– Слышал, но не знаю подробностей.

Проконсул сделал устранивающий жест – «Ладно, забудем...» – и, еще более понизив голос, обманчиво-доверительно заговорил:

– Я чувствую, что он на чем-то попался, в чем-то сильно измазался и – скрывает. У него были конфликты с первосвященником Иосифом. Прежний прокуратор, Валерий Грат, менял этих первосвященников каждый год, как изношенные сандалии. А этот Иосифа не любит, боится и... не меняет. Боюсь, что вся их храмовая верхушка взяла Пилата в оборот. Его надо сменить, чем быстрее, тем лучше. Но император ему верит. Нужны веские доводы, доказательства. И хорошо, если б ты их собрал. Я знаю, император давал тебе такие поручения в Галлии, – и он искоса пристально глянул Марцеллу в глаза.

Марцелл, во-первых, смутно понимал, о чем идет речь, на что намекает Вителлий, вспоминая Галлию, а во-вторых, не хотел ворошить прошлое и потому заговорил о деле:

– Кто может ждать эти деньги? Кто у тебя под подозрением?

– Под подозрением у меня многие, начиная с первосвященника... – Вителлий отвел взгляд и прошел в угол зала, откуда, не оборачиваясь, проговорил. – Впрочем, я не думаю, чтобы он пошел на союз с парфянами.

– Кто же тогда?

Проконсул обернулся и напоказ задумался, сжимая себе пальцами края рта и выдавливая вперед плотно сжатые розовые губы.

– Я думаю, что местные секты, – наконец, изрек он. – О них тебе подробно расскажет начальник секретной стражи.

– Но я на службе. Мне надо вернуться и отчитаться...

– Император дал мне особые полномочия, – проконсул глянул в угол на бюст императора и величественно выпрямился. – Я волен назначать по своему усмотрению. Что тебе нужно для поездки в Иудею и для выполнения поручения?

Это был своего рода вызов.

– Если мне будут названы имена и секретные слова наших людей в Иудее, то мне нужны вторая лошадь, чтоб быстрее добраться до места, и переводчик, – ответил Марцелл, но самым тоном подчеркнул и свое недовольство, и невыполнимость задания.

– Здесь опасно, – Вителлий, казалось, не заметил тона Марцелла, даже заботливо приобнял его. – Возьми с собой свой конвой. Они римляне. Это важно, когда речь идет о деньгах и мятежах. Сколько с тобой? Четверо? Я дам тебе еще трех. Сила парфян – в коннице. Нам тут каждый всадник дорог, но ради такого дела... И возьми по запасной лошади на каждого всадника. Если вы будете двигаться без остановки, вас не выследят и не перехватят по дороге.

«Неужели так опасно?..» – подумал Марцелл, но сдержался и не спросил.

Потом, уже в другом зале, Марцелла инструктировал бесцветный начальник секретной стражи.

– Тебе не надо будет сидеть в засадах или участвовать в погонях, – мурлыкающим голосом внушал он. – Тебе надо будет организовать поиск и поимку. Они там, в Иудее, спят. Надо разбудить, расшевелить... Игемон даст тебе полномочия...

– Почему вы величаете его по-гречески? – не выдержал Марцелл.

– Так принято... Вам подберут лучших лошадей, – продолжал, не отвлекаясь, начальник стражи. – До Кесарии путь не близкий. Прошу тебя прислушиваться к советам людей, которых игемон посылает с тобой. Они здесь не первый год.

– Мне нужен переводчик. Я не знаю местных языков.

– Солдаты знают...

Уже в сумерках, при свете факелов, во внутреннем дворе дворца онзнакомился с солдатами, данными ему дополнительно в провозатые.

Они были в старых галльских шлемах, напоминающих римские «кулусы», но с боковыми пластинами, в кольчужных доспехах (лорика хамата), у двоих – небольшие круглые щиты, у третьего – овальный skutum. В отличие от прибывших с Марцеллом преторианцев, они носили подстриженные бородки. И Марцелл отдельно пробежал взглядом по этим бородкам – смолянисто-черной, соломенно-желтой и бесцветно-серой.

– Имя?

– Араб, разведчик первой когорты легиона Галлика.

- Имя?
- Германик, разведчик третьей когорты легиона Галлика.
- Имя?
- Скиф, разведчик второй когорты легиона Галлика.

На каждый легион положена сотня конных разведчиков. Ему обещали дать лучших. Действительно, у этих двух на шее серебряные цепочки. И они же говорят с акцентом.

– Выезжаем завтра в третью стражу. Сбор вон у тех ворот. Секст, – он указал на одного из своих преторианцев, – назначается знаменосцем-сигнифером. Кто выбирал лошадей?

- Я, – отозвался Скиф.
- Отвечаешь за них.

На прощание надо было пошутить, и он пошутил:

- Будешь нашим магистром эквитум.

До рассвета они проехали центральной улицей меж рядами тускло отсвечивающих мраморных колонн, миновали Дафну с ее виллами и парками, полными свежих запахов, переправились через искрящийся Оронт и выбрались на большую дорогу. С моря дул холодный ветер, и все три проводника, кутаясь в плащи, посоветовали ехать не на Угарит, к морю, а на Сукур, прикрывшись горной грядой.

И теперь в темном углу харчевни Марцелл вновь и вновь возвращался мысленно к полученному от наместника заданию. Интрига Вителлия шита белыми нитками. Понтий Пилат – ставленник Сеяна. Но у Понтия Пилата жена из Клавдиев. Поэтому и донос на него должен составить кто-то из Клавдиев. Почему? Потому что настоящий отец великого императора Тиберия – сенатор Тиберий Клавдий Нерон.

Если Понтий Пилат действительно дал себя опутать местным храмовым правителям, то его, конечно же, надо менять. И такая замена перед войной будет равна выигранному сражению. А если Вителлий просто добывает людей Элия Сеяна, в том числе уцелевшего в провинции Пилата? Скоро десять лет, как он в Иудее, и, видимо, многое за ним числится. Здесь тоже очень тонкая грань. Требуется, чтобы прокуратор провинции ладил с местной властью, но при этом всегда и во всем отстаивал интересы Рима. У немногих одинаково хорошо получается и то, и другое...

«Я начну искать эти деньги, – вновь и вновь обдумывал Марцелл, – и по тому, как он будет мне помогать, увижу... Видимо, Вителлий так

и задумал. И для него главное – не перехватить деньги, а свалить Пилата. Хотя он ради денег...»

Хозяин выставил миску вареной и обжаренной свинины и миску мягкого овечьего сыра, чтоб на хлеб намазывать. Преторианцы достали кубик серого пайкового хлеба и начали нарезать.

Но тут Араб и Скиф, осматривавшие окрестности, торопливо вошли в харчевню со стороны внутреннего двора:

– Префект, отсюда по балке на юг быстро уходят пять человек, у каждого по запасной лошади, и еще с ними два мула, – четко без лишних слов доложил Скиф.

«Ну, вот оно – деньги увозят», – подумал Марцелл и усмехнулся собственной шутке.

– Вы их сами видели?

– Мы видели пыль над балкой, потом спускались в балку и видели следы. Четверо пришли отсюда, а пятый ждал их там с лошадьми и мулами. Приехали ночью, а уехали только что.

– Понятно. Хозяин!

Хозяин подскочил и застыл с обреченным видом.

– Кто здесь был?

Хозяин, бледнее и оползая на глазах, стал плести что-то невнятное.

– Ты специально даешь им время уйти?

Тут хозяин разрыдался, и из всего, произнесенного им, Марцелл разобрал только: «Они меня убьют...»

– Есть здесь еще кто-нибудь?

– А вон – лошадей сторожит, – вспомнил кто-то.

– Сюда его!

Скиф и Араб подтащили и картинно бросили под ноги Марцеллу хозяйского работника. Тот поднялся, отряхнулся и, оглядываясь на солдат, сказал:

– Я, между прочим, римский гражданин.

– Хорошо, римский гражданин. Кто здесь был?

– Здесь были люди.

– Греки, сирийцы, иудеи?

– Иудеи.

– Что они делали?

– Трое встречали четвертого.

– Ты их знаешь?

– Нет.

- Куда они поехали?
- Я не знаю.
- Почему твой хозяин их так боится?
- Мой хозяин не здесь.
- Хорошо. Почему этот человек их так боится?

На сыпавшиеся вопросы работник отвечал четко и кратко, но тут не выдержал:

– По глупости, префект, исключительно по глупости. Ибо не знает он ни истинной силы, ни истинной власти. Боится разбойников и не боится собственного неверия.

- Так они разбойники?
- Они – ревнителю.
- Ревнителю? – Марцелл оглянулся на солдат.
- Есть такие, – подтвердил Араб.
- У них было что-нибудь с собой?
- Кроме оружия, я ничего не заметил.

– Ну, ладно, – Марцелл встал и прошелся, обдумывая. – Они как-то называли друг друга?

– Да, того, которого встречали, звали Елеазар, и еще у одного из них прозвище – Сын Отца.

Хозяин в углу харчевни тонко заскулил, словно расставался с жизнью. «Комедия какая-то!..»

– Елеазар – самый главный ревнитель, – ответил Араб на недоуменный взгляд Марцелла.

– Большой начальник? – иронически улыбнулся Марцелл.

– Больше тебя, – без улыбки ответил Араб.

– Мы можем их догнать? – обратился Марцелл к Скифу.

– Я смогу, и он сможет, – кивнул Скиф на Араба. – Ваши не смогут. Надо доехать до Железного легиона и взять там свежих лошадей, тогда попробуем.

– Попробуем, – пробормотал Марцелл, прохаживаясь.

– Что я могу сделать для тебя, римский гражданин? – остановился он перед работником.

– Сделай для себя. Подумай о своей душе, о вечной жизни...

– Да, нахватался ты здесь... Как лошади? – опять обратился Марцелл к Скифу.

– Пусть отдохнут.

– Хорошо. И вы отдыхайте и доедайте.

Глава 3. Акбери по прозвищу «Скиф». Тот же день, а год не знаю

...И тут хитрый, как лисица, Араб взял со стола миску с кусками мяса и ссыпал ее содержимое в мою холщевую сумку:

– Префект, дай ему трех лучших лошадей, и пусть он скачет во весь дух, обгонит этих разбойников и поднимет легион «Феррата». Легион перекроет все дороги, и эти будут ехать медленно, тайно. Тогда мы их догоним...

Префект молчал, недовольный самоуправством Араба, но тот, упрямо показывая ему три пальца – дай трех лошадей! – сказал, понизив голос:

– Елеазар очень большой враг Рима...

Префект посмотрел на меня. Я ждал. Араб, конечно, был прав. Только так их нужно было ловить.

– Он их обгонит... А они его не перехватят? – спросил префект. – Их пятеро.

– Ха, – блеснул Араб зубами. – Если пять евреев перехватят одного хазара, то я выпью половину Мертвого моря. А если они перехватят его живого, я выпью все море.

Префект снова посмотрел на меня. Я кивнул.

– Ты знаешь, где квартиры Шестого Железного легиона?

– Знаю.

– Скажешь, что мы гонимся за Елеазаром. Именем проконсула Виттелия прикажешь, чтоб перекрыли все дороги.

Я взял трех лошадей, двух своих и запасную лошадь самого префекта, и вылетел на дорогу, обскакивая какой-то местный арамейский караван, идущий

щий в Дамаск. По этой главной дороге я и помчался, прикидывая, где они могут быть сейчас и где попытаются меня перехватить.

Судя по движению пыли, которое мы с Арабом видели, и судя по следам в овраге, они убегали, испугавшись нас. Иначе зачем им уходить так быстро в чужой земле, в пяти днях пути от родины? Им надо таиться и внимания к себе не привлекать. Шагом двигаться, чтоб пыли не было.

А если они бежали, испугавшись нас, то они за нами должны приглядывать. Хотя бы один приотстанет и за нами следить будет – куда мы скачем, чего делаем? Он меня увидит. Или уже увидел...

Если я их обгоню и подниму по тревоге легион «Феррата», а попутно и всех местных стражников, они окажутся в западне. Это они понимают, а значит, попытаются меня перехватить.

Эти пятеро мне не страшны. От них я ушел бы на одной своей лошади. Наш народ стремителен в нападении и упорен в рубке, и еще у нас есть навык «кашты» – бежать. Это когда возвращаешься из набега с добычей по чужой земле. Очень важный навык – уйти и добычу унести. И я «кашты» умею.

Но хитрый Араб не зря просил дать мне трех лошадей. На перекресток дорог, чуть ли не под стены Антиохии, для встречи самого главного ревнителя могли выйти четверо. Но пройти Галилею, Финикию или Гавланитиду и еще большую половину самой Сирии, а потом сопроводить этого Елеазара обратно той же дорогой... Нет... Если бы мне поручили такое задание, я взял бы с собой не меньше полусотни хороших воинов. Шел бы тихо, ночами... И где эта полусотня меня ждет?..

Времени у них немного. Если погонятся, я в первом же селении подниму тревогу... Значит, будут стрелять...

Не любит меня Араб... Он хочет быть первым разведчиком в легионе из всех 129, а я ему мешаю. Мне же мое место в легионе безразлично. Я думаю о другом...

Много лет назад отец привез меня сюда, в Антиохию, и оставил заложником. Больше я его не видел. Может, отца убили, а может, наши просто откочевали за Великую Реку. Меня не тронули. Видно, отец так и остался другом римского народа. Меня записали в легион Галлика, но прежде начальник тайной стражи вызывал меня и сказал, чтобы я служил честно. Скоро наше племя объединится с другими такими же племенами, и тогда меня пошлют к ним царем. Такое бывает, все об этом знают. Я не люблю рисковать, я хочу дождаться обещанного. Но, с другой стороны, царь должен быть храбрым, и все должны видеть это.

Я обогнал еще один караван и много одиноких путников. В первом же селении, где был пост стражников, я пугнул их, чтоб не спали:

– Именем проконсула Вителлия! Иудейские ревнители уходят от Антиохии... Искать по всем дорогам!.. – и помчался дальше.

Чутье подсказывало мне, что время пришло, и если они заметили меня и решили убить, то нападут где-то здесь и сейчас.

На скаку я встал ногами на круп лошади и выпрямился во весь рост.

Балка, над которой мы видели пыль, давно отклонилась к западу и из-за сплошной стены кустарника не просматривалась. Кустарник впереди вплетался в рощу, и туда же к роще сворачивала дорога. По дороге ехали какие-то повозки, и это делало картину обыденной и спокойной.

На повороте я чуть придержал свою лошадь. Дорога пересекала рощу, и она просматривалась насквозь. Я прикинул, что на расстояние полета стрелы мне придется скакать меж двумя стенами деревьев, и там меня будет легко перехватить. Поэтому не стал поворачивать, а перемахнул с лошади на лошадь и, не сбавляя скорости, поскакал прямо, без дороги.

Деревья на дальней опушке росли редко, а дальше тянулся обычный кустарник, и за ним виднелись холмы. Где-то еще восточнее должна протекать река. Явных препятствий я не увидел. Если в роще уже готова засада, я их обойду, – пришло решение, – возьму на скорость.

Сейчас я ехал на своей запасной лошади. Я припал к ее равномерно двигающейся шее, даже свесился на левую сторону, прикрылся этой темно-гнедой шеей от возможной стрелы. Справа, между мной и рощей, скакала моя прежняя лошадь. Вытянутой правой рукой я держал ее за уздечку. И слева, чуть приотстав, мчалась запасная лошадь префекта, вороная с белой проточиной на морде, самая сильная и быстрая из трех. Ее я припас для решающего рывка.

Все это время я всматривался в мелькающие деревья рощи и изредка бросал взгляд вперед. Но лошади еще от поворота дороги поняли, куда я правлю, и неслись правильно, как раз к краю опушки, чтоб обогнуть ее и дальше скакать вдоль деревьев. Если в роще у дороги засада, то сейчас они бросятся мне наперерез. Вот и пусть скачут по лесу, а я – по чистому. И целятся пусть меж деревьями...

Всадников в лесу я разглядел, когда огибал выступ опушки. В глубине, в полумраке, замелькали двое или трое, одетые в черное. Судя по расстоянию, они ждали меня у дороги, прячась за деревьями, а потом побежали вглубь леса к лошадям. Пока они бегали и садились...

Справа в роще что-то дважды звонко щелкнуло, а над головой у меня зловеще с фырчанием прожужжало. Пращники... Я правильно рассчитал: из лесу по движущейся цели стрелять трудно, вот они и попали по деревьям.

Я гикнул, вжимаясь в жесткую конскую гриву, но лошади, испуганные странным звуком, сами летели, едва касаясь земли.

Сначала было тихо, в лесу не щелкало, и над головой не жужжало. Я понял, что они хотят выбраться хотя бы за моей спиной на открытое место и запустить свои камни или куски металла мне вслед.

Скакать пришлось, обернувшись назад.

Вот двое выскочили из лесу, вот их лошади присели на задние ноги и задрали морды, терзаемые удилами, вот один закружил чем-то над головой... И тут я свернул своих лошадей в лес, а сам, вцепившись в седло, свесился влево, чтоб исчезнуть из виду. Вдобавок я отпустил уздечку своей первой лошади и свистнул...

Когда человек въезжает с чистого места в лес, тень меняется, свет меняется, цвет меняется. Те, кто скакал по лесу, должны были растеряться и вспоминать или угадывать, за какой лошадью я прячусь. А тут еще моя первая оторвалась и рванула в сторону, шарахаясь от кустов и прыгая через поваленные стволы.

Опять в лесу вразной засвистело и защелкало, а я мчался, забирая правее, чтоб проскакать остаток рощи наискосок и вылететь на чистое поближе к дороге.

Далеко справа моя первая лошадь взвизгнула, жалобно заржала и с шумом и хрустом свалилась в какие-то заросли. Но тут последние деревья расступились, я криком подманил немного отставшую вороную – хорошая лошадь слушается даже тени всадника, – перескочил на нее и, прикрываясь своею второй, темно-гнедой, лошадкой, начал настоящее «кашты» – стрелой пустился к дороге, по которой неторопливо полз навстречу нам какой-то караван.

Оглядываясь через плечо, я видел, как вскоре – я был уже за полторы сотни шагов – из лесу показались всадники в черном, с десяток, не больше, как они закружили пращами. Вот взмахнул один, другой... И я резко взял еще правее, поближе к дороге.

Караванчики остановились, не понимая, что за всадники гоняются друг за другом посреди благословенной и мирной Сирии. Второй град камней пришелся уже по каравану, так как я, угадав момент, снова свернул, но теперь влево.

На дороге началось невообразимое – разом затрещали опрокинувшиеся повозки, шарахнулись верблюды, вздыбились лошади, заорали ослы, заметались караванщики.

Я проскочил в промежуток меж двумя крытыми повозками, глотнул пыли и верблюжьей вони и помчался дальше, прикрываясь поднятой пылью и неустанно понукая лошадь. Высоко над головой еще просвистело раза два, но я был уверен, что эти в черном теперь от меня отстанут. За пылью и суетой на дороге разглядеть меня было трудно. Да и разбойнику на чужой земле при такой панике и криках среди бела дня больше хочется самому бежать, чем за кем-то гнаться.

В общем, я легко отделался, потеряв одну лошадь из трех и сохранив свою голову. Вспомнив с благодарностью души предков, которые меня охраняют, и воздав мысленно хвалу Умай и Тенгери, я стал придерживать рассказавшихся лошадей, чтоб сохранить в них силы до самого Азота, где стояли первые посты легиона «Феррата». Правильно говорил нам командир разведчиков: «В военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть».

Еще в одной деревне я поднял стражу по тревоге, затем, не доезжая Сутура, свернул на Новую Угаритскую дорогу и уже в 6-м часу дня, измотав лошадей, увидел в предгорьях вышку и фашинные стены лагеря.

Это была обычная, намозолившая глаза *castra stativa*: ров, вал, плетеные щиты, каменная башня у входа. В полукруглых выступках на фазах и углах лагерных стен светились шлемы часовых.

Объезжая засеки и угадывая волчьи ямы, я подскакал по обозначенной тропе ко входу и спешил по знаку тессерария. Ездить по лагерю верхом запрещалось.

Войск в лагере было не больше манипулы. Большинство, как обычно, работало, углубляло ров с южной стороны, лишь лучники и пращники дежурили на стенах.

Я передал центуриону слова префекта и доложил о нападении на меня в дубовой роще.

Центурион молча кивнул, с сомнением оглядел моих измученных лошадей и сказал:

– Я понял. Здесь в двадцати стадиях за рощей лагерь арамейской конницы. Скачи туда.

Вместе со мной из лагеря выехал еще один конный солдат, но подскакал в другую сторону.

Глава 4. | Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». Тот же день

То, что римлянин никогда не ловил разбойников и не служил на границе, я понял сразу. Значит, ловить Елеазара надо мне, по крайней мере – постараться не упускать его из виду.

Первым делом я настоял, чтобы римлянин послал Скифа вперед, поднять по тревоге всех, кого удастся. Во-вторых, надо было предупредить самого наместника или хотя бы начальника секретной стражи. Елеазар того стоил. Кроме того, я не верил, что Елеазара встречают только четверо. Чтобы встретить важного господина в двух тысячах стадий от своей земли, я взял бы в набег сотню всадников. Римлянин об этом даже не догадывался. Более того, он не знал, кто такой Елеазар.

Но, судя по внешнему виду, римлянин человек упрямый, и так надавить на него, как в случае со Скифом, второй раз не получится. Он просто упрется.

Я взял за плечо работника, который нам все рассказал, и снова подвел к префекту:

– Ты не спросил его, откуда пришел Елеазар и один ли он пришел.

– Будем считать, что ты спросил его об этом.

И мы вместе посмотрели на работника.

– Я не знаю, я не видел, – ответил он.

– Ну, и откуда же он пришел? – спросил меня римлянин, разгадав уловку.

– Не знаю. Но единственная независимая от Рима страна поблизости – Парфия. Владыки других стран побоялись бы принять его на своей земле.

– И ты считаешь, что он был не один?

– Да. Он не мог идти сюда один от самого Евфрата. Если бы он был один, эти встречали бы его там, на границе, а не здесь.

– С кем же он пришел?

– С караваном. Много караванов идет с востока, и здесь они сворачивают, кто – на север, кто – на юг.

– И этот караван свернул на север, иначе эти четверо ждали бы Елеазара где-нибудь южнее. Логично? – усмехнулся римлянин.

Я не знал, что значит слово «логично», но продолжал:

– Когда мы подъезжали к этой харчевне, встретили всего один караван. Они приостановились, увидев нас, правда, всего на миг. А когда мы проскакали, они смотрели нам вслед дольше, чем обычно.

– Откуда ты знаешь? Они ведь остались сзади.

– Я нарочно оглянулся, я заметил их заминку.

– Ты хороший солдат...

Я был лучшим воином легиона. Похвала римлянина звучала как насмешка. Но он говорил искренне, и я не ответил.

– Караванщиков надо схватить и допросить, – решил префект.

– Если мы вернемся, то потеряем время и упустим самого Елеазара, – соврал я.

Елеазар обнаружен, первые меры приняты. Дорога в две тысячи стадий... В глубине души я считал, что Елеазар уже погиб, только потому что целых четыре дня не было дождей, мы и обратили внимание на поднятую им пыль.

– Тогда скажи и предупреди начальника тайной стражи. Хотя нет, – римлянин подумал. – Пусть скачет Германик. Германик!..

Соломенно-желтый Германик, не выказав ни радости, ни огорчения, отправился в обратный путь.

– Что с лошадьми?

Пожалуй, Елеазар достаточно оторвался, да и Скиф должен будет отвлечь его, чтобы нам безнаказанно ехать следом.

– Можно ехать.

Мы спустились в балку, и я показал всем следы. Ни префект со слугой, ни преторианцы в них не разбирались.

– Вам лучше ехать по краю балки, чтоб на нас не напали сверху или из засады.

Я видел, как преторианцы сразу же взялись за оружие и подтянулись. Правильно. Так они не будут торопиться и меня подгонять.

Судя по следам, иудеи уходили вскачь. Следы шли ровно на протяжении двадцати стадий, затем один отстал и поднялся вверх по отрожине. Потом он опять вернулся к общему следу, но через каждую вторую отрожину отставал и поднимался к краю балки.

Несколько раз вслед за ним я высовывался из отрожины, и преторианцы, ехавшие чуть в стороне, придерживали лошадей и смотрели на меня, будто первый раз видели.

Западнее, в долине, тянущейся меж холмами в сторону моря, виднелись деревни и пасся пестрый скот.

Верховья балки терялись в дубовой роще и ее вечнозеленом подлеске. Следы свернули в очередную отрожину, теперь все вместе. Следуя за ними, я поднялся в рощу, где на поляне увидел место спешно покинутой стоянки.

Подъехали римлянин и преторианцы. Даже если они и не разбирались в следах, и то по истоптанной поляне и сломанным веткам все поняли.

– Здесь не четверо... – проговорил римлянин. – Целый отряд... Куда они направились?

Ясно, что отряд мог уйти лишь вглубь рощи.

– Осмотрите здесь всё.

Преторианцы объехали поляну, заглядывая за кусты, и из-за одного, спешившись, вытащили подростка-арамея с искусно свернутой шеей. Он был еще теплым.

Я прислушался. Где-то в стороне блеяла коза. Понятно. Он искал в роще сбежавших коз. Козы – очень капризное и вредное животное.

– Откуда он здесь?

– Наверное, из деревни. Там, в долине, их несколько.

Римлянин колебался.

– Надо отвезти его в деревню. Если начнется судебное разбирательство, мы все будем свидетелями.

Однако, подумав, он принял более зрелое решение:

– Секст, Публий, вытащите его на опушку и дайте знак ближайшим пастухам.

Пока возились с трупом, я посчитал конские и человеческие следы. Правильно, лошадей примерно вдвое больше, чем людей. У каждого всадника запасная лошадь. Как и у нас.

Прямо с поляны следы пошли веером. Ревнителю выбросили боковые охранения. Но с поляны поехали шагом, не торопясь. И нам спешить пока незачем. Куда бы они ни ехали, у них два пути. Скоро начнется горный хребет, который тянется вдоль моря на юг целую тысячу стадий, ну, может быть, восемьсот. Либо они поедут справа от хребта, вдоль моря, но тогда будут жаться к горам, где леса. Либо – слева, между хребтом и рекой Оронт. Там лесов нет, одни кусты и овраги. Тоже удобно. Могут, конечно, и за Оронт уйти...

Внезапно следы смешались. Да, понятно – две лошади подскакали слева, от опушки. Потом одни иудеи поскакали вперед, а другие, как и прежде, поехали шагом. Это они Скифа увидели.

Роца спускалась в низины, выбиралась на холмы, обрывалась и снова начиналась. Слева, вдали, давая полукруг, плавно приближалась дорога.

Вот, судя по следам, остальные поскакали. Видимо, Скиф их очень сильно встревожил.

Я не выдержал и, хотя чуял опасность, перешел на легкий галоп. Римлянин и преторианцы – тоже. Справа, в просвете между дальними кустами, показалась деревня. Там суегились какие-то люди. Но следы туда не сворачивали.

Новый массив, пересекаемый дорогой. Вот здесь они его и ловили. Следы опять смешались. Справа, в низине, на дороге галдел остановившийся караван. Я разглядел опрокинутые повозки, лежащего верблюда.

Они погнались за Скифом и налетели на караван.

Несколько следов вели от роци к каравану, но потом возвращались, и земля там была взрыхлена – поворачивали на всем скаку.

Римлянин дал знак спускаться к каравану. Но по-арамейски он не говорил. Расспрашивал караванщиков я.

Римский солдат проскакал очень быстро, и за ним бежала еще одна лошадь, – поведали караванчики, – потом из лесу выскочили люди в черном и разбили караван.

Они показали с десятка гладких свинцовых снарядов, заостренных с одной стороны.

– Спроси, как они выглядели, – сказал римлянин, взвешивая снаряд на ладони.

Они были в темных или черных плащах с капюшонами, закрывающими лицо. И лошади под ними были темные, темно-гнедые и вороные. Разглядывали их недолго, они сразу же ускакали в лес.

Понятно. Они упустили Скифа и теперь уходят вскачь подальше. Из дубовых насаждений они не высунутся до ночи. Днем в такой одежде они всем бросаются в глаза.

Римлянин и его преторианцы здесь теперь только мешали. Я подъехал к нему:

– Их больше, чем мы ожидали. Надо собрать солдат в погоню. Лучше – вспомогательную конницу. Езжай по этой дороге. Когда начнут-ся горы, увидишь лагерь. А я поеду за ними по следам. Начальникам скажешь, пусть смотрят желтый дым. Где дым, там – я, а они – рядом.

Римлянин, как я понял, оказался умнее, чем я сперва предполагал, он умел слушать и не упрявился по пустякам.

Я вернулся в лес, нашел убитую лошадь и поехал дальше по следам. Иудеи помчались на восток. Они перемахнули широкую прогалину и поскакали по оврагу. Я в овраг не спустился, поехал чуть в стороне и вглядывался в даль, не покажется ли пыль. Пыли не было. Видно, они успели доскакать до дальнего леса, а там подлесок, листва под ногами. Хотя, могут и в овраге затаиться. Выползет такой в черном плаще на гребень и влепит из пращи в лоб... Нет, лошадь учует... Ветер встречный...

Наконец, я разглядел пыль. Они прошли дальний лес.

Я свернул вправо, в кусты, чтоб не торчать на чистом, и придавил лошадь. Теперь надо незаметно сесть им на хвост.

Я – лучший воин легиона, и прозвище мое самое верное. «Араб» – значит «воин». Никто в легионе не умеет так выслеживать врага, как я. Среди своих набатейцев я тоже был из лучших. Но по горячности в споре я зарезал одного из нашего рода, и мне пришлось бежать в Сирию. Чтобы как-то жить, я поступил в арамейскую конницу. Вскоре сам легат взял меня к себе в легион «Галлика». Меня звали и в Десятый легион «Фретенсис», но я не пошел, у них символ – голова свиньи...

Внезапно в кустах я увидел следы двух лошадей. Откуда они идут? Они шли от оврага. Понятно. Боковое охранение. Я стал всматриваться, не мелькает ли где впереди среди кустов голова. Как ни всматривался, не увидел. Потом через десять стадий следы опять вернулись

к оврагу, но на смену им через стадию появились новые следы двух лошадей. Они вывели меня на пригорок, откуда открывалась уютная тенистая низина с ручьем и деревней вдали, и опять свернули к оврагу.

Я поехал шагом. В третий раз, судя по следам, две лошади появились около деревни и доехали до тропинки, петляющей меж кустами. Деревня отсюда была как на ладони. «Чего-то ищут», – подумал я. Обе лошади вернулись к оврагу и в четвертый раз появились уже стадий через шесть, выехав на взгорок, откуда виднелась та же низина, но уже с другой стороны, поехали было к деревне, но круто повернули и поскакали к оврагу.

Когда такие следы появились передо мной в пятый раз, я понял, что скоро опять будет деревня. Или у них раненый, и они хотят его оставить, или... хотят оставить самого Елезара. Скорее первое. Скиф – хороший солдат, мог и пощипать их. Но возможно и второе.

Они объехали и осмотрели со всех сторон вторую деревню. Обычная сирийская деревня, дальше к горам – луг, на лугу скот пасется. За деревней начиналась редкая роща. Здесь они перешли на шаг и дальше опушки не высывались. За рощей по прогалине опять пошли в галоп до ближайшего леса и здесь остановились. Пыль, поднятую их скачкой, я и увидел издали. А когда они, отдохнув, собирались в путь, я чуть на них не нарвался. Пришлось спрыгнуть на землю и уложить обеих лошадей.

Я их догнал.

Дальше я крался за ними по лесу, стараясь держаться на расстоянии. В 12-м часу дня, перед сумерками, отпустив их подальше, я зажег первый костер.

Темнело. Я больше полагался на лошадей, которые фыркают, почувяв опасность. Во мраке звуки стали яснее. Где-то в глубине леса во зились, ухали и трещали ветками дикие свиньи. Из зарослей зашипел на лошадей и сверкнул глазами лесной кот. Видно, иудеи ушли далеко, и животные успокоились. Но я не торопился. Они могли увидеть дым и оставить засаду. И так в темноте – шаг за шагом чуть ли не на ощупь...

Глава 5. | **Марк Клавдий Марцелл Младший. Месяц Марса, день 2-й. VI перед Нонами**

В первом же лагере центурион подтвердил Марцеллу, что объявлена тревога по всем частям легиона. Марцелл сказал ему о желтых дымах, и центурион сразу же отправил двух солдат, одного в сторону горного перевала, другого – на север, где у ручья за рощей стоял лагерь вспомогательной конницы.

Шестой легион стягивался к Антиохии. Старший из центурионов готовился принять через несколько дней в лагере две когорты из Арвада. Где сейчас легат легиона, он не знал, возможно, в Триполи. Кому он отправил донесение о появлении Елеазара? Префекту вспомогательной конницы в ближайший лагерь и трибуну латиклавию, который руководит передвижением легиона. А он где? В ста пятидесяти стадиях, на посту Азот, куда только что ускакал солдат.

Дав лошадям отдохнуть, Марцелл взял проводника и со своим поредевшим конвоем поскакал в Азот. Трибуна латиклавия на посту не оказалось, он уехал в горную деревню Мазарию, навстречу когортам.

Переночевав на посту, Клавдий Марцелл выехал в указанную деревню и, не доезжая ее, на Новой Угаритской дороге встретил две когорты Шестого Железного легиона.

Сначала он услышал размеренный рубленный ритм, позже, как из-под земли, появились и подозрительно осмотрели его и его конвой несколько лучников и пращников, затем из-за поворота появился смешанный отряд из пехоты и всадников.

Марцелл понял, что это авангард, съехал на обочину и ждал. Мимо него прошли тяжело нагружен-

ные солдаты – по десять от каждой центурии – и пронесли не только свою поклажу, но и инструменты для отмеривания лагеря. За ними тянулись рабочие, которые должны были выравнивать извилистые и буржистые места по главной дороге и срубить мешающий кустарник, чтобы войско не уставало от трудностей похода. Дальше под прикрытием отряда всадников показался обоз. За повозками двигались навьюченные мулы – это везли скорпионы и другие метательные машины. И вот, наконец, Марцелл увидел начальников когорт в ярких доспехах и среди них по особым перьям на шлеме угадал трибуна латиклавия.

Они картинно съехались и остановились, пропуская когорты легиона, полное название которого было «*Ferrata Fidelis Constans*».

Трибуном латиклавием в Шестом легионе был молодой Гней Лициний Лукулл. Марцелл знал его в Риме.

Гней Лициний, обветренный и загорелый, всей душой в походе, несказанно удивился:

- Марк? Ты здесь? Это ты ловишь Елеазара?
- Не знаю, что тебе ответить. Знаю только, что это я вспугнул его.
- Ты давно из Рима?
- Только что. Но что с Елеазаром?
- Мы подняли всех отсюда и до Пальмиры.
- А желтые дымы?

Гней Лициний почесал кончик обгорелого под зимним солнцем носа:

– Один видели вчера на закате, второй сегодня во 2-м часу дня. Судя по ним, Елеазар уходит вверх по Оронту, – и, видя озабоченность и даже тревогу Марцелла, Лукулл добавил. – Все меры приняты, остается ждать. Нам пора разбивать лагерь. Оставайся с нами и будь моим гостем. Все равно все сведения о Елеазаре будут докладывать мне.

Мимо них пронесли знаки когорт – бронзовые ладони в обрамлении лавровых венков. За знаменами прошли трубачи, и только тогда показалась основная масса пехоты. С ней нанесло запахи пота и нагретого металла. Солдаты шли тесными рядами по шесть человек и, помимо оружия, тащили на себе пилы, корзины, лопаты, топоры, ремни, серпы, цепи и на три дня провизии. Они молчали. Их металлические подошвы издавали на горной дороге рубленый скрежещущий звук.

Когорты вышли на просторную поляну меж двумя кряжами и стали строить лагерь. Выбрали место поровнее, тщательно отмерили огромный четырехугольник. На глазах Марцелла стал разрастаться импро-

визированный город. Одни ставили палатки, другие насыпали по периметру вал и рыли ров в четыре локтя глубины и столько же ширины. Кто-то уже отправился за дровами и водой. Лукулл, почти не распорядившись, наблюдал за работами. Рядом с ним стоял и наблюдал Марцелл.

Сведений о поисках Елеазара не было.

Первым, вопреки ожиданиям, уже в сумерках прискакал Германик из Антиохии и передал свиток Лицинию Лукуллу.

– Ловить Елеазара приказано мне, – сказал Лукулл, прочтя его. – Тебе разрешено продолжать путь в Иудею. Этот солдат придается тебе. Что ж, завтра с утра и поедешь.

Пилус приор – центурион первой центурии – доложил, что палатка трибуна латиклавия готова.

– Прошу. Окажи мне честь, будь моим гостем, – повторил Лукулл.

Уже у палатки к нему подбежал гонец, оставивший лошадь у ворот, и заговорил, понизив голос. Лициний кивнул:

– Отдыхай... – и обернулся к Марцеллу. – Третий дым. Они свернули в горы.

– Сюда? К нам?

– Южнее.

В палатке Марцелл переоделся с помощью слуги, и они с Лукуллом возлегли у богато убранного столика.

– Меду в вино добавить?

– Лучше теплой воды.

– Настоящая морская...

– Благодарю.

– Беллоне! – провозгласил Лукулл, отлив из чаши на пол.

– Беллоне, – согласился Марцелл.

Отварное обжаренное мясо брали кусочками и макали в соус – чесночный или рыбный на выбор.

– Ты добрался сюда морем? И как оно? – начал расспросы Лукулл.

– Зимой море, как и обычно, беспокойно. То ливийский флейтист, то понтийский трубач, – пошутил Марцелл. – Но милостью богов я доплыл благополучно.

– Император послал тебя в Иудею сменить этого самнита Понтия Пилата?

– Увы, император всего лишь послал меня как гонца с письмом, правда, очень важным, к Луцию Вителлию.

– Тебя? Как гонца? Что, раскрыт новый заговор, и ты в нем участвовал?

– Нет, я всего лишь... связался... с Ливией, вдовой Друза, – сказал Марцелл, подхватывая двузубой вилкой кусок мяса из общего блюда и перекладывая к себе на серебряную тарелку.

– Внучкой?.. – и Лукулл, прищулив один глаз, ткнул указательным пальцем вверх.

– Да, внучкой... Внучкой императора Тиберия...

– Ну, тогда это происки Макрона и Сервилия с Корнелием! – воскликнул Лукулл, показывая, что в курсе всех придворных сплетен. – Ты мешал им свалить Мамерка Скавра. Ведь его и ее обвинили... Ты знаешь?

– Да... Знаю...

– Постой! Но ведь ее скоро год, как выдали за Рубеллия Бланда...

– В этом все и дело. Гай Рубеллий Бланд не побоялся показаться смешным...

– Конечно. Страх показаться смешным...э-э-э...просто смешон...

– Он хотел обрушиться на меня и на нее всей мощью своей власти и римского права...

– Ты шутишь?

– О, если бы!.. Император срочно отправил меня в Сирию при первой возможности. Рубеллия на следующий год он упрячет проконсулом куда-нибудь в Африку. А пока... Будем ждать, пока буря стихнет.

– Так ты жертва любви?..

– О, нет. Я всего лишь жертва неверного расчета, – криво усмехнулся Марцелл.

– А Ливия?

Марцелл неопределенно пожал плечами.

– Омакни сюда, – показал Лукулл. – Это сок сельфии.

– М-м, это редкость...

– Еще бы! Во всей Сирии есть только у меня. И растет только... в Ливии. Ха-ха...

Рассмеяться в ответ Марцелл не смог.

– Берегись, – посерьезнел Лукулл, увидев невеселую усмешку Марка Марцелла. – И в любви, и в ненависти женщины готовы на все.

– О, я помню эту нашу пословицу. Но... думаю, она меня уже забыла.

– Это было бы хорошо... А зачем ты едешь в Иудею?

– Вителлий хочет, чтобы я предотвратил там восстание.

– А Пилат на что?

– Вителлий ему не доверяет.

– Ну и правильно делает. Попробуй этот паштет.

– М-м-м, – оценил Марцелл. – Из чего это?

– Тайна, но тебе как-нибудь открою. Попробуй это хиосское.

Марцелл отпил из хрустальной чаши с ручками, изогнутыми в виде змей.

– Оно восхитительно!.. Я вижу, ты здесь, в Сирии, живешь, как на курорте.

– О! С тех пор, как брат моего прадеда завоевал Сирию, а Помпей объявил ее римской провинцией, многое изменилось. Ты же был в Антиохии? Теперь Сирия самая богатая провинция. Прекрасное место, прекрасный климат. Хотя временами мне очень хочется вернуться в наше поместье близ Тускула... – Лукулл вздохнул, покачивая в пальцах полупустой кубок. – Да! Как же ты нарвался на Елеазара?

– Случайно.

– И это точно он? – скрывая недоверчивую улыбку, Лукулл обмакнул кусочек мяса в чесночный соус.

– Не знаю. Я его никогда не видел. Объясни мне, кстати, кто такие ревнителю?

– Ревнителю? М-м-м... – Лукулл промычал, прожевывая и настраиваясь на долгий разговор.

Специальный мальчик-раб по знаку подсел и подставил под руки Лукулла свою кудрявую голову. Хозяин обмакнул руки в серебряный тазик с водой и лимонным соком и стал тщательно вытирать их о кудри мальчика.

– Это очень большая секта, которая хочет оторвать Иудею от Рима. Она существует около тридцати лет. Когда Квириний прибыл в Иудею, чтобы конфисковать имущество Архелая и переписать население, некий Иуда из Гамалы поднял смуту...

– Подожди. Кто такой Архелай?

– Ах, да! Позволь, я начну с самого начала. Помпей завоевал эти земли и объявил здешних царьков друзьями римского народа. Потом, когда убили Цезаря, Кассий и Брут назначили одного из них, Ирода, наместником Сирии. Этот Ирод оставался на плаву при всех правителях. Октавиан Август и римский сенат объявили его царем Иудейским. Потом он связался с Антонием и Клеопатрой, но вовремя перешел на сторону Октавиана и усидел на своем троне. Но когда он умер, Октавиан разделил его царство на тетрархии, и правильно сделал. Две

доли получил Архелай, и по одной – Антипас и Филипп. Все они родственники Ирода. Архелай управлял плохо и жестоко, поэтому местные иудеи поехали в Рим проситься в состав Сирии, получить автономию. Август сместил Архелая и включил две его доли в состав провинции Сирия. Это Идумея, Иудея и Самария. Квирий, бывший в то время сирийским наместником, конфисковал имущество Архелая и переписал население этих новых областей. А прокуратором назначил Колония. Так вот, во время этой переписи Иуда из Гамалы поднял смуту с целью отпадения от римской власти. Своих приверженцев он объединил в секту. Они не признают над собой главенство человека, будь это даже сам император. Единственным владыкой считают своего Единого Бога. За него они постоянно готовы идти на смерть. Себя не жалеют, а других и подавно... Очень ревностно, знаешь ли, относятся... Смуту подавили, а секта сохранилась. Большинство населения Иудеи ревнителей подерживает, поэтому выловить их невозможно, – Лукулл рассказывал охотно, видно, давно не говорил с человеком своего круга.

– Благодарю. Твои слова мне хоть что-то объясняют. Скажи, если б ты был парфянский царь, и тебе надо было поднять восстание в Иудее, кому б ты послал деньги? И как бы ты их передал?

– Если б я был парфянский царь?! – расхохотался Лукулл. – Забавно представить!

– И все же.

– А почему тебя это интересует?

– Вителлию сообщили, что из Парфии послали деньги в Иудею на подготовку восстания.

– И ты считаешь, что их везет Елеазар?

– Во всяком случае, его встречали с запасными мулами.

Лукулл посерьезнел:

– Зачем давать им деньги? Денег у них – море. Я бы дал им законного царя.

– А те, что были – Архелай, Ирод – они незаконные?

– Конечно! Против них постоянно поднимались восстания...

– И все-таки, кому бы ты передал деньги и как, чтобы поднять в Иудее восстание? – настаивал Марцелл.

– Передал бы ревнителям. Это без сомнений. Но как? По-моему, ты зря вцепился в этого Елеазара. С ним деньги передавать не будут,

и через Евфрат он их не повезет. Зачем? Достаточно переслать платажное поручение из Селевкии в Кесарию или Иерусалим к их менялам, «аргентариям». Это можно сделать с любым караваном и в любое время. Перехватить невозможно. Представь, сколько караванов придется перетрясти, чтобы найти кусок пергамента.

– Что же делать?

– Чтобы перехватить деньги? Не знаю.

– А чтобы предотвратить восстание?

– Подними Десятый легион и бей сразу, как только начнут скапливаться, – пожал плечами Лициний Лукулл.

– Вителлий, наоборот, хочет забрать Десятый легион из Иудеи.

– Тогда сделай что-нибудь, чтоб они восстали до того, как легион уйдет. Перебей как можно больше мужчин, чтоб некому было восставать.

– Спровоцировать восстание?

– Да. Так всегда делают. Помни о преимуществе первого удара, – назидательно поднял палец Лукулл.

– Ты говорил о законном царе, – вспомнил Марцелл. – Как ты думаешь, почему Елеазар не объявляет себя царем?

– Наверное, потому что он не царского рода. Законным признают только человека из рода царя Давида.

– А это кто?

– Точно не знаю. Это было давно. Но они так говорят.

– Как ты думаешь, поймаем Елеазара?

– Во всяком случае, местные сирийцы будут стараться, – успокоил Лукулл. – Они ненавидят иудеев.

– Как же они сюда пробрались?

– Ночами... – пожал плечами Лициний Лукулл. – Может быть, хотели показать нам свою силу, свою... вездесущность... А может... Нет, не знаю. У них своя мыслительная система. Мне ее не понять.

В конце второй стражи прискакал гонец и доложил, что ревнители были зажаты в ущелье у Мазарии, но прорвались и уходят к Кардахии.

– Почему упустили?

– Темно было.

– Хорошо, возвращайся. Скажи, чтоб преследовали.

– Где эта Кардахия? – спросил Марцелл.

– Недалеко отсюда. Завтра поедem, посмотрим.

Глава 6. | Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». День 3-й от начала поездки

За два последних дня я сильно вымотался. Всю позапрошлую ночь я крался за этими иудеями, которые тоже медленно и осторожно шли по незнакомому лесу. Вскоре я почувствовал в воздухе сырость и даже расслышал плеск воды – лес приблизился к реке Оронт. Я взял правее и поехал по равнине между пойменным лесом и горами. Ночь, вопреки ожиданиям, была ясной, и я надеялся разглядеть следы, если они вдруг свернули и ушли в горы.

Справа на склоне я разглядел еще одну маленькую деревню, но из-за каменистой почвы не обнаружил ни одного следа, ведущего к ней.

Потом до меня стал отчетливее доноситься плеск воды, и я понял, что они въехали в реку. Я поворотил лошадь в лес и тоже спустился к реке. Вдали, у поворота, я увидел несколько конных фигур. Они прятались в тени под невысоким обрывом, но лошадь одного из них несколько раз ударила ногой по воде, я взгляделся и увидел.

Отряд ушел, а они таились и ждали. Они проверяли, нет ли за ними слежки. А в воду въехали, чтобы сбить со следа.

Тогда я решил выехать обратно на равнину и обогнать их. Не следом над рекой красться, а поскакать, спуститься к реке выше по течению, южнее, и ждать, когда они сами на меня выйдут.

Только я разогнался, как конь подо мной вдруг заупрямился. Я почувствовал неладное, спрыгнул на землю и положил в траву обеих лошадей. Только я так

сделал, как впереди из лесу выехали трое или четверо, на фоне деревьев трудно посчитать, покрутились и опять заехали в лес.

Выждав, я тихо поехал по опушке, полагаясь на лошадей. Но лошади шли спокойно.

Уже перед рассветом, в начале четвертой стражи, опять стали доноситься звуки, и я понял, что ревнителю устали и остановились передохнуть.

Я тоже не железный. Отъехал подальше, спустился в лес, выбрал место, откуда можно было бежать в разные стороны, и, прислонившись спиной к дереву, с поводьями, намотанными на руку, продремал до рассвета.

Утром, перекусив пшеничной лепешкой и финиками, я осторожно поехал дальше по лесу и нашел место их предрассветной стоянки. Здесь я разжег еще один костер и бросил в огонь растертый корень одного известного мне растения. Теперь точно не уйдут!

Зачем они в реку въезжали? Со следа сбивали? Почему так рано выбрались обратно? И все ли они вернулись на этот берег?..

Я вернулся назад к повороту реки и переправился вброд на другой берег. Теперь можно было и не прятаться. Из-за реки по скачущему из пращи не попадут. А если кто-то ночью переправился на правый берег, то теперь он уже далеко.

Вскоре за поворотом я увидел на правом берегу следы десяти лошадей, ведущие на восток, в пустыню. Ревнителю разделились. Пока я тайлся и спал, эти на десяти лошадях всю ночь скакали...

Теперь я боялся упустить тех, что вернулись на левый берег. Я поехал правым берегом вверх по реке открыто. Пусть они меня боятся. Больше следов переправы нигде не было.

Река делала изгиб, напоминающий натянутый лук. Там на левом берегу в болотистой низине лес рос особенно густо, но дальше, за изгибом, тянулось голое место с редким, будто обглоданным кустарником.

На этом открытом месте я переправился на левый берег и поехал к горам. Слева вдали угадывались развалины Хамата. До самых склонов я ни разу не встретил их следов. Видно, они ушли со своей предрассветной стоянки, но по открытому месту днем идти боялись.

Весь день иудеи просидели в пойменном лесу, а я кружил вокруг и ждал подхода арамейской конницы. Конница не появлялась.

Я уже догадывался, что при первой возможности ревнителю пойдут в горы. Одни ускакали на восток, в пустыню, другие пойдут в горы, на запад.

Перед сумерками они пошли, прячась меж кустами и ведя лошадей в поводу.

Отпустив их немного, я так же пошел следом и на ближайшем склоне зажег третий костер.

В горах, в темноте, с двумя лошадьми по незнакомой дороге пришлось двигаться медленно. Узкая тропинка, сдавленная с обеих сторон кустарником, тянулась неуклонно вверх.

Примерно в конце первой стражи я расслышал впереди шум боя...

Их перехватили. Но радоваться было рано. Они могли повернуть и побежать обратно, прямо на меня. Я съехал с тропинки и затаился в кустах.

Они и впрямь поскакали в мою сторону. Из-за шороха кустов под ветром я не расслышал, сколько их скачет. Пришлось действовать как на охоте – первых пропустить и бить последнего. Двоих я пропустил, а когда со мной поравнялся третий, я больше не слышал сверху на тропинке стук копыт и метнул дротик ему в спину. Его сорвало на землю, но двое первых даже не замедлили бег своих лошадей. Видно, они просто не расслышали.

Выждав время, я съездил за дротиком и направился дальше, вверх по тропинке. Ехал я медленно, вслушиваясь в каждый шорох. Они могли, спасаясь, затаиться где-нибудь в кустах у тропинки, как это только что делал я.

Один, действительно, затаился. Я почувствовал его, когда уже миновал. Но он лежал тихо, боялся. Чтоб не вызвать подозрения, я проехал и, не оборачиваясь, стал перехватывать дротик, чтоб удобнее метнуть.

Он тоже что-то почувствовал, откатился с шумом и хрустом в какую-то яму и побежал, прячась за кустами. В темноте я метнул на звук, но промахнулся.

Наконец, впереди послышалась громкая арамейская речь. Свои...

Всадники из вспомогательной конницы, числом около турмы, искали по кустам, сносили к тропе и складывали в рядок убитых. Я окликнул их и назвал. Подъехал их центурион:

– Это ты жег костры?

– Я.

– Хороший солдат... Они прорвались и ушли на Кардахию, – он указал на юго-запад.

– Трое убежали к Оронту, – сказал я.

– Здесь – четырнадцать, – он указал на трупы у тропинки. – Сколько их было всего?

– Я их так и не посчитал, – признался я.

– На Кардахию ушли человек двадцать, – продолжал он. – Наши погнались...

– Догонят, – сказал я. – Ночью в этих горах ваши лучше знают дороги.

Он согласился, потом указал мне на поляну:

– Там наши лошади и повозки. У нас приказ оставаться здесь, подбрать этих и ждать новых приказаний. Сейчас там разведут костры. Сколько ты на ногах?

– Почти двое суток...

– Хороший солдат, – повторил он.

Рано утром меня разбудили. Центурион уже сидел верхом. Арамеи сворачивали свой временный лагерь.

– Мы уходим. Ночью наши нашли и перебили... этих...

– Я с вами.

Часа через полтора потянуло гарью, мы свернули с широкой тропы на узкую, едва заметную, и спустились к темному ущелью. Здесь даже во втором часу дня царил полумрак.

Две сотни арамейев сновали по ущелью, отдыхали на вершине склона и, судя по обрывкам фраз, ждали приезд начальства. Среди них я заметил Скифа.

Осмотрев все вокруг, я понял, как брали ревнителю. Они свернули в это ущелье и затаились. Но местные их заметили или догадались, обошли ущелье по склону и устроили на выходе камнепад. Судя по всему, они рассыпали две цепи на склонах и плотно стали на входе и выходе, а на рассвете подожгли кустарник. Выскакивавших из пламени расстреляли. Немногие смогли сойтись на прямой удар.

Теперь убитые были снесены в одно место и лежали ровным рядом. Их все еще рассматривали и обыскивали.

Подъехало начальство – римлянин и с ним кто-то в ранге легата или старшего трибуна легиона.

Они прошлись вдоль тел убитых иудеев. За ними шли уже знакомые мне преторианцы и откуда-то появившийся Германик.

– Двадцать два. Хорошая работа, – сказал трибун.

Командир турмы пошептался с префектом конницы, и они вызвали меня.

– Вот он, прекрасный разведчик, жег костры, указывал нам их путь.

Трибун легиона посмотрел на серебряную цепочку у меня на груди, всмотрелся в лицо. Взгляд его остекленел, стал равнодушным. Если б я был италиком!..

– Получишь золотую.

Взгляд его скользнул по окружающим арамеям, отметил отличия в одежде и оружии.

– Ты из этой алы?

– Это из моего конвоя, – сказал римлянин.

Трибун осмотрел меня еще раз, уже внимательнее. Он понял, что вряд ли римлянин сам догадался послать меня по следам. Значит, я сам...

– Как тебя зовут?

– Араб.

Он по обычаю поднял правую руку:

– Слава Арабу!

– Слава!.. Слава!.. Слава!.. – вразброд прокричали окружающие.

Я взглянул на Скифа, который уже пристроился к конвою из преторианцев. Его взгляд был равнодушен, как и у трибуна.

– Елеазара нашли?

– Взяты пленные, – отозвался префект алы. – Пусть опознают.

Вытащили двух связанных иудеев в изодранных черных плащах. Но один был ранен. Тупым концом копья ему проломили грудь.

– Этот никого уже не опознает, – сказал трибун. – Положите его туда, – и он указал на ряд убитых.

Ревнителя оттащили на левый фланг этого необычного построения и ударили кинжалом сверху между шейной мышцей и ключицей. Легкая смерть...

Второго трибун стал расспрашивать по-арамейски. Тот отвечал дерзко. Я подошел поближе.

– Если хочешь жить, говори. Клянусь богами, я сохраню тебе жизнь.

– Мы не боимся смерти. А ваши боги – крашенные кумиры, идолы, – сварливо ответил иудей.

– Святотатство, – криво усмехнулся трибун, переходя на латынь. – Вот так всегда! Развяжите ему язык. Пусть скажет правду.

Префект алы жестом подозвал кого-то из толпы. Тот сразу же распорядился:

– Огня!

– Мы тоже смерти не боимся, – сказал префект иудею, доброжелательно и вкрадчиво, как хозяин рассказывает гостю об обычаях своего рода. – Но быструю смерть надо заслужить. А вот боли иногда боимся...

Иудея свалили, сорвали с него черные сапожки из тонкой кожи. Вызванный из толпы арамей взял обычную головню, поднес ее ближе к серым пяткам иудея и, оглянувшись, уверенно кивнул – спрашивайте.

Но ревнитель, хотя стонал, кричал и выл, в перерывах все равно твердил: «Не знаю... Не знаю...»

– Упрямый, – сказал префект. – Мы тоже упрямые. А если сюда? А сюда? – стал он указывать, куда прикладывать головню.

– Пойдем, – сказал трибун римлянину. – Его вопли невыносимы.

– Пусть скажет, был ли с ними Елеазар, и опознает его, – напомнил римлянин префекту.

К полудню арамеи переломили упорство ревнителя. Все это время я стоял рядом, смотрел и слушал. По крупичам вырывааемых у иудея слов я утвердился во мнении, что именно Елеазар ушел позапрошлой ночью за Оронт.

– Ну, теперь можно вести его к трибуну, – сказал префект алы, утирая пот.

Иудея потащили волоком. Идти обожженными ногами он не мог. Я направился следом.

Римлянин и трибун у разбитой палатки развлекались тем, что метали в цель копьё.

– Можешь спрашивать, – сказал трибуну префект, указывая, чтоб иудея поставили перед начальниками на колени.

– Итак, – начал трибун по-арамейски, подбрасывая и перехватывая копьё, – около Антиохии на перекрестке дорог вы ждали Елеазара. Так?

Иудей утвердительно кивнул.

– Где он сейчас?

– Не знаю...

Префект пнул застонавшего и повалившегося набок ревнителя в обожженные ступни:

– Говори, а то опять все сначала...
– Где сейчас Елеазар? – повторил трибун.
– Он ушел за Оронт...
– Когда? Давно?
– Позавчера вечером...
– Говорит, что Елеазар ушел за реку Оронт позапрошлой ночью, – перевел трибун римлянину.
– За Оронт еще позавчера... – римлянин обвел всех окружающих взглядом, словно искал подтверждения или сочувствия.

Наши взгляды встретились, и я кивнул, словно подтверждая слова иудея.

– Теперь он далеко... Мы его не поймаем...
– В Иудее поймаешь, – усмехнулся ободряюще трибун и снова арамейски обратился к схваченному. – Кто еще с ним ушел?
– Говори, – снова пнул иудея по обгорелым ступням префект.
– Димас – галилеянин...
– Так. Еще...
– Фесда из Иерихона...
– Еще...
– Малхам Симонов...
– Еще...
– Иосиф из Сихема.
– Еще...
– Они уехали впятером...
– Вот. Вели запомнить или записать, – обратился трибун к римлянину. – В Иудее это тебе пригодится.
– Да... Благодарен тебе... Постой! Там был еще один – по прозвищу Сын Отца...
– Эй! А где Сын Отца? – перешел трибун на арамейский.
– Он ушел раньше...
– Куда?
– Не знаю... Он отстал...
– Как его имя?
– Иешуа...
– Ну, вот. Запомни и его. Вдруг объявится...
– Спроси, вез ли Елеазар деньги, – вспомнил римлянин.
– Какие деньги? Я же тебе объяснял...

– Но у них были мулы...
– Хорошо, – и трибун снова перешел на арамейский. – Зачем вам мулы?

– Ждали поклажу...

– Дождались?

– Нет...

– Я же говорил!

Трибун окинул взором все вокруг, словно вспоминал что-то, потом метнул копьё в мишень и попал рядом с центром.

– Что ж, – начал римлянин. – Мы сделали все, что смогли. Мне пора ехать...

– Да. Я тоже возвращаюсь на пост Азот. Надо писать отчет наместнику. Елеазар действительно был, но ушел за Оронт до того, как я получил приказ ловить его. Хоть какое-то извинение... – трибун обернулся к префекту алы. – Немедленно гонцов до Дамаска и до Кесарии Филипповой. Может быть, мы так сумеем их перехватить.

Трибун направился к своему конвою. Префект алы стал давать наставления целой турме всадников с запасными лошадьми, направляя их на юг, потом вспомнил и подошел к трибуну:

– Что делать с пленным?

– Это не пленный. Это разбойник, взятый с оружием в руках, – и он произнес две положенные по закону фразы. – Иллум дуци ад круцем плацет. И, милее, экспеди круцем¹. Надеюсь, вы тут и без меня управитесь.

– Титулус?² – уточнил префект.

– Да. Лестес³. По закону...

Ко мне подошел Германик и сказал, что мы возвращаемся в лежащий неподалеку римский лагерь за вещами и запасными лошадьми.

¹ Этот человек должен быть распят. Иди, солдат, и приготовь крест.

² Табличка (с указанием вины).

³ Разбойник.

Глава 7. **Зенон, раб Марка Клавдия Марцелла. Месяц Марса, 8-й день. VIII перед Идами**

Мы, эллины, рассеяны по всему лику земли. Даже здесь, в Сирии, большинство деревень носит греческие названия, сказывается недавнее македонское владычество.

От Кардахии мы вернулись на Угаритскую дорогу в римский лагерь. Когорты все еще стояли там, не выступая без начальства. Недавно я видел, как они обустраивают свой лагерь, теперь стал свидетелем, как они его сворачивают.

Прогремели трубы, и все сразу пришло в движение. По первому мановению снимались шатры и палатки, и все стали готовиться к выступлению. Второй раз раздались звуки труб, и солдаты стали навьючивать мулов и других животных орудиями. Кто-то уже стоял готовый, весь нагруженный. Вдоль плетеных стен и шанцев побежали люди с факелами, и первые черные клубы закружились над лагерем. Они сжигали укрепления, которые не могли забрать с собой, чтобы враг когда-нибудь не воспользовался ими. Хотя, какой враг может быть здесь, в Сирии?..

Третий трубный сигнал загнал всех в плотные стройные ряды. То там, то здесь промелькнул бегущий опоздавший, и всё замерло.

Вестник, стоявший по правую руку от трибуна, громко спросил, готовы ли они, и, предупреждая окончание вопроса, солдаты, все как один, вскинули правую руку и издали воинственный клич.

И они двинулись... Неторопливо, в ногу, соблюдая равнение. Они казались одним-единственным телом. Ряды не оторвать друг от друга, повороты легки, уши вслушиваются в приказы, глаза всматриваются в сигнальные знаки. Равномерный звук подкованных подошв был слитен и резок, будто шел один необъятных размеров великан: «Шрррах... шрррах... шрррах... шрррах...». И я не мог представить себе силы, способной устоять перед этим механизмом.

Трибун, молодой аристократ, только более загорелый, нежели мой хозяин, подъехал проститься с Марком.

– Я доведу их до Азота, прослежу, как они спустятся в долину, и вернусь за новыми когортами. Какой дорогой ты собираешься ехать?

– Этой. До Угарита и дальше по берегу.

Трибун посмотрел на запад:

– Ты уезжаешь, и дождь начинается. Теперь, видно, на целую декаду.

Все оглянулись в ту сторону. Со стороны моря напознала черно-фиолетовая туча.

– Перебирайся через горы – тут недалеко – и езжай вверх по Оронту, – посоветовал трибун. – С той стороны дождь идет редко. А здесь ты всю дорогу будешь мокнуть.

Они перехватили друг друга за запястья – у трибуна запястье было темнее и тоньше – и попрощались.

Марк внял совету трибуна, и мы отправились по горным тропам на другую сторону хребта. Один из наших проводников обещал вывести нас и показать те места, где он преследовал разбойников.

Моя жизнь прекрасна. Как и все настоящие римляне, Марк непритворлив и не капризен. Выполняет свой долг и живет по инерции. Поэтому мои обязанности не требуют ни ума, ни смекалки, ни каких-то особых навыков. Все это я, сберегая, трачу потом на наблюдения и размышления. Я хорошо вышколенный слуга, я умею везде оставаться незаметным, а это тоже сохраняет много времени.

До того как Марк пошел в школу, я работал в библиотеке его отца, где хранителем был мой отец. Даже став рабами, мы несколько поколений продолжаем заниматься умственным трудом. Когда Марк стал ходить в школу около Форума, его мать, Юлия, приставила меня к нему сопровождать его, наблюдать за его успехами и вовремя сообщать ей, если что-то не заладится. И так вместе с ним я прошел курс всех трех ступеней. Мои знания поверхностные, но разносторонние.

Я много читал, но мало видел. Мне далеко до какого-нибудь софиста. Я был рад, когда Марк взял меня с собой в Галлию, еще я побывал в Паннонии и Иллирии. И теперь, когда он велел мне собираться и ехать с ним в Сирию, я мысленно воскликнул: «Хвала вам, Боги! Я еду путешествовать!» Я не люблю и боюсь ездить верхом, но зато я увижу и узнаю много-много нового.

Компания подобралась не ахти. Четыре преторианца – грубые, ограниченные люди, но по крайней мере – римляне. А в Антиохии нам дали трех провожатых, двое из которых явные разбойники, которым что курицу зарезать, что человека, третий вроде бы помягче, но, видно, за всю свою жизнь нигде, кроме казармы, не был.

Мне их присутствие хлопот не прибавило. По обычаю они держат общий котел, и часть денег сдали одному из преторианцев. Даже за лошадьми Марка следят они, а не я.

Уходя от надвигающегося дождя, мы спустились по горной тропе на другую сторону перевала. Один из проводников, Араб, показал нам тело убитого им прошедшей ночью разбойника. Тело так никто и не подобрал. Проводники обыскали его и взяли себе снятое с него оружие.

Четыре дня мы ехали с восточной стороны горного хребта, ночуя в деревнях, где заставала нас ночь. Миновали развалины Хамата, Катну, Кадеш. Грозовые тучи лишь раз прорвались через горную цепь и ночью обрушили ливень на восточные склоны.

Горная цепь закончилась, но сразу же началась новая, а за ней, сказали нам, параллельно тянется другая – Ливан. За все это время нам встретился один большой город – Дамаск. Он прятался в оазисе, защищенном с трех сторон горами. Рядом пустыня, но земля вокруг Дамаска плодородна, так как омывается двумя реками, Прохладной и Извилистой. Городской базар был завален миндалем, маслинами, виноградом, орехами. Город отстроен римлянами, все улицы прямоугольной планировки. Марк не остановился в городе на ночлег, и мы проездом рассмотрели Ворота Сатурна, виа Ректа – Прямую улицу, гору Кассион, а также храм Ваала и рощу вечнозеленых дубов с их острыми листьями.

Марк все время был в плохом настроении. Он не знает, что делать, не знает, как и с кем обсудить полученное задание. Ни одно дело у римлян не происходит без предварительного совещания, каждое движение имеет своим основанием предначертанный план, и, наоборот, за каждым решением следует всегда его исполнение. Оттого они так редко

совершают ошибки и легко исправляют промахи. Победе, доставшейся счастливой случайностью, они охотнее предпочитают поражение, если только последнее является следствием заранее составленного плана. А у Марка все сейчас идет без согласования и не по правилам.

Счастливая случайность, что в самом начале пути разгромили отряд разбойников, омрачилась тем, что главари ушли. Полной победы нет. Но и это подтверждение общепринятого правила не радует Марка, ибо у него все равно нет заранее составленного плана. И не с кем посоветоваться, как вести все дело. Насколько я расслышал, трибун Лициний Лукулл дал ему несколько советов, но этого мало. И еще Марк не знает, кого он встретит в Иудее, найдет ли поддержку. Это задание слишком неожиданно для него.

Из Дамаска можно было свернуть на Тир, к морю, либо двигаться прямо через пустыню на Елаф, к заливу Акаба. А если бы мы решили предать императора и сбежать к парфянам – такие шальные мысли о невозможном иногда приходят мне в голову, – то должны были свернуть на северо-восток и гнать лошадей через Пальмиру к Евфрату.

Марк приказал свернуть на Тир, к морю, через Кесарию Филиппову.

До Кесарии Филипповой мы добирались весь сегодняшний день и достигли ее лишь к вечеру.

Места здесь изумительно красивы. Кесарией город назван недавно, а раньше назывался Панеей. Где-то здесь неподалеку родился сам бог Пан.

Если отстроенный Дамаск – типично римский город по планировке и по стилю построек, то Кесария возводилась и украшалась элинами. Лишь в окрестностях остались 14 храмов Ваала – свидетелей древней истории этой земли, да в самом городе белый мраморный храм в честь Цезаря Августа напоминает о римском владычестве.

И здесь Марк встретил знакомого. Некогда это был клиент их семьи, но теперь разбогател и держал себя с Марком на равных. Это был трибун ангустиклавий, всадник Антонин Макрин.

Макрин, рослый представительный мужчина, абсолютно лысый, с горбатым носом и глазами навывкате, первым делом поинтересовался, не Марка ли назначили к ним в Кесарию прокуратором, и огорчился, узнав, что мы в Кесарии проездом.

Антонин жил во дворце тетрарха Филиппа, ныне покойного, и здесь же предложил расположиться на ночлег Марку. На радостях Антонин устроил симпозиум: собрал офицеров когорты и пригласил

танцовщиц. Была б его воля, он организовал бы гладиаторские бои, но в Кесарии Филипповой нет гладиаторов.

Из приличия Марцелл обошел ближайшие комнаты и одобрительно покивал, рассматривая бронзу, картины, мебель Макрина.

Показывая, что жизнь у них походная, Августин Макрин своей властью хозяина назначил царем пира – симпозиархом – старейшего из центурионов. Кушетки поверх расшитых пуховых подушек накрыли военными плащами. Марка он поместил на кушетке на углу среднего из трех столов – место почетное. Начали с копченых сардинок и устриц. Изысканные блюда из языков фламинго Макрин подкрепил вареной верблюжатиной, чем вызвал у центурионов воспоминания о каком-то славном походе. Они охотно брали куски жесткого мяса и мокали в гарум – черный рыбий соус, чей аромат царствовал над этим столом. Очередным блюдом, вызвавшим взрыв восхищения, стали мыши, сваренные в меду.

Я стоял за кушеткой Марка и видел, что ему важнее просто переговорить с Антонином, узнать побольше об обстановке и здесь, и в Иудее. Он до сих пор не знал, как ему выполнить поручение Вителлия. Всякий раз, когда кто-нибудь из местных начинал рассказывать, называть имена, Марк обязательно переспрашивал, пытаясь выудить хотя бы случайно хоть какие-то сведения.

На этот раз он уцепился за выкрик одного молодого центуриона: «Как танцует эта красотка! Прямо Саломия!»

– Кто такая Саломия?

– Саломия – вдова Филиппа, – объяснил Антонин. – Говорят, очень хорошо танцует, но никто из нас этого не видел.

– Вдова тетрарха? И танцует? – недоверчиво покривился Марцелл.

– О, у них свои своеобразные и странные обычаи...

– Она здесь, в Кесарии?

– Нет, уехала к матери...

– Теперь танцует перед этим старым сатиром Антипасом, – вмешался другой центурион, возлегавший слева от Антонина.

– Дотанцуется до войны, – добавил третий, престарелый, со шрамом на лице, возлегавший еще дальше.

– До войны?.. Что это за история? – спросил Марк.

Офицеры наперебой стали рассказывать, и в их интонациях я иногда улавливал не то зависть, не то восхищение.

– Два наши тетрарха, один уже сошедший в Аид, а другому туда давно пора отправиться, женились на родственницах, на маме и дочке.

– Да, но сначала надо сказать, что и тетрархи были родные братья...
– Они – сыновья Ирода Великого...
– О, они хотели доказать всем, что они вернейшие союзники! Они построили Кесарию, Тивериаду и две Юлиады!

– У Ирода Великого было много детей от разных жен, и некоторым он дал одни и те же имена...

– Мама была им племянницей, а дочка – внучкой...

– Подождите! – взмолился Марк. – Я совсем запутался. Как дочка может быть внучкой?

– В этой династии еще и не то возможно!..

– Постойте, я все объясню по порядку, – вмешался Антонин, приподнимая руку, украшенную перстнями. – Галилейский тетрарх Ирод Антипас и трахонский тетрарх Филипп – родные братья, сыновья Ирода Великого. Ирод Антипас, по совету великого Цезаря, женился на дочери набатейского царька Ареты. А поскольку Антипас был нашим союзником, то и Арета со своими кочевниками стал нашим другом. Очень удачный брак... А Филипп так и не женился до седых волос.

– Зато уж как женился!.. – не выдержал кто-то из молодежи.

– Не перебивай. Как-то этот Антипас отправился в Рим, а по дороге заехал к своему сводному брату Ироду, который после смерти отца, кроме имени «Ирод», другого наследства не получил, но был женат на собственной племяннице, дочери еще одного их брата Аристовула. А звали ее – попробуй, догадайся – Иродиада. Ирод Антипас, заехав к брату, влюбился в его жену, то есть в собственную племянницу. Как честный человек, он немедленно предложил ей пожениться, и она согласилась. Еще бы! Тетрарх Перееи и Галилеи, 200 талантов годового дохода... Антипас поехал дальше в Рим, а Иродиада стала разводиться со своим законным мужем, чтобы ехать в Тивериаду к новому месту... э-э-э... замужества. Законная жена Антипаса прослышала об этом сговоре и сбежала к своему отцу в Петру. Помню, нас и Десятый легион поднимали по тревоге, боялись, что оскорбленный Арета нападет на Антипаса. Но Арета стерпел... Сколько уже он терпит?

– Уже лет десять...

– Да. Только сейчас что-то зашевелился...

– Наверное, парфяне заплатили.

– Очень может быть, – продолжал Антонин. – В Тивериаду Иродиада явилась не одна, а с дочерью, с этой самой Саломией. Эти мама

с дочкой были из той породы женщин, которым врозь скучно, а вместе тесно. И Саломию пристроили за Филиппа, тетрарха Батанеи, Трахона и Авранитиды. Что интересно, Филиппу она приходилась одновременно племянницей и внучкой, поскольку ее отец приходился Филиппу родным братом, а ее мать – племянницей.

– Но дети от таких браков обычно бывают косыми, горбатыми... – начал Марк.

– Она была прекрасна, как Аврора! – перебил его кто-то из центурионов.

– Действительно, дети от таких браков бывают или очень больными, – согласился Антонин, – или очень талантливыми. Она, как я понимаю, была талантлива...

– В любви, – уточнил кто-то.

– В наслаждениях...

– Она необыкновенно хорошо танцевала...

– В общем, Филиппа, мужа, дядю и дедушку в одном лице, она заездила до смерти.

– Пал славной смертью на ложе любовных утех! – в глазах юных центурионов светилось восхищение.

– Он действительно от этого умер?

– А от чего ж ему еще умереть? – вопросом на вопрос ответил Антонин, с нарочитым удивлением тараща и без того выпуклые глаза. – Попробуй этот сорт гельвика, я разбавил его вином 633-го года.

– Благодарю... И что же дальше?

– После Филиппа наследников не осталось. Император совершенно справедливо решил, что не этой красотке управлять тетрархией со ста талантами годового дохода. Тетрархию присоединили к Сирии, нашу когорту ввели сюда, в Кесарию, кого-то, видимо, уже назначили прокуратором, а Саломия отправилась к матери и отчиму в Тивериаду.

– Да, грустная история, – усмехнулся Марк.

– Ну, что ты! Веселье только начинается. Как я понял, Саломия вошла во вкус семейной жизни и теперь вместе со своей мамашей вцепилась в этого престарелого сластолюбца Ирода Антипаса, – Антонин сделал хватательное движение, сверкнув перстнями. – А вдвоем они его быстро отправят в мир иной, где нет ни любовных баталий, ни горечи полового бессилия.

– Туда ему и дорога, – сказал центурион со шрамом. – Из-за его разврата может начаться восстание.

– Восстание? В Галилее? – насторожился Марк.

– Да, – подтвердил Антонин. – Теперь по Иудее и по Галилее табунами ходят разные пророки и обличают грехи народа и власти. Дескать, из-за их грехов скоро настанет конец мира. И один их этих пророков взялся за Антипаса...

– Не должно тебе иметь жену брата твоего! – по-арамейски с комической напыщенностью произнес один из центурионов.

– Пророка упрятали в Махерус, это самая южная пограничная крепость Переи. А может, уже и убили. Но у него осталось много последователей, и все они готовы за своего учителя разорвать Антипаса на куски. А тут еще Арета вспомнил про бесчестье своей дочери...

– А здесь, в Кесарии Филипповой, возможно восстание? – поинтересовался Марк.

– Нет. Здесь в городах население греческое, а в деревнях арамейское. Греки и арамеи вечные соперники иудеев в торговле. Есть иудейские селения, и есть целые кварталы в городах, но если восстанет Иудея, греки и арамеи начнут резать местных иудеев. Нам придется их защищать... – ответил Антонин. – А табурнское ты уже пробовал?

– Благодарю. Такого я еще не пил. А пророки сюда заходят?

Центурионы переглянулись. Я видел, что сам Антонин смотрит на них вопросительно.

– Заходят, но мало и редко, – ответил центурион со шрамом.

– Видишь ли, – объяснил Антонин, – мы заметили, что пророки здесь появляются перед войнами и восстаниями. Видимо, некоторые подкуплены парфянами. Мы их отслеживаем. Не убиваем и не арестовываем. Пока... Но глаз стараемся с них не спускать.

Вот так за веселым застольем прошла половина ночи. Наконец, когда рабы перестали разливать вино, а выставили кувшины на стол, Марк распрощался с компанией и отправился в отведенные ему покои.

Убедившись, что он уснул, я вышел из дворца и сквозь ворота вступил на ночные улицы города. Как и во всякой столице, жизнь здесь продолжалась и ночью. Сновали прохожие, люди стояли кучками у своих дворов, что-то вяло выкрикивали уставшие за день торговцы. Часто слышалась греческая речь, немного непохожая на нашу. У одной кучки оживленно спорящих эллинов я задержался:

– Они собрались вокруг этого бесноватого и ничего не могли с ним сделать...

– А что с ним можно сделать?

– Подожди, пусть договорит...

– ... И наши уже хотели бить их, как обманщиков...

– Так им и надо! Проходу нет! Всё захватили!..

– ... Но тут пришел их учитель. Он только что поднимался на гору Ермон...

– Зачем?

– Не знаю. Отец этого юноши обратился к нему и просил изгнать немного духа. Учитель сказал ему: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему». Отец юноши сказал со слезами: «Верую, Господи, помоги моему неверию». И тогда их учитель повелел духу выйти из юноши. Юношу сотрясло, он упал и сделался, как мертвый. Мы испугались, но учитель взял его за руку и поднял, и он встал...

– А дальше?

– Они все ушли.

– Быть того не может!..

– Я сам видел...

– Когда ты это видел?..

– Послушай, Филипп...

– Нет, это ты послушай, Симон... Ты, наверное, нимфу встретил...

– Ты сам одержим нимфами!..

«Пророки, чудотворцы», – вспомнил я недавние разговоры товарищей Марка. Нет, не так уж здесь и спокойно, если на улицах по ночам рассуждают о чудотворцах...

Прогулка по ночному городу освежила меня и одновременно напомнила о необходимости сна. Я вернулся во дворец, довольный впечатлениями, готовый крепко заснуть.

У входа меня ждал один из приданных нам проводников, чернобородый, тот самый, что понятия не имел о каком-либо чинопочитании. Он заступил мне дорогу и вполголоса сказал:

– Разбуди хозяина. Меня ваши преторианцы к нему не пускают.

– Зачем?

– Он здесь, в городе, или только что был здесь.

– Кто?

– Сын Отца...

Глава 8. | Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». Та же ночь и следующий день

Как только мы въехали в город, я сразу заметил, что местные иудеи страшно возбуждены, а некоторые вообще метались, как ошпаренные. Греки вели себя спокойнее, но тоже казались взволнованными. А так – город как город, базар как базар. Такое оживление бывает либо перед каким-то возмущением, либо после него. Но разбитых и сгоревших домов я не заметил и решил, что выступление или мятеж только затевается.

У солдат центурии, охранявшей дворец, я мимоходом спросил, как здесь дела, и они довольно спокойно ответили, что ничего страшного пока не случилось. Среди солдат здесь много сирийцев, греков, наботейцев, взгляд у них отточен, так что верить можно. И я решил, что они просто привыкли к такой суете и толкотне, устали обращать внимание.

Разместившись в отведенном помещении, я оставил своих лошадей на попечение Скифа, а доспехи – на Секста, и, накинув на голову капюшон плаща, вышел за ворота дворца.

Темнело, но на улицах оживленно шла торговля. Человек, что-то высматривающий и выслушивающий, всегда обратит на себя внимание. Вспомни, что тебе действительно нужно купить, и начинай искать. Заодно и слушай. Недавно у водопоя моя лошадь продавила копытом флягу, которую я позже собирался наполнить водой. Новую флягу я и стал искать.

И горшечники, и кожевники говорили об одном, о каком-то пророке или чудотворце.

Я прошел до конца улицы и повернул обратно. Опять то же самое. Особенно чутко я вслушивался в разговоры иудеев, поскольку хорошо знаю это племя и ничего хорошего от него не жду.

У одной подвижной, постоянно перемещающейся и меняющей форму толпы я расслышал:

– Дорогою он спрашивал учеников своих: «За кого почитают меня люди?» Они отвечали: за Иоанна Крестителя, другие же – за Илию, а иные – за одного из пророков...

– Он запретил им, сказал, чтоб никому не говорили о нем...

При слове «запретил» все на мгновение смолкли и подозрительно осмотрелись. Я стал проталкиваться сквозь их толпу, и они, успокоившись, опять загалдели:

– Он плюнул в глаза слепому!

– И что?!

– Слепой прозрел!..

– С чего вы взяли?!

– Менахим сам видел... Менахим! Ты здесь?

В другой толпе я узнал, что Он недавно поднимался на гору Ермон.

– Одежды его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не сможет выбелить. И явился им Илия с Моисеем...

– Послушайте, но они же умерли!..

– Послушайте, дайте-таки сказать...

– Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели...

Все опять смолкли. Но кто-то, не выдержав, зашипел:

– Послушайте! Но откуда вы это знаете, если Он не велел никому рассказывать?..

– А я знаю?.. Все говорят...

И в третьей толпе, уже около дворца, я невольно остановился, поскольку был поражен словами:

– Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?

Я стал исподтишка рассматривать человека, произнесшего эти слова. Он ничем не выделялся. Одежда более грубая и истрепанная,

загорелый, насколько можно судить во мраке, обветренный. Откуда-то пришел. Но по виду явно не ревнитель.

– А еще он сказал: кто постыдится меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и сын человеческий, когда придет в славе отца своего со святыми ангелами...

«Сын человеческий... в славе отца своего...»

Кто-то сделал предостерегающий жест и указал говорившему на меня. Он же, наоборот, шагнул мне навстречу и продолжал:

– И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят царствие божие, пришедшее в силе. Кроткие наследуют эту землю, слабые станут сильными, голодные насытятся, а бедные сделаются богатыми...

Его сразу же стали перебивать:

– Когда же?

– Так быстро?

– Когда?

– Будущее знает только Бог, – продолжал загорелый. – Но Он тоже знает... В Иудее искали убить его, но Он им сказал: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также... Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе; и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий.

– Суд? Какой суд?

– Суд его милостив. Он сказал: Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен, ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца.

Очень уж это было запутано. Но одно я понял: идет вербовка. К чему-то их готовят. От имени Сына. А тот зовет их от имени Отца.

Где этот Сын? Тот, которого недавно казнили, сознался, что Сын Отца отстал от их шайки. Неужели он обогнал нас?.. А восстания именно так и начинаются... Наобещают Царство Божие, в котором бедные станут богатыми...

Я поспешил во дворец, в отведенное нам помещение. Секст и Публий уже спали, а Квинт и Павел дежурили у дверей комнаты римлянина. Квинт стоял и зевал, а Павел дремал, сидя на полу.

К римлянину они меня не пустили.

– До утра, я надеюсь, восстания не будет? – с ухмылкой спросил Квинт. – А утром мы их раздавим.

Явился обнаглевший раб римлянина и тоже стал меня успокаивать:

– Какое восстание? Это шарлатаны, фокусники...

Я ему сказал, что за этими фокусниками стоит Сын Отца, который уже раз ушел от нас.

– Я не буду его будить. Сами мы этого Сына ночью все равно не поймаем. Да ты и не знаешь, где он... А поднимать ночью когорту из-за твоих подозрений все равно никто не будет, – ответил он.

Утром перед отъездом я доложил все римлянину. Он посмотрел на меня недоверчиво, потом ушел переговорить с местным командованием. Они направили его к начальнику тайной стражи. К этому мы пошли вдвоем.

Начальник тайной стражи, хитрый грек, оставшийся на своем посту еще со времен прежнего правителя, меня выслушал, но отвечать стал римлянину:

– Да, их тут много ходит. Один все время говорит от имени какого-то отца, но не называет его по имени.

– Откуда он?

– Он пришел из Вифсаиды, ходил к горе, очень возбудил население и ушел в Галилею.

– Давно?

– Да... этак... уже порядочно, – сделал неопределенный жест грек. – Во всяком случае, не вчера.

– Это не он, не наш, – сказал римлянин и направился к выходу.

– Как его имя? – задержался я перед греком. – Имя его самого?

– Иешуа, – ответил грек.

«Это он! – мысленно воскликнул я. – Не может быть таких совпадений!»

Мы поехали к морю, вслед своей тени. Опять въехали в сирийские земли, в древнюю Финикию, и всякий раз, проезжая деревни, я замечал возбуждение среди иудеев, арамеев и греков. Они боязливо оглядывались на блеск наших доспехов и вновь начинали шushукаться.

Наши, утомленные путешествием, ничего не замечали, а Германик крутил головой вслед каждой смазливой мордочке, каждой тонкой фигурке.

К вечеру впереди показалась поднимающаяся над морем скала. Это был расположенный на большом острове город Тир. Его с берегом

соединяла широкая дамба. В сам город мы не въезжали, остановились на окраине.

Нам сразу же предложили стеклянные сосуды, которые очень искусно выдуваются в городских мастерских, и натащили ярких тканей. Тканей самых разных оттенков здесь великое множество, в городе их красят, знают тайны изготовления разных красок.

А я, торгуясь и ощупывая ткани, вслушивался в разговоры. И здесь творились чудеса, но мало и давно. Хотя несколько любопытных разговоров я все же услышал. Вернее, отрывков.

– Он послан только к погибшим овцам дома Израилева...

– Это к иудеям, что ли?

– Он говорил: дай прежде насытиться детям; ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам...

– Вот видите! Они нас называют псами...

– Но он ее излечил!..

– Они нас называют псами...

– Когда это было? А вы никак успокоиться не можете...

Казалось, появилась тонкая ниточка, но сразу же оборвалась.

Глава 9. | Марк Клавдий Марцелл Младший. Месяц Марса, день 10-й. VI перед Идами

От Тира до Кесарии Маритимы, резиденции прокуратора, последние 500 стадий они проскакали, помня наставление Луция Вителлия, не жалея лошадей. По соседству лежала Галилея и начиналась Самария, и там, и там ревнителю чувствовали себя как дома. Выехав из Тира, переночевали в Птолемаиде и после полудня, едва не запалив лошадей, подскакали, распугивая серебристые стаи чаек, к бывшей Стратоновой Башне, ныне Кесарии.

Когда-то здесь стоял один лишь маяк, но теперь вырос настоящий римский город с портом, защищенным молотом и системой каналов, с акведуком, тянущимся 70 стадий от плотины выше города, с театром, ипподромом, стадионом, рынком, римскими банями, садами и дворцами.

Тесные, но прямые, ровные улицы пересекались под прямым углом. По позднему италийскому обычаю задние безоконные стены домов выходили на улицу, а входы и окна обращались внутрь, в маленькие дворики.

Какая-то древняя скука вместе с пылью висела над этим достаточно молодым городом.

Первыми здесь некогда были поселены римские легионеры, потом местные сирийские греки, иудеи и самаритяне заполнили, достроили и даже перенаселили этот город. Проезжая по переполненным улицам, Клавдий Марцелл и его люди слышали в основном греческую речь.

Крепкие запахи римской кухни мешались с восточными и греческими сладковатыми ароматами.

Часто встречались кабаки и публичные дома. Заметно было, что население любит хорошо поесть, попить и выспаться. Грубая, жирная, липкая жизнь торгового города побивала, перекрывала административное великолепие центра провинции.

У входа во дворец наместника Марк Клавдий объявил: «От наместника Сирии именем Тиберия Августа», и дальше двери сами распахивались перед ним, и какие-то люди спешили, обгоняя его по-над стенами до самих покоев прокуратора.

Понтий Пилат, среднего роста и средних лет мужчина, с залысинами, которые он прикрывал, зачесывая вперед рыжеватые редкие волосы, встретил Марцелла настороженным взглядом бело-голубых, словно выгоревших глаз:

– Ты приехал мне на смену?

Перехватывая его запястье дружеским пожатием, Марк ответил:

– Всего лишь с особым поручением от Луция Вителлия.

– С особым поручением... – фыркнул Пилат. – Нет, добрались и до меня.

Всем своим поведением он показывал, что сейчас говорит с Марком, как родственник, а не как сослуживец, что не ждет подвоха, открыт и ищет сочувствия.

Марцелл подыграл: вздохнул сочувственно и вместе раздраженно, словно подобные вопросы и подозрения уже надоели ему, и медленно, как маленькому, сказал:

– Вителлий готовит войну с Парфией. У тебя в Иудее, естественно, готовится восстание. Парфяне дают на него деньги, – проходя мимо Пилата к окну, продолжил. – Меня прислали эти деньги перехватить и не допустить восстания, чтоб Вителлий смог забрать отсюда Десятый легион.

– А мне он этого не доверил. Понятно, – горько усмехнулся Пилат. – Если ты их перехватишь, ты справишься вместо меня и лучше меня с моей работой. Если ты их упустишь, я тебе мешал, не помогал...

– Поверь, это поручение было для меня абсолютно неожиданным...

Прокуратор помедлил, все еще в чем-то сомневаясь, потом безнадежно развел руками:

– Надо исполнять. Эй! Начальника стражи!

Не успел его голос стихнуть под сводами, как в зал вошел темноволосяй небольшой человек с грустными черными глазами. «Ждали», – понял Марцелл.

Темноволосый, полный внимания, сплетя пальцы перед грудью, остановился перед ними.

– По приказанию наместника Сирии я прибыл предотвратить в Иудее восстание и перехватить направленные парфянами деньги, – опережая Пилата, объявил Марцелл.

– Польщен встречей, уважаемый Марк Клавдий, – поклонился начальник стражи.

«И имя мое знает... Откуда?..»

– Пройдемте, приляжем и все обсудим, – указал Пилат на кушетки в дальнем углу.

Он хлопнул в ладоши и вполголоса приказал вошедшему управляющему:

– Пусть подадут вина, и никого не впускайте, – и уже у кушеток представил вошедшего Марку. – Это наш главный страж, Дарданий.

Пока слуги вносили и расставляли вино и блюда с устрицами, о делах не говорили. Марка даже о дороге не расспрашивали, поскольку и дорожные приключения были связаны с порученным ему делом.

Произнеся имя Тиберия Августа и плеснув из чаши, Пилат заговорил:

– По линии передали, что ты ловил Елеазара.

«Ага!.. Вот откуда...» Как бы быстро ни двигался Марцелл с конвоем, известия о нем и о его делах обгоняли его.

– Да, – сказал Марк, – и крайне удивлен, что он появился под стенами Антиохии.

– Ничего удивительного, игемон. – ответил Дарданий. – Он хотел обмануть нас. Мы ждем его по всему Иордану, а он, видимо, решил пробраться в Иудею с севера.

– Ах, вот как! Вы его ждете...

– Ждем, игемон, и были бы вам весьма признательны, если б услышали все, что касается этой истории.

– Охотно, – согласился Марцелл, – но ради всех богов не называйте меня по-гречески. Я командующий преторианской конницей в ранге префекта.

– Извини, префект...

– Луций Вителлий получил сведения из Парфии и отсюда, из Иудеи, что парфяне выслали или вышлют сюда деньги на разжигание восстания, и дал мне известное вам поручение. В первый же день пути под

самой Антиохией мы чуть не столкнулись в харчевне с этим Елеазаром. Там его встречал отряд, прибывший из Иудеи. Пленный впоследствии показал, что они ждали какую-то поклажу и приготовили мулов, но поклажи не было. Мы преследовали этот отряд и перебили его, но Елеазар с несколькими людьми ушел, перебрался через Оронт. Мы обнаружили его след, но прошло уже больше суток...

– Вы полагали, что он везет деньги? – спросил Дарданий.

– Я полагал и полагаю, что он отвлекал наше внимание. Деньги можно получить в Кесарии или в Иерусалиме, предъявив платежное поручение, – щегольнул Марцелл добытыми в дороге знаниями.

Пилат и Дарданий согласно кивнули.

– Твои сведения бесценны, – проговорил начальник стражи. – Я думаю, мы сможем заблокировать получение ревнителями этих денег.

– Вы знаете, к кому они обратятся?

– Примерно... примерно... – проговорил начальник стражи с очень довольным видом. – У нас здесь зыбкое равновесие в торговле между греками и иудеями. И иудеи постоянно жалуются в Рим, что мы не даем им развивать торговлю и мешаем процветанию края.

– В Рим? Императору? Но он же их выгнал из Рима...

– Не императору. Сенаторам... Да мало ли кому... – вмешался Пилат.

– А теперь, если подтвердится, что они давали деньги ревнителям, мы их прижмем, и пусть не жалуются, – продолжал Дарданий. – Сначала мы напомним им, что все знаем...

– Было бы хорошо перехватить это платежное поручение и получить по нему деньги у местных менял, – вздохнул Пилат. – И пусть они потом с Парфией рассчитываются...

– Да-а. А вы не узнали, кто был с Елеазаром? Кто с ним вместе смог бежать?

– Кое-что узнали, – Марк достал из-за пояса маленький свиток.

Наконец-то, после долгих дней раздумий и сомнений началось настоящее обсуждение.

– Димас из Галилеи, – начал Марк читать имена, написанные рукой Зенона, – Фесда из Иерихона, Малхам сын Симона и Иосиф из Сихема.

Слушая, Дарданий утвердительно кивал:

– Эти имена нам знакомы...

– И был еще один, оставший от них по дороге, по имени Иешуа Сын Отца. Один из моих солдат считает, что обнаружил его след в Кесарии Филипповой.

– Что за след?

– Мой человек считает, что этот Сын Отца вербовал в Кесарии Филипповой сторонников незадолго до нашего прибытия туда. Я обратился к местной батанейской страже, ее начальник мне сказал, что такой человек действительно появлялся, но пришел не из Сирии, а с юга, из Вифсаиды, и ушел в Галилею.

– О таком человеке мы тоже слышали, – сказал Дарданий. – Что ж, нам приблизительно известны имена менял, которые могут дать деньги, и имена людей, которые за деньгами придут. Какие будут приказания, префект?

Предстояло решать. И Марк Клавдий Марцелл показал, что он тоже кое в чем разбирается.

– Будем исходить из худшего, – начал он. – Возможно, платежное поручение уже передано, и деньги получены.

Пилат и Дарданий переглянулись и насторожились.

– Где в таком случае может начаться восстание?

– В Иерусалиме и окрестностях, – без колебания ответил Дарданий.

– Его время?

– Ближайший праздник пресных хлебов. Соберется вся Иудея. До миллиона человек...

– Когда это?

– Дней через двадцать с лишним. Время еще есть...

Марцелл настороженно посмотрел на Пилата.

– Я завтра же отправлю в Иерусалим две дополнительные когорты и арамейскую конницу, – торопливо произнес прокуратор.

– А сейчас?.. Там есть гарнизон?

– Да, шестьсот солдат постоянно живут в крепости Антония.

– Менялы, которые могут дать деньги, находятся здесь, в Кесарии?

– М-м... Есть и здесь... Но большинство в Иерусалиме, – ответил вместо Пилата Дарданий.

– Как мы и договаривались, прижмите менял.

– Слушаюсь...

– Вам здесь известны названные мною имена. Видимо, вам известны и родственники этих людей?

– Да, префект...

– Без сомнения, ты лучше меня разбираешься в тонкостях такого дела. За ними надо проследить.

– Да, префект...

– И конечно необходимо наше присутствие на месте, в Иерусалиме. Я думаю, мы завтра же выедем туда вместе с войсками.

Глава 10. Клавдия Прокула, супруга прокуратора. Тот же день

Как только мы приехали в Кесарию, я распорядилась начать строительство обычного римского дома в парке за дворцом. Дворец возводили греки, и они традиционно спланировали гинекей, то есть отдельное помещение в задней части строения специально для женщин, как это заведено у греков.

Но римский дом совсем другой: его центр и основа – атриум, зал вокруг бассейна. Бассейн наполняется дождевой водой из большого проема в крыше, и этот проем делает атриум похожим на внутренний дворик. Атриум – это как бы наш маленький домашний Форум. Все комнаты одинаково удалены от центра, и все члены семьи, то есть я и супруг, равноправные граждане на нашем Форуме.

Конечно же, это не соответствует римским законам. Государство не вмешивается в семейные дела. И изначально и сейчас муж, глава семьи, распоряжается семейной собственностью и вершит судьбы всех домочадцев. Может продать в рабство, убить (впрочем, хотела бы я посмотреть, как этот самнит, женившийся на мне по закону Канулия, продаст женщину из рода Клавдиев). Но мы, женщины, доказали свою незаменимость. Римляне поняли, что семейные добродетели так же необходимы для существования государства, как доблесть. И мы гарантировали им эти добродетели. Как сказала Порция своему мужу Бруту: «Я вышла за тебя замуж не только, чтобы спать и есть с тобой, как гетера, но чтобы делить с тобой и радость, и горе». Все известные женщины Рима – чистые девушки, верные жены, преданные своему долгу матери. И благодаря этому

мы, как некогда плебеи в Риме, стали трибунами в своих семьях, своих республиках.

Мой дом в этой продажной и развратной провинции – уголок Рима и старых римских добродетелей. Даже изображение собаки выложено у порога. Жаль, что римляне нашего круга бывают у нас крайне редко. Сегодня меня посетила Андрофила, вдова Луция Сергия Эквитора, женщина молодая, красивая и образованная. Гречанка, но вдова патриция. Эквитор принадлежал к тому все более многочисленному кругу нашей молодежи, что влюблена в Грецию и греческое. Поэтому он на ней и женился. И, судя по уровню ее познаний, он, римлянин, открыл ей, гречанке, всю прелесть и утонченность искусства эллинов. Она, безусловно, умна и умеет держать себя в обществе. Но ум ее ленив, и последнее время я замечаю в ее поступках некую необдуманность.

Мы с Андрофилой говорили о приезде в Кесарию одного знаменитого фокусника, которого я хотела пригласить дать представление прямо в нашем доме, потом перешли на слухи о связи этого фокусника с женой известного менялы, местного грека. Этот меняла был вхож к нам в дом, и, перебирая список приглашенных на представление, мы с особым удовольствием обсуждали возможность его приглашения и с еще большим удовольствием – возможность его приглашения с женой или без жены. Тут слышались размеренные, как на прогулке, шаги двух человек в вестибule, голос Пилата, приглушенно что-то говоривший, из чего я расслышала лишь «в узком семейном кругу», и незнакомый голос произнес:

– Да, конечно. Я буду рад повидать родственницу.

А затем опять голос Пилата:

– Я не буду тебя хвалить. Как говорил Катон... Не тот... Дионисий: «Тех, кого любит супруг, жена никогда не полюбит».

Слабость моего супруга – повторять мысли всех известных городу и миру Катонов. Бесспорно, по крайней мере один из них, Марк Порций, был действительно умным человеком. Говоря о женщинах, он предупредил своих собеседников-сенаторов: «Едва станут они ровень с вами, как тотчас окажутся выше вас». Но венец его мудрости – «Тот, кто бьет жену или ребенка, поднимает руку на самую высокую святыню». И зная пристрастие Пилата к подобного рода высказываниям, я часто повторяла ему эту фразу.

Я приподнялась, готовая встретить гостя. Андрофила также спокойно, весело и несколько высокомерно, как всегда, обернулась на голоса, показывая мне свой красивый профиль. Красивая наружность – немая рекомендация. Тяжеловатая нижняя челюсть, пожалуй, несколько портила ее.

Рядом с Пилатом переступил порог – наступать на порог нельзя, он посвящен богине Весте – мужчина лет тридцати, чуть повыше его ростом. Он не успел или не захотел переодеться с дороги и сверкал тонким анатомическим доспехом.

Он назвал меня «родственницей». Да, как у большинства Клавдиев, у него были правильные, но невыразительные черты лица, темно-русые волосы и голубые глаза. С этой стороны бассейна по моему настоянию стояли бюсты знаменитых Клавдиев. Он мельком оглядывал их и, видимо, узнавал – нос его морщился в улыбке, верхняя губа приподнималась, а нижняя собиралась и уголком выдавалась вперед.

По-родственному мы встречались в Риме, но давно, и сейчас, если б он не назвал меня «родственницей», я не узнала бы его.

После ритуальных приветствий он присел и, одинаково вежливо улыбаясь мне и Андрофиле, заговорил о погоде и местных красотах.

Пилат все это время боялся, что его сместят. Его прокуратурство и началось, и складывалось неудачно. Но я по своим каналам, в основном через менял, которые заходили к нам в дом, подобно римским клиентам, не получила пока сколько-нибудь тревожного известия. И приезд этого Марка Клавдия Марцелла Младшего тоже не вызвал тревоги. На вопросительный взгляд супруга я ответила спокойной улыбкой. Молодой человек не опасен...

Оказалось, что он только что из Рима, декады две, не больше. Я засыпала его вопросами, и началась беседа, сопровождаемая женскими восклицаниями – «Ну не ужасно ли?!» или чем-то в этом же роде.

Мы знали, что в Риме среди патрициев и богачей бушует ослепительная и сложная чувственная жизнь. Марцелл смотрел на это несколько иначе. По его словам, в Риме существовал целый народ празднующихся, которые ничего не делали и всегда были очень заняты, выбивались из сил из-за пустяков, находились в постоянном движении и никогда ничего не достигали. Это суетливое безделье и составляло настоящую светскую жизнь!..

– Откуда же у людей столько свободного времени? – спросила я.

– Деньги... – пожал плечами Марцелл. – Обилие денег порождает обилие свободного времени. Обилие свободного времени и обилие перебивающих друг друга соблазнов заставляет задумываться – на что же потратить жизнь? А это очень трудно решить.

– Прежде римляне об этом не задумывались, они тратили жизнь на общественную работу, которую выполняли за свой счет и посвящали величию Рима, – наставительно сказал Пилат, стоявший в углу около собственного бюста, и указал на настенные картины, изображавшие охоту, уборку урожая, семейные празднества.

Его замечание и жест были бы уместны в соседней комнате, где на стене переливался яркими красками штурм Карфагена, а напротив сенат принимал закон Оппия – закон о трауре. Этот закон запрещал женщинам носить украшения весом более половины унции золота, наряжаться в пурпур, ездить в экипаже в пределах городских стен и ближе одной римской мили от них. По мнению моего супруга, первое закономерно вытекало из второго: штурм – из закона о трауре.

Вода и зелень – основной сюжет настенных картин и орнаментов в римском доме, но мой супруг проплатил изображение реальных исторических сцен.

Отвечая Пилату, гость заметил, что современная беспутная молодежь относится к великому прошлому Рима с некоторым презрением, она подражает грекам, но самые умные из молодых смеются над своей неловкостью в подражании.

Заговорили о женщинах римского света. Марцелл, улыбнувшись, от чего нос его заострился, а губы покривились, сказал, что римские женщины решили пожить для себя. Матроны предпочитают завести комнатную собачку, вместо того, чтобы родить ребенка.

– Дети мешают им путешествовать, – сказал он.

Я нашла тему несколько бестактной – Сергей Эквитор всю свою короткую жизнь потратил на путешествия, а их брак с Андрофилой оказался бездетным. Я не знала причин их бездетности. Возможно, действительно, дети помешали бы им путешествовать. Я взглянула на супруга, чтобы он ненавязчиво заговорил о другом. Но он с видимым удовольствием вслушивался в речь гостя.

– Некоторые знатные и благородные женщины считают свои годы не по числу консулов, а по числу мужей, и разводятся, чтобы выйти замуж, а выходят замуж, чтобы развестись. Дело дошло уже до того,

что ни одна женщина не имеет мужа для чего-либо иного, как только для возбуждения любовника...

О, Боги! Так говорить о римских матронах при этой гречанке!..

– Для римской женщины разврат не просто порок, а нечто чудовищное, – вмешалась я и снова взглянула на Пилата.

Он понял:

– Падение нравов началось из-за греков. Вспомним Катона: «...римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество. ...Пусть философы ведут ученые беседы с детьми эллинов, а римская молодежь по-прежнему внимает законам и властям».

Получилось не лучше.

Андрофила, не меняясь в лице, прозрачным взором скользила по бюстам всадников – предков Пилата – на другой стороне бассейна.

– Из Эллады – мужеложство и лесбийская любовь, – продолжал мой супруг. – Даже скотоложство. Римляне начали терпимо относиться к противоестественным связям. Это опасно...

Тут он заметил мой взгляд, запнулся и, помедлив, спросил:

– А ты женат?

– Нет, – усмехнулся Марцелл. – Этой зимой... Нет. Я не женат...

Я заметила, что в глазах Андрофилы засветился интерес.

– Я что-то слышала. Ты отложил свадьбу? – спросила я.

Он отрицательно покачал головой и с улыбкой, которой он хотел придать некую небрежность, сказал:

– Нет. О свадьбе не могло быть и речи.

Я поняла, что сейчас он ничего не расскажет. Распрошу потом.

Показался слуга и склонил голову, показывая Пилату, что столы в триклинии накрыты.

– Прошу... В узком... э-э... кругу, – повел рукой мой супруг. – Э-э... Андрофила, прошу...

Андрофила поднялась и прошла. Специально для Марцелла.

Она была почти одного с ним роста. Стройная, черноволосая, кудрявая, с большой грудью и узкими бедрами. И шла она, словно летела над полом, украшенном мозаикой, орнаментом, целыми картинами. «Не устоит», – подумала я о Марцелле.

– Завтра мы выступаем в Иерусалим, – говорил Пилат, сопровождая нас к столу.

Я подумала, что это будет прекрасное путешествие, которое может закончиться свадьбой Марцелла и красивой гречанки.

Глава 11. Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». 14-й день поездки. Equirria

Из Кесарии мы перебрались под Иерусалим. Сначала мы ехали цветущей долиной по-над горами до Антипатриды. Слева за хребтом осталась Самария. Всю дорогу хитрый грек с цепкими глазами ехал рядом с нашим римлянином и рассказал ему много интересных вещей. Мы всемером – я, Скиф, Германник и четыре преторианца – ехали, взяв их в кольцо. Такая предосторожность бывает здесь не лишней.

На другой день мы оставили где-то справа Иоппию и свернули в горы. Пальмы закончились, начались хвойные деревья. Острые вершины кипарисов торчали из ущелий, как копья затаившегося в молчании войска. В горах двигаться пришлось медленнее, и дальше Эммауса мы не добрались. К тому же здесь нас настиг проливной дождь.

Из Эммауса римлянин и этот грек, Дарданий, выступать не спешили, ждали, когда дождь закончится и когда к стенам зависшего высоко над нами Иерусалима подойдет Понтий Пилат с Кесарийской и Себастиийской когортами. Прокуратор, собирая войска по дороге, сразу из Кесарии свернул в горы на Самарию, которую также называют Себастией, и теперь приближался к Иерусалиму с севера. Кроме того, прокуратор взял с собой каких-то женщин, а те, как водится, потащили за собой толпы рабов и рабынь. Так что двигался Пилат не так быстро, как хотелось бы.

Ожидая Пилата и окончания дождя, римлянин и Дарданий целые сутки провели в Эммаусе и весь день о чем-то говорили, обсуждали в деталях какие-то планы.

Потом мы выехали в Иерусалим, вступили в него, немного опередив прокуратора, через Рыбные ворота и расположились на ночлег в крепости Антония. И на крепость снова обрушился дождь.

Мы ждали, что это будет обычный зимний многодневный ливень, под которым не устоит и потечет весь город – и кварталы, и лавки, и крепость, и сам дворец Ирода Великого. Да, это была тропическая лавина. Настоящий водопад. Но с первыми лучами солнца дождь стих, его снесло теплым ветром с востока.

Утром римлянин, несмотря на праздник, приказал нам собраться во внутреннем дворе. Все еще не успели просохнуть и стояли, пропитанные холодной дождевой влагой. Вокруг крутились греки и сирийцы – рабы женщин, заявившихся в Иерусалим вместе с Пилатом. Марцелл подошел к нам вместе с Дарданием. Я слышал, как этот грек говорил: «Я сам расставляю игроков для игры», а римлянин соглашался.

– Вот, – сказал он, подводя Дардания к нам. – Это конвой, который я взял из Рима и пополненный Луцием Вителлием.

– Судя по впечатляющим результатам под Антиохией, тебе дали прекрасных солдат, префект – ответил грек. – Кто-то из них, ты говорил, вышел на след Сына Отца в Кесарии Филипповой...

– Да. Вот этот, – и римлянин указал на меня.

– Ага! Ты позволишь? – Дарданий словно напомнил римлянину о каком-то давнем договоре.

– На время операции все они в твоём распоряжении.

Римлянин ушел обратно в крепостную башню, а Дарданий сказал:

– Для вас есть дело, – и ткнул пальцем в меня, Скифа и Германика. – Собирайтесь. Мы сейчас выезжаем.

Мы проехали под городской стеной до Золотых ворот и выбрались из города под выдувающий душу ветер.

– Я вас поселю неподалеку, в селении Вифания, по-местному – Бейт-Анья, – объяснял мне Дарданий, склоняясь под порывами. – Вы – новые, вас здесь никто не знает. Это хорошо. В Вифании на иерихонской дороге стоит наш пост – статио. Мы договорились, что такие посты по всей Иудее какое-то время будут совместными с местной храмовой стражей. Пока праздники не закончатся. Там, в Вифании, есть одна семья... Почему я тебе о ней говорю? Ты взял след этого Сына Отца, теперь у тебя на него нюх. А по нашим сведениям, человек с таким именем в этой семье бывал. Поживите рядом, приглядывайтесь.

Там, в той семье, есть женщины. Пусть Германик с ними подружится, – он обернулся на Германика и Скифа, которые приотстали. – Если он появится, хватайте. Если их придет много, скачите в крепость Антония. Тут всего 15 стадий... Германику женщин покажи, но о главном не говори, просто чаще расспрашивай. Иначе он может раскрыться им. Не так поведет себя, – и он снова оглянулся.

Насчет Германика он не ошибся. Хотя... Как знать?..

Германик как-то говорил, что он сын самого Арминия. Интересно, кто такой «сам Арминий»?.. А!.. Врет, наверное, как и все безродные. Он – италик, сын какой-нибудь потаскушки. Я вижу это по его поведению. Так ведут себя те, кто воспитывался на женской половине, у кого нет отца или даже дяди. Хитрый, хотя и белый, и первый сластолюбец. За это и цепочки на шее не имеет.

Когда мы спустились пониже, к Вифании, ветер стал стихать. Вифания – «дом бедности» – лежит к югу от Иерусалима близ иерихонской дороги за горою на ровном месте. Ничего особенного. Как въезжаешь, слева – пещера, справа – водоем. У Иерихонской дороги – харчевня, рядом – пост.

Мы въехали в селение. Весь пост местной стражи, кроме начальника-иудея, состоял из таких же наемников-мерценариумов, как и мы. Четыре грека, три сирийца и один набатеец вроде меня. Обычный контуберниум. Жителей не видно. Или работают, или от нас прячутся. Низкие каменные заборы, приземистые дома, помойки.

Дарданий проехал всю деревню насквозь. Мне сказал, не поворачивая головы:

– Слева от тебя дом с полосатыми занавесками. Там две женщины... Женщины-то женщины. А как к ним подойти?

– Вдовы? Замужние? – спросил я.

Дарданий задумался. Потом словно нехотя признался:

– Не знаю. Здесь они живут с братом.

Я краем глаза разглядел стену двухэтажного строения с балконом, длинную бело-голубую занавесь, выцветшую и казавшуюся из-за этого грязной. Ни одного окна... Воротца... Серый каменный забор в полтора роста...

– А чем занимается их брат?

– Не знаю.

У края деревни, упершись в полуразрушенную стену, мы остановились.

– В деревню можно зайти со всех сторон, стена... – Дарданий повел рукой, – вот такая. Там, – он двинул подбородком в сторону крайней развалюхи, – живет прокаженный. Осторожнее.

Мы вернулись на пост к харчевне. Солнце уже припекало, и мелкие лужи стремительно сохли. Дарданий спешился, усадил нас на камни подальше от кожаной палатки стражи и сам присел:

– Помните, мы ищем Елеазара, главного из ревнителей. Высокий, глаза голубые, борода черная. Одевается богато. Очень силен. Один на один никто из вас его не возьмет. Не пытайтесь. Вы и так – герои. Не надо друг другу ничего доказывать, – он испытующе оглядел нас.

Хитрый грек. Разглядел.

Скиф насупился. Германик скучал.

– Следите. Вдруг появится, – продолжал Дарданий. – Все наши посты у ревнителей на заметке. Подразните их, поорите. Может быть, кто-нибудь из его подручных явится на вас посмотреть. Их тоже, – он сделал жест, захлопнул ладонь, словно ловил муху или бабочку. – Правду мы из них выьем.

Тут Скиф внимательно посмотрел на него. А Германик как скучал, так и скучал.

– Всё. Араб – старший, – Дарданий поднялся, пошел к лошади и на ходу напомнил мне. – Помни. Две женщины...

Я вернулся к Скифу и Германику. Самое разумное из всего, что сказал хитрый грек – «Подразните их, поорите». Правильно. Мы должны показать, что ничего не боимся, а значит, никого не подозреваем. И время удачное – сегодня праздник, Equiritia. Воины чествуют бога войны. В этот день всегда начинаются военные кампании. И мы начинаем.

Мы разбили свой табернакулум рядом с палаткой поста. Иудей-начальник знал, что мы ему не подчиняемся и в караул ходить не будем. К нам он демонстративно не подходил, хмурился, наблюдал издали, боялся, что мы плохо повлияем на его солдат.

Германика я послал в город за нашими вещами и чтоб он забрал у Секста нашу долю денег. А мы со Скифом объехали вокруг деревни, держась на стадии от обвалившихся стен. Коней горячили, заставляли плясать. Пусть думают, что мы к празднику готовимся. Пока ехали, обшарили глазами тропки и ямки меж камней, прикидывали, откуда и как можно пробраться в деревню незаметно. На восток от деревни

начинались виноградники, возделанные поля, сады с миндальными, фиговыми и оливковыми деревьями. Деревья высажены редко, поля ухожены... Ясно, что пробраться можно с Елеонской горы по кустарнику. Полезут ночью, уследить невозможно.

Скиф pokrивился:

– Э-э... Зачем ему в богатой одежде здесь ползать?

Я промолчал, тропки отмечал бездумно, думал все время о другом.

Была еще ложбинка, отклонявшаяся от Иерихонской дороги. Если ехать по ней, то видно лишь всадника и конскую голову. А если пеший пригнетса, совсем не видно. Ложбинка тянулась мимо деревни прямо на Елеонскую гору, но в полустадии от деревенской стены превращалась в обыкновенную тропу.

Скиф эту тропу осмотрел и так и этак, потом оглянулся на деревню и сразу указал мне концом плети на пролом в стене:

– Здесь подъедут, туда пролезут.

Я не спорил, кивнул и сказал:

– Возвращаемся.

– Ночью надо тихо сходить, посмотреть, что там за дыра, куда ведет...

Я молчал, кивал и думал.

Ревнителю могут ходить в эту семью, к этим женщинам, если это их родственники. Тогда их брат тоже родственник ревнителям, а значит, и сам он ревнитель. Очень может быть... А может быть, там обычный притон, и этот «брат» просто торгует женщинами. И это возможно... Но вполне возможно, что эти женщины не блудницы, а, наоборот, верные жены ревнителей. Мужья прячутся, а эти дома сидят, ждут.

А! Что я голову ломаю? В селении должен быть староста, а он точно все знает.

Я вспомнил хватающий жест Дардания. «Правду мы из них выьем». Чего прощез? Взять старосту, и пусть скажет правду...

Нет, не получится. Староста, ясное дело, боится ревнителей больше, чем римской власти. Власть будет судить, следствие проводить, а ревнителю просто зарежут. Конечно же, староста обо всем сообщает этим разбойникам. А возьмешь его, начнешь допрашивать, дети его побегут к ревнителям и все расскажут, соседи побегут... Чтобы вывести эту шайку, надо перебить или переселить отсюда всех иудеев. Собрать с вещами и – куда-нибудь... Будь я император или хотя бы наместник, я бы так и сделал...

Тут я понял, что размечтался, и немедленно собрался, подтянулся, пробежал пальцами по оружию. Мечты на службе до добра не доведут.

Снова Дарданий прав. Именно Германик с первого взгляда отличит блудницу от честной вдовы, а вдову от замужней женщины. И вести себя будет соответственно. А мое дело – его расспрашивать...

Солнце ушло к морю, вроде бы стало ближе, но не припекало. В деревне послышались разрозненные голоса, детский плач. С горы пригнали стадо. Оно покрыло пылью полдеревни. Дымы стали подниматься над домами и хижинами. Запахло едой. Две собаки крутились около поста, раздражая начальника-иудея.

Явился Германик с увязанным имуществом.

– Деньги привез?

– Да.

– Сходи в деревню, купи овцу.

– Зачем? Вот харчевня. У хозяина есть.

– Хозяин знает, что праздник. Цену заломит. Возьми у него только вино, а за овцой сходи в деревню.

Пусть привыкает к деревне, и в деревне пусть к нему привыкают.

По обычаю войска Марсу надо жертвовать свинью, овцу и быка. Но мы не когорта, чтоб жертвовать целого быка, а свиней здесь нет. Обойдемся овцой. Да и не в этом вся соль праздника. Я несколько раз взглянул на Скифа. Он все помнил, но виду не показывал.

С поста подошли свободные от дежурства солдаты, сам начальник-иудей подошел. Германик притащил из деревни на шее овцу, держал ее за передние и задние ноги. Набатеец ее мгновенно ободрал.

Праздник в полевых условиях, в походе, на посту всегда скромнен – костер, мясо, вино, сыр, лепешки.

Я поднял чашу, плеснул немного на землю:

– Марсу-мстителю! Триумф!..

– Ио!.. Ио!.. Ио!.. – ответили воины.

Ели, пили, говорили, смеялись. Набатеец оказался из родственного племени, и мы с ним начали вспоминать и перечислять знакомых и родственников со всеми их предками, чем можно было заниматься бесконечно. Германик пил и смеялся больше остальных. А Скиф растирал в пальцах молодую зеленую и прошлогоднюю бурую траву, нюхал ее и пальцы и о чем-то думал.

Стало смеркаться, когда мы вспомнили о главном – праздник обязательно завершается конными состязаниями. Здесь, на посту, были наши три лошади, а четвертую, заводную, Германик привел из города с поклажей. В ее повод вцепился набатеец, он тоже хотел скакать.

– Откуда?.. Куда?..

Скиф, щурясь, указал вверх по покатоному склону, где в четырех стадиях отрожина Елеонской горы обрывалась и курчавилась ветками кустарника:

– Вон... Сорвать ветку и – обратно. Кто первый вернется...

Начальник-иудей засуетился, отчерчивая подошвой сандалия неровную линию на песке. Прыгая на одной ноге и подтягивая другую, он попятился от костра к дороге:

– Отсюда начинайте, сюда вернетесь...

Мы вскочили на конские спины. Лошадей подбирал Скиф, и себе он, конечно же, выбрал лучшую. Но я легче... Ясно, что скачка эта – соревнование между нами, между мной и Скифом. Джума, набатеец, видит свою лошадь в первый раз, но я уверен, что Германика он обскачет. Германик очень старательно учился ездить верхом, а мы на лошади родились и выросли.

Мы сгрудились у черты, заваливаясь и задирая поводьями конские морды.

– Скачите!.. – махнул рукой иудей-начальник.

Мы понеслись. Скиф с каждым конским броском все отрывался и отрывался от нас. Лицом я уже ощущал покалывания крупы песка, взбитых копытами его коня. А сбоку уже над самым моим ухом резко дышала запасная лошадь, на которой, повизгивая от восторга, скакал Джума. Лишь конь Германика топотал где-то сзади. Вся пыль ему доставалась.

Я припал к конской гриве, чуть не лежал у коня на шее, чтоб легче было скакать вверх по склону. Ничего, вниз по склону я Скифа достану...

Вот он зачернел впереди на фоне неба, вот почему-то замялся, подскакивая к веткам, свисающим со склона, вот рванул одну, хлестнул ею коня и полетел нам навстречу.

Мы с Джумой почти одновременно взлетели на гребень, и вдруг... Я увидел двух всадников в черном, которые шарахнулись от нас, а позади, за ними, еще пять-шесть таких же на волнующихся лошадях.

Что делать?.. Скачки... Враги... Оружие?.. На лошадей-то мы вскочили с одними кинжалами у пояса...

Джума вообще ничего не понимал и не заподозрил. Всей тяжестью тела он рванул здоровенную ветку, обламывая ее у ствола. Так!.. Не хватало, чтоб и этот меня обогнал...

Сорвав ветку и поворачивая коня, я видел, как те в черном снова направили лошадей в нашу сторону, но тут вылетел на гребень Германик, и они снова шархнулись.

На обратной дороге, догнав и оставив позади Джуму, я оглянулся. Двое в черном держали горячащихся лошадей и рассматривали оборванный нами, почерневший на фоне неба куст.

Мы прискакали. Весь пост трижды прокричал «Ио!» в честь Скифа. Он не подавал виду, но один раз все же со значением посмотрел на меня. Все потянулись обратно к костру. Начальник-иудей задержался:

– Что это за люди на лошадях выезжали?

Я оглянулся. Никого не видно.

Иудею мы, конечно же, ничего рассказывать не стали. Переглядывались меж собой. Потом я сказал:

– Да. Странные какие-то люди. Надо съездить и посмотреть.

Любой пост поступил бы так, увидев незнакомых всадников в черном. Вряд ли они узнали нас и наших лошадей. В прошлый раз они видели близко одного Скифа. Но скачка... Бешеная скачка должна была им кое-что напомнить.

Мы разобрали оружие и кучкой рысью все четверо поехали на гребень. За гребнем было пусто. В наплывавших сумерках я разглядел тонкую кисею пыли над кустами вдали и левее.

За нами могли наблюдать, и я сказал Германику:

– Поезжай, поищи следы.

Германик удивленно посмотрел на меня и поехал. Он ездил кругами, свешивался с лошади до самой земли, один раз спрыгнул и присел, что-то разглядывая. Правильно. Пусть ревнителю видят – обычный римский кавалерист.

Темнело. Я помахал Германику и крикнул, чтоб возвращался.

– Видел следы?

– Видел.

– Куда они поехали?

Он уверенно указал на дальние кусты.

– Все в одно место поехали?

– Я не знаю. Я над теми кустами пыль видел.

Глава 12. Клавдия Прокула. После Ид

Пилат выезжал в Иерусалим часто, но ненадолго. Все неприятности по службе случались с ним в этом городе. Через несколько лет его прокураторства я стала ездить с ним в Иерусалим, невзирая на его протесты. Боялась, что он сорвется и натворит каких-то глупостей.

Пилат ругался и напоминал, что некогда в сенате был поставлен на обсуждение вопрос, можно ли позволять правителям провинций брать с собой жен. Тогда сенатор Цецина Север указывал на всевозможные злоупотребления в провинциях, причиной которых были женщины, и заявил, на мой взгляд совершенно справедливо, что женщины царствуют в семье, в суде и в войсках. Я же обоснованно ответила, что на том слушании в сенате проконсулам была оставлена свобода брать с собой свои семейства.

Резиденцией прокуратора в Иерусалиме служила Антониева башня. Еще до нашего прокураторства ее начали отделять на римский манер. Облицевали мрамором стены, расставили портретные скульптуры – статуи, бюсты, рельефные изображения. Увы, за пределами башни ни одного портрета выставить не удалось. Что ж, будем довольствоваться малым.

Нам с Андрофилой отвели целое крыло комплекса. Я с особой тщательностью проверила покои гречанки, насколько они удобны и безопасны. Она вдова патриция, путешествует одна. И путешествие, по моим расчетам, должно закончиться во славу Великой матери богов – Кибелы. Единственно, что может нам помешать, – преждевременные сплетни. Нет человека, настолько презирающего молву, чтоб не дрогнуть перед ней душой.

Пилат сразу понял мои намерения, но молчал, даже был доволен. Марцелл увлечется женщиной и меньше будет лезть в его дела.

С Андрофилой в дороге я несколько раз заводила разговор о Марцелле. Она делала вид, что это ей безразлично, но меня не проведешь. Собраться в один день и ехать не на Родос, где водолечебница и модный курорт, а в Иерусалим, где бесчинствуют шайки каких-то ревнителей и нет никакого общества, одни секты. Влезешь – голова закружится: мешиах, бог, пророк... Нет, уж! Она едет с одной целью – охмурить Марка Клавдия Марцелла. И, клянусь Кибелой, сейчас она обдумывает, затащить его сразу же к себе в постель и самыми извращенными восточными ласками вскружить голову или как можно дольше изображать из себя скромнейшую матрону, добродетельную и хозяйственную, строгую мать и воспитательницу будущих детей.

В первый же вечер по прибытии в этот проклятый богами город я сказала Пилату, чтобы он опять устроил вечер «в узком кругу».

Марцелл был рассеян или просто задумчив.

– Ты – жертва долга, – сказал ему шутливо Пилат.

Зато Андрофила появилась во всеоружии. Туника широкими складками падала к ногам гречанки. Пурпур очень шел к ее волнистым черным волосам. Служанки подклеили ей наставные ресницы, и теперь ее светло-карие, почти желтые, глаза соблазнительно затенились. А она их еще и щурила.

По обычаю мы выпили в честь Весты, царицы богов домашнего очага.

Не знаю, почему, но я вдруг заговорила об умершем муже гречанки, Луции Сергие.

– Ты так красива, – сказала я. – С твоим мужем вы были прекрасной парой.

Эквитор, действительно, был красив, высок, очень строен, похож на грека, что ему самому очень нравилось. Но он рано поседел и очень рано умер.

Андрофила опустила ресницы и несколько мгновений скорбела о муже. Потом она подняла голову, демонстрируя стойкость перед ударами судьбы, а заодно безупречной формы шею.

К моему удивлению, вместо Марцелла возбуждаться стал Пилат. Он заерзал на кушетке, но зная, что в моем присутствии опасно не только увлекаться кем-то, но даже обращать на эту персону повышенное

внимание, не нашел ничего лучше, как прибегнуть к Катону. Он стал цитировать этого великого человека, что сочинения греков полезно просматривать, но не изучать. Дались ему эти греки!..

– Эта раса в корне развращена, – размеренно декламировал он, помогая себе взмахами руки. – Как там дальше?.. «Верь мне, в этих словах такая же правда, как в изречениях оракула: этот народ все погубит, если перенесет к нам свое образование». Да... Вот так...

– Прошло двести лет, – вмешался Марцелл, – но мы пока не погибли...

Склонившись немного в сторону Андрофилы, он стал расспрашивать ее, чем увлекался ее покойный супруг.

Оказалось, что благородный патриций увлекался философией. Вдова довольно обстоятельно и без запинок рассказала, что в Афинах господствующие течения – стоицизм и эпикурейство. Среди римлян, увлекающихся всем греческим, популярен стоицизм.

Пилат нахмурился и изобразил на лице внимание, словно спрашивал: интересно, чем это вы нас соблазняете?

Андрофила, поглядывая на прокуратора, рассказала, что стоики считают главным добродетель. Все люди могут быть счастливы, если достигнут добродетели. Как ее достичь? О, это очень просто. Надо жить в соответствии с природой, выполнять свой предназначенный природой долг. Выполняя его, люди духовно равны и счастливы...

Я видела, что, вслушиваясь, Пилат незаметно для себя кивал.

...Общественный идеал – всемирное государство с единым гражданством...

– Да, – сказал Пилат. – Это так... Это хорошо...

– Так что же такое – добродетель? – спросил Марцелл, и мне показалось, что он не удовлетворен объяснением.

– Добродетель – апатия, невозмутимое отношение ко всему в жизни. Пребывая в ней, человек счастлив, равен царям...

Марцелл глянул на Пилата, на меня. Что с него взять? Командир преторианской конницы...

Пилат, словно озаренный, вдруг поднял руку и голосом, каким возглашают здоровье императора, произнес:

– Делай, что положено, и будь, что будет!.. – и расхохотался.

– Я не вижу в этом учении ничего плохого, – улыбнулся Марцелл.

Он, как мне показалось, немного оробел перед блеснувшей философскими познаниями гречанкой. Мужчины побаиваются умных

женщин. Андрофила скорее демонстрировала образ старательной ученицы своего безвременно сошедшего в Аид супруга. Но Марцелл и таких знаний не имел. Как бы не испугался!..

Я свела разговор к модам этой зимы в Риме. В этом Марцелл разбирался лучше, чем в философии. В моде опять были тонкие ткани из Пергама, тирский пурпур и новые египетские благовония, а волосы красили краской, которая придавала им цвет и блеск золота... Но Пилат, несмотря на мои укоризненные взгляды, хотел понять, чем же греческая философия опасна для римлян.

– Это одно, это хорошо... А второе?

– Эпикурейцы? – спросила Андрофила. – О! Это тоже просто...

Действительно, это было очень просто. Счастье – в приятных ощущениях. Приятные ощущения нам даются скромным образом жизни, философскими беседами в кругу друзей, вдали от тревожащих общественной и политической жизни. «Проживи незаметно» – вот цель жизни. Такая жизнь воспитывает душевное спокойствие, невозмутимость ко всему происходящему в мире. Невозмутимость – атараксия – высшее счастье мудреца...

– Насколько мне известно, – вмешался прокуратор, – сторонники этого учения считают, что мудрецами могут быть лишь веселые пьяницы.

– Нет, это искажение, – ответила гречанка. – Они ищут удовольствие в мудрости, справедливости и дружбе.

Я не вмешивалась. Атараксия – враг торговли, от отсутствия бессмысленных желаний, от спокойствия духа и стоической мудрости страдает рынок. Уж в этом-то я разбираюсь. Ладно, пусть потешатся...

– Так, так, так... – Марцелл свел несколько раз ладони. – Атараксия... апатия... Может быть, я ослышался, но оба учения говорят о невозмутимом отношении ко всему в жизни, – и он вопросительно посмотрел на гречанку.

– Ты прав, префект, – улыбнулась она, и это была ее первая улыбка, подаренная моему родственнику. – Оба учения говорят лишь о разных путях к невозмутимости.

Осчастливленный ее улыбкой Марцелл тоже улыбнулся и на этот раз не сводил с нее взгляд дольше, чем обычно.

Слуги стали подавать паштет из гусиной печени и умбрийский сыр, захваченные нами из Кесарии. Я склонилась к Марцеллу и спросила:

– Как тебе Андрофила?

Он не ожидал вопроса, мне даже показалось, что он вздрогнул.

– Ах, – сказал он, – у меня в голове сейчас совсем другое.

Я знала о цели его приезда. Еще перед отъездом в Иерусалим Пилат рассказал мне, что Марцелл ищет деньги, переданные из Парфии местным разбойникам на мятеж. Я искренне хотела ему помочь и даже обдумывала, кого из знакомых менял расспросить, не привлекая лишнего внимания. Но это задание он рано или поздно выполнит. Или не выполнит... И тогда начнется восстание... Ах, их здесь столько было!.. Как бы ни было, приезд Марцелла сюда и поиск денег – дело временное, а женитьба – дело серьезное. Вот о чем надо думать! Но мужчины – это те же дети. Голова у них забита не тем, чем надо.

Мне нравилась прудовая рыба, пресноводная. Пилат налегал на фаршированных голубей. Марцелл лениво без аппетита жевал какие-то копчености: видимо, привык в Галлии. Андрофила так же задумчиво покусывала листик равеннской спаржи.

Стали подавать десерт. Запеканки на меду из фруктов с орехами, цукаты...

Отведывая ложкой сгущенный виноградный сок с орехами, я подумала, что не все так плохо. Если из-за денег Марцелл столкнется с местными разбойниками, прольется кровь, а кровь пробуждает в мужчинах эротические чувства.

Так мы провели вечер, и в положенный срок Пилат, как хозяин, произнес известные всем фразы. Уходя, я спросила у Андрофилы:

– Ну, как тебе Марцелл?

Она спокойно взглянула на меня и ровным голосом ответила:

– У него какие-то заботы. Он нуждается в поддержке и добром совете, – и с притворным участием добавила. – Он твой родственник. Поговорите с ним по-семейному.

Глава 13. Вениамин по прозвищу «Германик». Иды Юпитера

Всадники в черном, которых мы видели во время скачек, напомнили мне недавние события и бой с ревнителем. Те все тоже были в черном. Но ни Араб, ни Скиф, которые успели тогда подраться с ними, ничего не сказали.

Ночью Скиф куда-то уезжал. Вылез из нашей табернакулы, обмотал лошади копыта, отвязал и шагом уехал. Вернулся до рассвета.

Днем Скиф и Араб пошли в харчевню, там им показалось тесно, и они, взяв этого набатейца Джуму, отправились доедать и допивать в поле. И меня с собой взяли.

В поле развели костер, связали лошадей попарно, головой к хвосту, сняли оружие и сели продолжать. Ели и пили мало. Араб с набатейцем перешли на свой язык и оживленно щебетали, как две старые сплетницы, чуть не подпрыгивая от возбуждения и взмахивая руками. Скиф тоскливо смотрел на небо и мял в руках травинки. А я все время оглядывался на деревню, лежащую неподалеку. Меня все время тянуло туда. Я вслушивался в долетавшие голоса, вглядывался в блеклые дневные дымы, улавливал каждое движение за низкой, полуобвалившейся стеной.

Мой отец, солдат германской стражи, отбыл из Рима в дальний гарнизон за два месяца до моего рождения. Мать всегда обвиняла в этом какого-то Арминия. Потом, когда я уже поступил в легион, я заметил, что при упоминании этого имени германцы как бы невзначай смолкали и подтягивались. На их лицах светилась гордость. Я, конечно, узнал от них, кто такой Арминий.

Мы жили у дяди. Но когда мне исполнилось десять лет, всех наших родственников выслали из города. Матери и тетке удалось остаться. Когда квириты ходили по кварталу, они выставляли на крыльцо меня. Словно щит. И даже называть стали «Германик». И к нам не заходили. Как-то один спросил: «А здесь кто живет?», и ему ответили: «Разве не видишь?»

Меня воспитывали женщины, но я очень хотел найти отца и стать, как и он, солдатом германской гвардии. Чего-то я добился... Солдат, воспитанный женщинами... Я стал самым послушным, самым аккуратным и самым старательным солдатом в легионе. Меня заметили и послали к разведчикам. Здесь я тоже многому научился. Служить около границы в кавалерийской части... Это другой мир, другая жизнь. Но сейчас, когда мы прибыли в Иудею, я вдруг вспомнил детство. Я вспомнил язык, на котором мать и тетка шептались по ночам, а потом плакали вместе и по очереди, вспомнил дядю, вспомнил худых, лохматых и глазастых детей, с которыми играл во дворе. Ах, как много я вспомнил!.. Воспоминания и мечты наплывали на меня, словно кто-то слал их из этой деревни, из-за грязной стены серо-желтого цвета, от поникших садов, от пещер и озер.

– Эй, Германик! – перебил мои мысли Араб и достал серебряную монету. – Нам не хватит. Сходи в деревню. Вон, прямо напротив нас, пролом в стене. Мне говорили, там какие-то женщины могут продать вино.

Я вздохнул и вскочил на ноги.

– Выбирай лучше, поторгуйся, – напутствовал меня Араб и щелчком бросил монету, которую я взмахом перехватил.

Прямо перед нами стена осыпалась и доходила мне до груди. Я вспрыгнул на нее. Песок и мелкие камешки зашуршали, посыпались. Передо мной был чахлый, выжженный солнцем и не оживший после дождей садик. Лишь в глубине, у самого дома, у колодца, зелень была темнее, живее и веселее. Я спрыгнул и пошел по еле заметной тропинке к дому.

У колодца спиной ко мне, да даже и не спиной, копалась в грядках женщина. Не старая. Это я определил по ее заду и по одежде. Старухи одеваются не так добротно.

Я шел по песку неслышно, как в разведке, и хотел, подкравшись, толкнуть ее в зад низом живота – любимая шутка солдат легиона

«Галлика». Я уже стал пружинить на носках, но опомнился, остановился в трех шагах и, поигрывая пустым кувшином, сказал:

– Скажи, добрая женщина, где здесь купить вина?

Она выпрямилась и обернула ко мне удивленное лицо, а увидев меня, обомлела и сделала испуганный отстраняющий жест.

– Не бойся меня, – сказал я.

– Кто ты? – спросила она по-гречески, но медленно, подбирая слова.

Ну, конечно. В восточных легионах империи все говорили по-гречески.

– Я служу... Наш пост стоит около вашей харчевни, – сказал я снова по-иудейски. – Вина... Есть у тебя вино?

Она вслушивалась в звуки моего голоса, не вникая в смысл слов. А я разглядывал ее. Жадно. Пятнадцать дней, как мы уехали из Антиохии. Полмесяца у меня не было женщины.

Под просторной темной одеждой угадывалась фигура: само тело коротковато, но ноги длинные, и руки большие, рабочие... Она была моего возраста. Может быть, чуть постарше.

– Чего тебе надо? – снова спросила она по-гречески, хлопая ресницами.

– Почему ты говоришь по-гречески, когда я говорю по-нашему? – спросил я.

– Ты... наш? – она удивленно подняла брови.

Глаза у нее были большие и черные до синевы, и губы припухлые, она их в удивлении чуть приоткрыла и блеснула белизной зубов. Я даже слону сглотнул.

Сглотнул и... остановился. Сказать «да»? Этих слов – «наш» или «да» – она ждала от меня, как секретного слова в дозоре.

– Это язык моей матери, – сказал я. – Но родился я в Риме.

Я сделал жест, словно моя рука могла перемахнуть через Иерусалим на горе, рассечь морские волны и вынырнуть у берегов Италии.

Этот жест ее почему-то успокоил.

– Наши повсюду, – сказала она, оглядываясь в сторону Иерусалима.

– Наших там уже нет, – сказал я, давя на жалость. – Наших оттуда уже выгнали.

– Да? – она жалостливо захлопала ресницами. – Как же тебя зовут?

– Вениамин. А тебя?

– Марта, – ответила она.

– Какое у тебя красивое имя, – попер я напролом. – И сама ты...

Она предостерегающе подняла руку, нахмурилась и на ломаном греческом произнесла:

– Замолчи, солдат. Отойди, или я закричу.

– Да я и так далеко от тебя, – развел я руками, поднимая пустой кувшин за ушко. – Прости, если я тебя обидел. У нас там праздник, – я кивнул в сторону стены. – Может, ты продашь нам вина?

Я увидел, что она в нерешительности, и добавил:

– Но ты и вправду красивая. Как же я мог удержаться?

Она поколебалась, быстро оглянулась на дом, на постройки.

– Стой здесь, – это она произнесла по-нашему. – Два сестерция, – а это уже на ломаной латыни.

Это она, конечно, загнула. Один асс я еще мог бы накинуть... Но... я решил покорить ее щедростью.

– Я дам тебе динарий, – крикнул я ей вслед, – но приду еще раз. С этим же кувшином.

Она вернулась из дома с мехом и подошла ко мне:

– Подставляй!

Я подставил кувшин и сам подался вперед, стремясь ощутить ее запах. У нее дрогнули ресницы, но она не отодвинулась, лишь нахмурилась.

Вино журчало и лилось. Ее рука чуть подрагивала под тяжелым мехом, и я чувствовал, что так же подрагивают мои ноздри. Марта налила, отступила, задирая край меха, и подняла на меня глаза:

– Ты как маленький, – сказала она.

Я улыбнулся как можно простодушнее и протянул ей серебряную монетку:

– Здесь – четыре. Как только мы это выпьем, я еще приду.

Она внимательно оглядела меня:

– Пойдем, я тебя провожу.

С мехом под мышкой она довела меня до стены. Я у нее на глазах, подняв одной рукой кувшин за ушко, с разбегу вскочил на стену, оперся другой рукой и спрыгнул.

– Как выпьем, я вернусь...

Скиф придремывал. Араб и Джума о чем-то говорили по-своему. Араб глянул мимо меня на стену и спросил:

– Принес?

– Принес.

Араб оценил взглядом объем кувшина.

– Мало. Надо будет еще сходить.

Я кивнул:

– Я знаю. Я уже договорился.

Он удовлетворенно замурчал и стал разливать вино по чашкам.

– Юпитеру!..

Мы отплеснули.

Вино оказалось терпковатым и в то же время почти безвкусным. Ни кислоты, ни сладости я в нем не уловил. Мы ели пышки с медом и запивали этим вином. С одной стороны желтели холмы пустыни, а за ними голубел горизонт, с другой – лесистая темная гора подпи-рала Иерусалим. Солнце стояло высоко, но под свежим ветром зноя мы не чувствовали. На желтый камень выскочила первая увиденная мной в этом году ящерица, замерла, подставляя солнцу изумрудно-серые узоры на узкой спине. Кто-то из наших сделал резкое движение, и ящерица юркнула за камень.

Я все время оглядывался на стену.

– Ты ей понравился, – сказал Араб.

– Кому?

– Той, у кого вино брал. Пока ты шел, она через стену смотрела, куда ты идешь.

– Да?.. Беллона!..

– Не ерзай. Сейчас допьем, еще пойдешь...

«Грех приходит в дом как гость, а потом делается в нем хозяином».

Я вспомнил эти слова, слышанные некогда от дяди, и они придали мне еще больше уверенности.

Здесь деревня. Деревенские жители очень многое себе запрещают. Да и чего ждать от деревенщины? Был бы здесь город!.. А в деревне придется повозиться...

Я пытался угадать, кто она такая. Ясно – не девица. В таком-то воз-расте!.. Вдова? Нет... Городские вдовы наедине с солдатами ведут себя поразвязнее... А в деревнях вдовы молчат, слова из них не выбьешь. А эта и говорила, и на дом оглядывалась. С кем-то живет... С мужем?.. Зачем же она мне вслед смотрела?..

Я решил, что муж у нее все-таки есть, но дома его сейчас нет. Мо-жет, на заработках, а может, где-нибудь с ревнителями бегаёт, мятежи устраивает. А живет она, видно, с родителями мужа...

Допили.

– Иди, – сказал Араб. – Жждалась тебя красавица!

Напевая, я направился к знакомому пролому. Перемахнул через стену и... У колодца рядом с Мартой стоял полный пожилой – лет на десять меня старше – мужчина. Брови густые, борода черная с проседью. Смотрит недоверчиво, с прищуром. Ладно, и не таких за нос водили...

– Радуйся, хозяин, – сказал я по-гречески. – Я отдал динарий за два кувшина вина. Вот – пришел за вторым.

Услышав меня, мужчина удивленно и недовольно оглянулся на Марту.

– Это мой брат, Елезар, – сказала Марта по-нашему. – А это – Вениамин. Он... – тут она замялась, подбирая слова, – служит неподалеку...

Елезар... брат... Я попытался что-нибудь сообразить, но этот брат сразу же заговорил:

– Ты – наш, а служишь у этих?..

– Он из Рима, – перебила его Марта. – Его мать...

– Да, я служу, – сказал я. – И мне нравится.

Он внимательно оглядел меня. Видно, не решался спорить или ругаться. Потом властным жестом отослал Марту:

– Иди, принеси вина, – а мне предложил. – Присядь, отдохни. Вот скамейка.

Я и так насиделся, но присел, разглядывая этого Елезара. Он присел напротив. Судя по одежде, торговец. Не особенно высок, и глаза не голубые... Но его расспросы насторожили меня.

– Зачем вас прислали сюда из Рима?

– Почтеннейший, – усмехнулся я. – Я в Риме не был лет десять.

– А где же ты служишь? Здесь, в Кесарии?

– Нет, в Антиохии.

Он завел глаза, прикидывая расстояние.

– Ого! Как же ты здесь оказался?

– Сопровождал одного чиновника.

Он опять что-то прикинул:

– Так это ваши вчера здесь скакали?

– Да.

– А зачем?

– У нас праздник. Так всегда делают.

– Праздник? – недоверчиво переспросил он.

– А что это за всадники в черном, которых мы вчера видели? – спросил я его.

– Не знаю, здесь многие ездят, – и он притворно удивился и развел руками.

«Да он же ревнитель! – подумал я. – Расспрашивает...» Что это тот самый Елеазар, которого мы разыскиваем, я отmel сразу. Дарданий описал нам совсем другого человека. Но все же...

– Елеазар! – раздался у меня за спиной звонкий женский голос. – Иди в дом. К тебе люди.

Я оглянулся. Красивая молодая женщина, похожая на Марту, обошла скамейку, слегка коснувшись рукой моего плеча, и присела рядом с Елеазаром. Елеазар же нахмурился, заторопился и, не попрощавшись, ушел. Зато появилась Марта с кувшином в руках и остановилась, не доходя нескольких шагов.

– Как тебе живется в войске? Тяжело, наверное? – спросила пришедшая.

Я перевел взгляд с нее на Марту. Сестры... Пришедшая была явно моложе и красивее, и спрашивала ласково, но я сразу же понял, что с нею мне уж точно ничего не обломится. Что-то внутри предостерегло меня. Так ласково спрашивают о жизни процентчики, когда прицениваются, приглядываются, как бы на тебя долговую удавку накинуть.

– Твоя мать еще жива?

– Нет...

– Так ты сирота!.. Бедный солдат...

Я промолчал. Марта передала мне кувшин с вином и под села к сестре. А вот с этой можно и нужно пробовать.

– Конечно, тяжело без матери, – пошел я опробованным путем. – Но я ее помню. Каждая женщина напоминает мне ее...

– Скоро все наши беды закончатся, – сказала Марта. – Спаситель уже пришел в этот мир.

– Кто?

– Машиах. Спаситель. Ты что-нибудь слышал о нем?

Глава 14. Марк Клавдий Марцелл Младший. Тот же день

Среди ночи явился солдат по прозвищу «Скиф» и доложил разбуженному Марцеллу, что черные всадники, такие же, как некогда сопровождавшие Елеазара, вечером подъезжали к Вифании.

Марцелл хотел отослать его назад с напутствием «Следите дальше», но сделал над собой усилие, потянулся и послал Зенона за Дарданием – «Не одному же мне по ночам не спать...» Впрочем, Дарданий сам просил извещать его в любое время дня и ночи.

Осунувшийся, изможденный Дарданий, как оказалось, еще не ложился.

– Повтори ему, – показал Марцелл Скифу на вошедшего, и Дарданий с готовностью закивал, присаживаясь на широкую выгнутую полукругом скамью и внимательно разглядывая присланного солдата.

Скиф коротко повторил, что вечером солдаты устроили скачки в честь праздника Бога Войны и во время них видели человек пять в черном, которые подъезжали к Вифании на лошадях, но увидели солдат и ускакали в лес под горой.

– Почему вы их не преследовали?

– Мы отдыхали и были без оружия.

– Откуда они ехали?

– Откуда, я не знаю. Мы видели их меж горой и дорогой.

Дарданий помолчал, представляя, потом кивнул и сказал:

– Понятно. Все их видели?

– Все, кто скакал.

– И они вас испугались и ускакали?

– Выходит, что так.

– А... куда они ехали? Как ты думаешь?
– Не знаю, но там есть одна тропа... – и Скиф рассказал, как они с Арабом объезжали деревню и обнаружили тропу, выходящую к пролому в стене, окружающей селение.

– Там несколько проломов, – вздохнул Дарданий.

– Да. Но тропа к одному.

– Что там за проломом?

– Дом и сад. В саду колодец.

– Дом большой?

– Комната на комнате, – Скиф сделал рукой два взмаха один выше другого.

– Понятно, – и Дарданий довольно покивал и Скифу, и Марцеллу. – Возвращайся. Наблюдайте за этим проломом. Арабу скажи, чтоб делал, как договорились.

Скиф ушел. Дарданий потер лицо и тоже поднялся:

– Я как раз слушал своего человека, – сказал он, задержавшись перед уходом. – Пойду, послушаю, что еще расскажет. Завтра надо будет встретиться у Пилата. Спокойной ночи, префект.

– Какая уж тут спокойная ночь! – фыркнул Марцелл. – Под Иерусалимом разъезжают – о, Юпитер Вседержитель! – черные всадники...

– К сожалению, префект, – сухо ответил начальник стражи, – настоящая власть Рима здесь, на юге провинции, лишь там, где стоят наши солдаты. В других местах приходится вести разведку, использовать тайных осведомителей. Этих... в черном... прячут.

– Я понимаю – люди прячутся, их не выдают... Но лошади... Много лошадей вместе... Лошадей-то вы могли выявить?

Дарданий ничего не ответил, молча развел руками, поклонился и вышел.

Засыпая, Марцелл вспомнил прежние жалобы Дардания, что иудеи очень хитры, завербованных быстро вычисляют и убивают. Значит, начальник стражи беседует со смертником. «О, бессмертные боги! Какое счастье, что я родился римлянином, а не иудеем, не греком... не ...» Вспоминая народы, подвластные Риму, Марцелл заснул.

Утром за ним пришли от прокуратора и просили пожаловать на совещание.

Поднимаясь с внутреннего двора в покои прокуратора, Марцелл увидел Андрофилу. Гречанка умащивалась в кресле, венесенном под

колоннаду. Две служанки – одна с расшитым зонтом, другая с опахалом – возвышались за спинкой кресла. Высокий молодой раб, галл или германец, легко нес на вытянутых руках изящный столик. Второй, чернокожий, ждал, держа на подносе стеклянный кувшин с желтым пенящимся напитком и чаши.

Поздоровавшись, Марцелл оглянулся на внутренний двор и сочувственно сказал:

– Здесь мало развлечений, матрона.

– Развлечений? – переспросила Андрофила и скептически надула свои детские губы. – Все, чем тешится чернь, дает наслаждение слабое и поверхностное.

– Да, ты говорила, что приятные ощущения нам даются скромным образом жизни...

– Конечно. А умеренное удовольствие снимает душевное напряжение.

– Душевное напряжение? Ах, да... Твой супруг... – вспомнил Марцелл. – Мы все, я уверен, готовы сделать все, чтобы отвлечь тебя от грустных мыслей.

– С этим я справлюсь сама, – погрустнев, ответила гречанка. – Всякая радость, если она приходит извне, лишена прочной основы. Но я благодарна тебе, – словно опомнившись, вежливо, но сухо вато произнесла она. – Твое сочувствие дорого мне.

– Беседа с тобой всегда поучительна, но мне надо идти, – произнес префект, невольно любясь собеседницей.

Она молча кивнула, но, провожая его взглядом, смотрела чуть дольше, чем обычно.

Пилат, чем-то недовольный, перехватил и пожал его запястье и указал взглядом на сидевшего в углу Дардания:

– У него новости...

Казалось, что недовольство новостями он переносил на самого Дардания.

Дарданий подтвердил, что новости действительно не из приятных. В Иерусалим за деньгами к местным менялам никто не являлся. Вполне возможно, что деньги смогут получить в Кессарии и не обязательно у иудеев. Есть слухи, что греки начали несколько выгодных дел в Парфии.

– Значит, мы ошиблись, переведя войска сюда? – Марцелл почесал подбородок.

– Нет. Восстание готовится здесь, – твердо сказал Дарданий. – Елеазар и его отряд в сто двадцать человек хотят войти в город вместе с паломниками...

– Сто двадцать... Всего-навсего, – усмехнулся Пилат.

Он раздраженно встал и прошелся.

– Им лишь бы какая-нибудь свара. А потом нас же обвинят в крови, в насилиях...

– Когда они могут проникнуть в город? – спросил Марцелл.

– Паломники начинают появляться за 10–15 дней до их праздника.

У нас еще есть дней 6–7, – ответил Дарданий.

– Не раньше?

– Нет. У них это не меняется веками...

– Не меняется веками... – повторил за ним Марцелл. – Здесь что-то не так...

– Они уже дважды пытались шутить со мной, – начал Пилат.

– Дарданий! – перебил его Марцелл. – Прошу прощения, прокуратор... Дарданий! Есть такая муза – Клио...

– Да, префект.

– Если у них не меняется веками... Здесь тридцать лет тому назад было большое восстание. Так?

– Так, префект. Иуда Галилеянин восстал в 759 году при переписи населения и имущества Сульпицием Квирином.

– Как оно начиналось?

Дарданий молчал и думал.

– Документы сохранились? – все так же раздраженно спросил Пилат.

– Я сейчас же пошлю за ними... – он отошел к двери, вызвал каких-то людей и стал вполголоса отдавать приказания.

Пока ходили за документами, Дарданий, видимо, все вспомнил сам. Он не стал разворачивать свитки, просто положил на них руку и стал рассказывать.

Лет тридцать назад, когда Квириний только стал проводить перепись, здесь в Иудее было три религиозные группировки: ессеи, саддукеи и фарисеи...

Тут Пилат потер шею, показывая, видимо, где у него сидят все эти религиозные группировки. Дарданий, мельком глянув на него, продолжал, что при Квиринии Иуда Галилеянин и некий Саддук создали новую группировку.

- Какую? – в нетерпении перебил Марцелл.
- Они создали новую... ну, в общем... философскую школу...
- Какую?..
- Они были совсем как фарисеи, но отличались неограниченной любовью к свободе. Руководитель и владыка у них был один – Бог.
- И повстанцы объединились вокруг этого учения?
- Да.
- Понятно. А есть здесь сейчас какая-нибудь новая... философская школа?..
- Да, конечно... – Дарданий, показывая, что сам догадался, о чем идет речь, похлопал ладонью по свиткам. – Это то, с чем столкнулся твой солдат. Все предусмотрено... – и он торжествующе улыбнулся. – Многие сейчас распускают слухи о близком пришествии Спасителя, который пресечет все злодеяния и установит новую счастливую жизнь. Так говорили их пророки.
- «Близкое пришествие» это когда?
- Да хоть завтра, – улыбнулся начальник стражи, – хотя фарисеи говорят: «Спаситель явится лишь тогда, когда народ отчаится в ожидании спасителя».
- Если ждут, значит – не отчаялись, – усмехнулся Пилат. – Знаю я этих «спасителей».
- Какой он будет? Какой он должен быть? – выпытывал Марцелл. – Да, и почему вы улыбаетесь?
- Он должен быть из рода царя Давида, – ответил Пилат, – а все они известны поименно.
- И Дарданий подтвердил это кивком.
- А если появится самозванец?
- Саддукеи и истинные потомки его сразу же разоблачат, – сказал Пилат. – Это такая скандальная шайка...
- Они помолчали, обдумывая ситуацию.
- Большие деньги дают под большие восстания. А большим восстаниям нужны яркие символы. И Спаситель очень подошел бы им сейчас.
- А кто составляет списки потомков царя Давида?
- Пилат сразу же насторожился. И Дарданий задумался, но ответил быстро:
- Род каждого иудея прослеживает его священник. Род царя Давида известен первосвященникам.

– А вы уверены, что иудейские первосвященники передали нам полные списки этих потомков?

Пилат откинулся, словно получил удар, лишивший его равновесия, и стал сереть на глазах.

– Ну, конечно... – пробормотал он. – Конечно... Этот негодяй...

– Я хотел бы повидать здешнего первосвященника, – сказал Марцелл, поднимаясь. – Как его зовут?

– Каиафа, – ответил Дарданий, поднимаясь вслед за ним. – Я думаю, ты сегодня же увидишь его, префект.

– Сегодня же.

– Слушаюсь.

После фразы «От наместника Сирии именем Тиберия Августа» перед Марком Клавдием Марцеллом Младшим должны были распахиваться все ворота, и ворота резиденции первосвященника иудейского Иосифа Каиафы в том числе. Марк задержался лишь для того, чтоб приодеться попышнее.

Андрофила с чашей в руке все еще сидела в кресле среди колонн. Еще одна рабыня, гречанка, что-то читала ей.

– Что-то интересное? – спросил Марцелл, кивая на свиток.

Вдова оценивающе оглядела его сияющие доспехи и перья шлема.

– Да, – коротко ответила она. – Ты куда-то уезжаешь?

– Всего лишь визит к местному верховному жрецу.

Она понимающе кивнула.

Храм отрешенно возвышался над городом. Плиты белого в синих прожилках облицовочного мрамора нестерпимо сияли под солнечными лучами.

Но площадь перед храмом по суетливости и гомону больше походила на базарную площадь. От храма теплым ветром нанесло запах дыма, крови, внутренностей – неотъемлемый запах любого храма, где идут жертвоприношения. Учувя кровь, ревел жертвенный скот. Стойла его закрывали до половины стену «двора язычников». Какие-то оборванцы собрались толпой у ворот, ведущих из Башни Антония на площадь, и о чем-то оживленно, даже страстно шушукались. Среди них было несколько женщин в лохмотьях, молчащих, но с горящими, настороженными глазами.

Со «двора язычников» к воротам подошел караул. Центурион в красном плаще левую руку держал на рукояти меча, правой отдал честь – вскинул ее в приветствии.

– У нас около храма постоянно дежурят, – объяснил Дарданий. – Мы разместили здесь караул, а первосвященник вскоре перенес сюда стойла с Масличной горы. Этаким намек...

Он дал знак караулу идти в сторону Царского портика, где всегда заседал синедрион, и повел Марцелла следом.

Они проследовали вдоль ограды храма до площади перед дворцом первосвященника, дальше Дарданий не пошел, но успел многое рассказать, чтоб Марцелл знал, с кем имеет дело. У власти Каиафа 17 лет. Все первосвященники – потомки некоего Аарона по мужской линии. Сан раньше получали пожизненно. При персах первосвященники руководили провинцией. Потом царь Ирод прижал их, а римляне властью императора могут менять их хоть каждый год.

Марцелл вспомнил сомнения Луция Вителлия, не взяла ли храмовая верхушка Пилата «в оборот». Да, он сам видел, что Пилат Каиафу не любит и боится. Стоило напомнить о первосвященнике...

Он, звонко ступая, пересек площадь. Идущие попарно солдаты остановились, повернулись влево и вправо – спиной к спине – и сделали по два шага вперед, открыв префекту ступени. Центурион ступил в сторону и взглядом указал Марку дверь, плохо различимую в тени за колоннами.

В тени его ждал служитель. Под светло-серой хламидой угадывались широкие натренированные плечи. Глаза небольшие и черные настолько, что зрачков не различить.

– Префект желает говорить с первосвященником наедине или в присутствии наличных членов синедриона? – спросил служитель по-гречески, но слово «префект» прозвучало на латыни.

– У меня нет тайн от синедриона, – ответил Марцелл так же по-гречески, снимая легкий, пышно разукрашенный перьями шлем, и отметил, что иудей правильно к нему обращается – «префект». – Надеюсь, и первосвященник ему доверяет.

– О, да... Мы здесь... – встретивший переплел пальцы обеих рук и, быстро сообразив что-то, сказал. – Тогда прошу сюда...

Первосвященник ждал префекта в мрачноватой комнате с высокими потолками. На нем была расшитая риза из синего пурпура, отливающего фиолетовым. На голове кидар – пирамидальная шапка. Этот головной убор делал его выше и величественнее, хотя и так он был никак не ниже Марцелла. Задумчивое и слегка печальное спо-

койствие, порожденное гордостью и привычкой повелевать, виделось на его смуглом лице.

В углу стоял еще один рано поседевший, с большой пушистой бородой, большеголовый, полный тугой багровой полнотой мужчина пятидесяти с лишним лет.

После обязательных приветствий Каиафа указал на багрового и сказал по-гречески:

– Это мой тесть. Аннан. Он тоже был первосвященником.

– Надеюсь, вы прибыли сюда сменить этого... Пилата? – сразу же влез в разговор Аннан, испытующе и вместе высокомерно глядя на бывшего. – Давно пора. Давно...

– Нет, я здесь с особым поручением, – сухо ответил Марцелл, показывая, что недоволен словами по поводу прокуратора.

– С особым поручением? С каким же? – снова спросил Аннан.

Каиафа молчал, явно ожидая, что ответит римлянин и что еще спросит тесть. Марцелл понял, что из всей иудейской храмовой верхушки Аннан самое значительное лицо.

– Мы располагаем сведениями, что здесь, в Иудее, готовится мятеж. Я получил приказ предотвратить его, – жестко, командным голосом произнес Марк Марцелл. – И вас ставлю об этом в известность.

Каиафа хмыкнул и посмотрел мимо Марцелла на окно, за которым сиял весенний день.

– Насколько точны ваши сведения? – спросил он в следующее мгновение.

– Они точны...

– Ну, по крайней мере, предупредили, – влез и сердито заговорил Аннан. – А то Пилат сначала убивал жителей, а потом объявлял, что это был мятеж. Вы понимаете или нет, что мятежи здесь будут всегда, куда здесь будет этот человек?

В возбуждении бывший первосвященник прошелся по комнате:

– Пилат развратен, Пилат груб, агрессивен... – с напором заговорил он от окна. – Он насиловал, неоднократно убивал и постоянно зверствовал. А как он надругался над... этой... – Аннан сделал неопределенный жест, как бы очерчивая двумя руками женский силуэт.

– Если все это правда, вам надо подать жалобу, – ответил Марцелл, изо всех сил показывая, что не собирается обсуждать действия прокуратора.

– Жалобу! – вскричал Аннан. – А он ответит, что мы готовим заговор и специально убираем его... верного слугу Цезаря... Вы понимаете или нет, что это за человек? А это – восстания!.. Это то, чего вы боитесь. Вы понимаете или нет?

– Подайте жалобу, – как можно суше ответил Марцелл и обернул лицо к Каиафе, показывая, что ему мешают говорить о деле. – Нам известно, что...

– Вот вы не хотите слушать, – перебил Аннан. – Но без этого вы никогда не доберетесь до истины. До истинной сути всех выступлений...

– В чем же истина? – не сдержался Марцелл, отвечая Аннану. – В Пилате? Но по нашим сведениям здесь ждут некоего сына царя Давида, так называемого Спасителя. Его предсказали ваши пророки. А Пилата ваши пророки предсказали?

– Ах, пророки!..

Аннан и Каиафа переглянулись, повеселели и успокоились.

– Пойдемте, присядем, – указал Каиафа вглубь комнаты. – Не надо бояться предсказаний пророков. Это все в нашей власти... – последние слова он произнес с оттенком усталости, двумя пальцами сжал и потер переносицу. – Никаких потомков царя Давида... Никаких... – он небрежно махнул кистью. – Это всё самозванцы...

– Предсказания пророков – внутреннее дело нашего народа, – подхватил Аннан и отошел, отступил в темный угол комнаты. – Мы пресечем любое... Быстрее этого вашего... как его?.. дарданца. Тоже, кстати, взяточник.

Марцелл снова хотел сказать ему: «Напишите жалобу», – но промолчал.

– Не в пророках дело. Вы понимаете или нет? – продолжал Аннан. – Любое пророчество, оно... нуждается в нашем подтверждении. В этом отношении император и... этот... в Антиохии... могут быть спокойны, пока мы на месте. Дело в другом. Пилат постоянно подрывает авторитет власти Рима, власти императора. Я уже не говорю, что он постоянно подрывает наш авторитет. Вы понимаете или нет? Наш авторитет он подрывает, а народ он все время раздражает. И он доведет до того, что поднимутся все, а у нас авторитета уже не будет. Вы понимаете или нет? На чем же ваша власть здесь держаться будет? А? Я вас спрашиваю!

– На мечях и копьях римских солдат, – раздраженно ответил Марцелл, которому невольно захотелось подразнить говорливого Аннана.

– Да, на копья солдат можно опираться, – радостно воскликнул Аннан, видно, вспомнил чье-то мудрое слово. – Но вы – понимаете или нет? – попробуйте на них посидеть!..

Марцелл оценил и рассмеялся.

– Прошу сюда, к этому столику, – сказал Каиафа.

– У вас действительно есть списки всех потомков царя Давида? – спросил Марцелл, присаживаясь к столику.

– Да, – коротко сказал Каиафа.

– Насколько они полны?

– Достаточно полны.

– А если объявится... кто-нибудь?

– Без наших записей он ничего не докажет, – тихо, но уверенно сказал первосвященник.

– Вы не там ищите, – вмешался Аннан. – Переловите ревнителей... Без Пилата и без ревнителей вы будете иметь здесь самую мирную провинцию.

– Пилат держит наши торжественные одеяния в башне Антония, – заговорил Каиафа. – Чтобы вознести молитвы Богу, мы должны проносить эти одежды.

– Бойтесь, что мы попросим у Бога чего-нибудь не того... – усмехнулся Аннан.

– Он забрал храмовые деньги...

– На них он построил водопровод для города. Разве это плохо? – сказал Марцелл.

– Мы знаем, сколько денег он взял, – холодно ответил Каиафа, – и очень хорошо знаем, сколько он потратил на водопровод. Я с нетерпением жду момента, когда он меня сместит, – он имеет это право, – и тогда от имени всего народа я обращусь в Антиохию, поеду в Рим или сразу... на остров. Он дважды доводил дело до восстания, и дважды мы спасали мир в Иудее. Императору это не понравится.

– Восстание? Из-за храмовых денег? – усомнился Марцелл.

– Он внес в город изображения!.. – по-петушину задиристо вскинул голову Аннан.

– И что?

– Бог запрещает иметь в городе какие бы то ни было изображения.

– Он внес изображения божественного Тиберия Августа...

– У нас один Бог, и другого быть не может, – жестко, как отрезал, сказал Каиафа.

– Вы понимаете или нет? Здесь вы ничего не добьетесь. Наш народ будет платить, будет повиняться, но никогда не нарушит Божьей заповеди.

– Но Тиберий Август такой же Бог. По крайней мере, после смерти его объявят Богом.

– Мы не спорим. Но у нас один Бог, – упрямо повторил Каиафа.

– У нас много Богов и много храмов, – сказал Марцелл. – Мы равно почитаем Исиду, Адониса, Аттиса, Астарту – тех Богов и Богинь, которым некогда поклонялись наши нынешние подданные. Если б ваш Бог имел изображения, мы внесли б их в наши храмы и оказывали ему равные с другими почести. У нас так делают.

– У нас один Бог, – в третий раз сказал Каиафа. – И тот, кто поклоняется ему, должен отречься от всех других Богов.

Марцелл поджал губы, он вдруг подумал, что иудеи упрямый и сварливый народ и лучше бы их перебить или выгнать куда-нибудь за пределы империи.

Каиафа словно понял его мысли, он грустно взглянул на префекта и сказал:

– Мне кажется, что если ты сменишь Пилата, нам легче не станет.

– Нет, так ничего не получится. Вы понимаете или нет? – заговорил Аннан. – Готовится восстание, которое не нужно ни нам, ни вам, а вы затеиваете споры, которые разрешить невозможно. Давайте о деле. Вам хотя бы известно, кто готовит восстание?

– Елеазар.

Аннан с усмешкой сказал что-то Каиафе по иудейски.

– Что? – спросил Марцелл.

– Я говорю, что Елеазар хочет стать Машиахом. Спасителем. Это смешно.

– Он не сумасшедший, – покачал головой Каиафа.

– Но рядом с ним может появиться такой сумасшедший, – сказал Марцелл.

– И что? Это будет всего лишь сумасшедший, – пожал плечами Каиафа. – Пока Елеазар обходился без таких. Почему сейчас?..

– Там большие деньги. Парфяне дали...

Марцелл подумал, что зря сказал про парфян и про деньги. Но оба священнослужителя ничуть не удивились.

– Если он взял деньги у парфян, он изменник и повинен смерти, – сурово, но спокойно произнес Каиафа.

– Если вы его поймаете, – вмешался Аннан. – Вы понимаете или нет? Здесь очень упорный народ. Жестоковыйный. А Пилат их дразнит. А они Елеазара прячут. И прятать будут! – и Аннан ткнул перед собой пальцем, не сдержав горячность.

– Дразнит... Дразнит... – глухо, словно про себя, произнес первосвященник. – Видишь ли, префект, – сказал он, подняв глаза на Марка, – без уступок все равно не обойтись.

– Уступки?..

– Самой большой уступкой будет, если все оставить так, как есть, – быстро сказал Каиафа. – Не беспокойся... Мы дважды в день приносим в жертву быка и ягнят во славу и здравие Тиберия Августа. Дважды в день... А золотой орел?..

Марцелл помнил – Дарданий рассказывал ему наряду с прочим, – что Ирод Великий водрузил над главными воротами храма золотого орла, чем вызвал страшное недовольство иудеев.

– Два наших равви говорили своим ученикам, что надо снять его. Мы их сожгли живьем... И двух учителей и сорок их последователей.

«Вот так, напоказ спокойно и холодно, у нас говорят о подвигах и великих жертвах, – подумал Марк. – И он тоже...»

Аннан насупился, но выглядел абсолютно спокойным. Казалось, он мысленно осуждает сожженных раввинов, но не за их настроения, не за их речи, а за их легкомыслие.

– Мы верные слуги Тиберия Августа, – помолчав, сказал Каиафа. – Если мы говорим что-то неприятное, то потому, что знаем лучше, что чем вызвано и почему люди бунтуют.

– Рим ценит вашу верность, – сказал Марцелл и поднялся.

Прозвучали положенные по ритуалу слова, и он, пройдя по темным коридорам, вышел на храмовую площадь.

Начинало припекать. Конвой все так же ждал его, стоя в две шеренги спиной к спине. Солдаты по знаку центуриона пристукнули копьями, одновременно повернулись и проводили Марка через площадь. Четыре преторианца и Дарданий с двумя своими помощниками ждали его на другом краю у кипарисов. Марцелл прошел сквозь них, и они двинулись за ним следом.

– Пилат присвоил часть храмовых денег? – спросил Марцелл, искося глядя на Дардания.

– Я не приставлен следить за прокуратором, – ответил тот и сомкнул губы.

– Понятно.

Под одним из кипарисов сидел молодой, женственно красивый, но грязный и оборванный еврей. Когда Марцелл поравнялся с кипарисом, еврей качнул светлыми свалаявшимися кудрями, поднял голову и раздраженно произнес что-то.

– Что он говорит? – спросил Марцелл, всматриваясь в припухлые губы и большие, полные тоски глаза.

– «Пусто... пусто... Ничего не происходит», – перевел Дарданий. – Весна, префект. Кровь бьет им в головы. Раньше, в прошлом году, их тут двое сидело. Говорили, что исцелили кого-то...

– Он все время сидит на площади? Может он быть лазутчиком ревнителей?

– Похоже, что он из ессеев...

– Тут в одной шайке могут быть и ессеи и ревнители, – вмешался один из помощников Дардания.

– Мы приглядываем за ним, – тихо сказал Дарданий, когда они отошли. – Даже за ним... Нет, с ревнителями он вряд ли связан.

Дальше до башни Антония шли молча.

Во внутреннем дворе обучались солдаты. Весеннее солнце припекало неожиданно сильно. Было душно, как перед новой грозой. Казалось, что желтый, розовый и серый камень стен местами ослепительно сияет. Андрофила уже ушла.

– Душно, – вздохнул один из помощников Дардания. – Будет дождь... Еще месяц будут дожди идти...

– Как закончатся, из пустыни придет ветер шарав – суховей, – вслед ему пожаловался другой. – И так одно за другим.

– Помолчите, – легким жестом остановил их Дарданий и обратился к Марцеллу. – И что же сказал первосвященник?

– Спасителя они не поддержат, – ответил Марцелл, останавливаясь в тени под стеной. – Им это не выгодно. Елеазара они не любят.

– «Они»? Первосвященник был не один? – уточнил Дарданий.

– Там был его тесть, Аннан.

– Аннан? – переспросил Дарданий. – Тебя ждали, префект...

– Возможно. Главное, они против Елеазара.

– Конечно. За что же им любить Елеазара? – сказал Дарданий. – У него здесь такая же власть, как и у них...

– Здесь должна быть одна власть!..

- Да-да... – торопливо согласился Дарданий.
- Успокой Пилата – Спасителя Каиафа объявит самозванцем либо сумасшедшим.
- Мы не должны упускать из виду эту нить, – насторожился Дарданий. – Спасителя может признать и поддержать Елеазар.
- Марцелл скептически поморщился, и Дарданий добавил:
- Для восстания этого хватит.
- Восстание... Марцелл оглянулся на шумливую площадь, представил, как переполнится она ревущим, безумствующим народом. Как появятся солдаты...
- Мне не дает покоя этот пресловутый Спаситель, – прервал его мысли Дарданий. – Мы искали одного, но туда выехали те, в черном... Либо они связаны меж собой, либо... они ищут его, как и мы.
- Марцелл упрямо покачал головой:
- Там присматривают...
- Мысль о самозваном сыне царя Давида не очень волновала его после беседы с первосвященниками. Мысли в голове толпились более приземленные. Стянуть войска, дожидаться выступления и пустить им кровь? Так обычно и делают в провинциях, и Пилат так делал. Сообщить, что ожидается мятеж, потом подавить его военной силой. Заманчиво... Или с упреждением схватить Елеазара и этого... Спасителя? Тогда восстания вообще не будет, и римские войска отсюда отправятся на парфян. Еще заманчивее. И император будет доволен... Тут мысли Марцелла пошли окольной тропой – а будет ли ни разу не воевавший Тиберий доволен, что его войска быстро подготовились к войне? Может, он боится войны и оттягивает ее под предлогом неготовности войск? Все может быть...
- Что у нас есть о Елеазаре? О его подручных? О его родственниках? – резко обернулся Марцелл к Дарданию.
- Сведения скудные. Придется еще раз обратиться к первосвященнику. Они там знают все родословные...
- Подожди. Тридцать лет назад мы здесь провели перепись населения и имущества. Где они?
- Отправили в Рим. А копия?.. В Кессарии, наверное...
- Надо ехать в Кессарию, – решил Марцелл.

Глава 15. Клавдия Прокула. День XVII перед Календами

Пока любимые развлечения мужчин – ночные набег и засады – еще не начались, мы собирались каждый вечер. Пилат не доверял местным поварам, и я захватила с собой несколько слуг, необходимых на кухне, и саму переносную походную кухню – печь на четыре кастрюли и котелок для кипячения воды. Еще я взяла с собой некоторые формы для приготовления сладостей. Это – основа для организации вечерних встреч. Перечень приготовляемых моими рабами яств не был так велик, как эпическая поэма, но все же имелась возможность выбора.

Собирались мы либо в наших покоях, либо у Андрофилы. У Марцелла с собой был лишь один раб, но если б их была целая дюжина, вдова Сергия Экватора не могла посещать жилище неженатого мужчины.

Рабы по обычаю украшали нам головы венками из роз, перевитыми лентами и плющом. Пилату и Марцеллу влетали маленикие гроздья аметиста, особого сорта винограда, предохраняющего от опьянения.

О делах, о цели поездки мы не говорили. Нам с Пилатом хватало на это дневного времени. Супруг рассказывал мне всё и всегда. Не могу сказать, что я была с ним столь же откровенна. В женщине всегда должна сохраняться некая тайна.

Что касается Андрофилы, я поняла ее линию поведения. Она тонко подыгрывала Марцеллу, никогда не противоречила и очень вовремя утешала его, а заодно и Пилата, всякими рассказами о тщете стремления к богатству и почестям.

Мы ели холодную мурену, которую мне привезли из Ашкалона, и гречанка, откинувшись на кушетке, а на самом деле чуть прогнувшись, чтоб рельефнее проступала под бордовой тканью ее большая грудь, говорила:

– Все, в чем мы нуждаемся, или стоит дешево, или ничего не стоит. Люди растрачивают всю свою жизнь, чтобы достать то, что им будто бы нужно для жизни. А нужно ли им это?

Марк Клавдий слушал ее внимательно, и взгляд его иногда туманился. Но я не сомневалась, что свой долг он исполняет безукоризненно да и почестей не чурается.

Вторая уловка гречанки привела меня в восхищение. Она стала набиваться в ученицы Марцелла. В Греции она с Луцием Сергием изучала местные философские течения и хотела бы заняться этим здесь, в Иудее. Марцелл постоянно общается с местными жрецами, и она хотела бы знать, есть ли философы в этой провинции...

Хорошая жена повелевает мужем, подчиняясь ему. Очень точный маневр. Как же еще продемонстрировать подчинение мужу, если не учиться у него?

– Я знаю здесь одно или... два... течения... – Марк запнулся и даже лоб потер. – Но я подробно расспрошу людей сведущих...

– Я буду очень благодарна, префект...

– Скажи, Андрофила, – вмешался Пилат, – Эквитор изучал в Греции только философию?

При всей нелюбви к грекам он, кажется, стал ревновать эту гречанку к моему родственнику.

О причинах этой нелюбви я знала, но здесь мой супруг попал в безвыходное положение. В свое время он выл и рычал, словно в него вселились злые духи всей Сирии. Он вспомнил, что не было ни одного обвинения в лихоимстве, в котором не была бы замешана жена правителя той или иной провинции, и все провинциальные интриганы обращались к ней, и она вмешивалась в дела и решала их, а потом голову снимали с ее мужа...

Как только мы обжились в Кесарии, один из вхожих к нам менялгреков сказал, оставшись со мной наедине: «Госпожа, ты умна и красива. Почему же ты не так богата, как того заслуживаешь?»

Он убедил меня вкладывать деньги в рискованные предприятия – он укажет, в какие. Его могут обмануть, других могут обмануть, но кто

посмеет обмануть жену прокуратора? Первую сумму он вложит сам, но прикрываясь моим именем, а доход поделим.

И деньги потекли ко мне!..

Но те же греки, не менялы, конечно, а проходимцы из тайной стражи, что-то пронюхали и донесли Пилату. Вот тогда он и разбушевался. Но услышал о доходах, растерялся и стал не по уму стараться на своем посту.

Пока все так и тянулось. Конечно же, я сообщала мужу имена тех менял, с которыми имела дела. Не все. Последнее время на меня через тех же греков попытались выйти кесарийские иудеи. Супруг всегда терпеть не мог этот народ, и мне пришлось намекнуть, что за ними стоит их верховный жрец. Теперь ему только и оставалось, что злиться на греков и иудеев.

– Он изучал историю. Описывал древние храмы... – ответила Андрофила. – Он очень интересовался греческой семьей.

Видимо, она захотела подразнить Пилата:

– Греческие мужчины не любили женщин. Эзоп говорил: «В супружеской жизни жена – твой противник, который всегда при оружии и все время измышляет, как бы тебя подчинить». А Еврипид предупреждал: «Не верь женщине, даже если она говорит правду».

– Да?.. – похоже, мой супруг растерялся. – Как это они?.. Интересно...

– Мы, римляне, относимся к женщинам гораздо лучше, – улыбнулся Марцелл. – Ты, наверное, сама это заметила.

– Да, – улыбнулась в ответ Андрофила. – Я успела.

– Он изучал историю и философию только в Греции? – опять вмешался Пилат.

– Не только. Мы путешествовали по Азии и Сирии...

Она с увлечением стала рассказывать, как они объездили восточные пределы империи, как она изучала танцы восточных женщин в храме богини Ашторет... Ну, тут она перегнула. Танцы и пляски недостойны свободного человека. Главным достижением их путешествия стала покупка какого-то персидского мага, который предсказывал будущее.

– Будущее? Он гадает? – иронично удивился Пилат. – По внутренностям животных?.. По полету птиц?.. По чем еще?.. А, да. По курам...

– Нет, он просто смотрит на человека, – невозмутимо и даже с легким вызовом сказала Андрофила – и видит его будущее.

При всей нашей римской доверчивости, даже легковерии, я не могла поверить, что человек может предсказать будущее, не наблюдая за полетом птичьих стай, которые смыкаются и размыкаются над площадью, выписывая загадочные знаки. Наши жрецы всегда что-то обещали, покопавшись хорошенько в теплых скользких внутренностях жертвенных животных или наблюдая, как клюют зерно священные куры. Все это Пилат правильно перечислил.

– При желании можно предсказать все, даже будущее, – фыркнул Марцелл.

Похоже, что он не верил даже нашим авгурам. Поверит ли он словам Андрюфилы?

– Пока сбывалось все, что он предсказал мне...

– И что он тебе предсказал? – допытывался Пилат.

– Это нельзя говорить, иначе не сбудется, – уверенно сказала гречанка, настолько уверенно, что все смолкли.

Прозвучало это так, словно ей предсказали императорскую корону или венец какой-нибудь местной царицы и предсказание вот-вот сбудется. Она даже не верила. Она – знала.

– Ну, и как же его зовут? – после паузы спросил Пилат.

– Не знаю. Я зову его просто – маг.

– Он здесь? С тобой?

– Да.

– Может, покажешь его нам?

– Отчего же... – она обернулась и дала знак одной из рабынь.

Персидский маг оказался низкорослым, плотным, почти квадратным мужчиной с широким плоским носом, низким лбом и маленькими глазами. Наглыми. Не знаю, был ли он евнухом, но, в отличие от других известных мне персов, бороды он не носил. Он часто ерзал и подергивался, словно некая сила переполняла его и просилась наружу. Я подумала, что многим женщинам это нравится.

– Ты предвидишь будущее?

Маг искоса глянул на хозяйку. Она кивнула.

– Предвидишь... игемон... – на ломаном греческом языке сказал предсказатель.

– Как ты это делаешь?

– Смотрю человек и вижу... – он быстрым движением рук обрисовал квадрат, – картина...

Пилат долго и недоверчиво смотрел на мага, тот изредка и почти незаметно подергивал плечом. Все молчали и ждали.

– Мое будущее... видишь? – спросил прокуратор.

Маг покосился на Андрофилу, та застыла изваянием, твердо сжав губы, словно сама сейчас начнет пророчествовать.

– Тебя ждет... это... император, – ответил Пилату перс и незаметно подался вперед, не спуская с прокуратора глаз, словно ждал ответа – угадал, не угадал...

Пилат помедлил, подбирая короткий и обтекаемый вопрос, чтобы получить короткий и ясный ответ.

– Он... ругается?

– Нет.

– Угу... А он? – указал Пилат на Марцелла. – Его видишь?

– Большой начальник, – ответил маг, не удостоив префекта взглядом.

Мне почему-то подумалось, что этот перс предсказал Андрофиле брак с Марцеллом, и она теперь притащила его самого к нам в качестве подтверждения. И заставит его сказать Марцеллу то же самое – что их брак неизбежен.

Хотя... Это Пилат попросил ее позвать мага. Но пока она сама не сказала о нем, мы о его существовании не знали...

Интересно, поверит ли Марцелл предсказанию?

Я почему-то забыла, что сама планировала и готовила брак Марцелла и Андрофилы. Если все обстояло именно так, как мне показалось, то мы с супругом – невольные свидетели охмурения моего родственника расчетливой гречанкой, которая уже побывала замужем за патрицем и теперь хочет восстановить status quo.

Но я не была бы римлянкой и матроной, если б не могла подавлять свои чувства и обращаться к разуму. Почему поведение Андрофилы вдруг вызвало мое раздражение? Ведь я сама пригласила ее... И с той же целью...

Да, понятно. Я надеялась стать ее наперстницей. Помогать, советовать. А она не нуждается ни в помощи, ни в советах. «Если бы ей было выгодно, она отбила бы у меня Пилата», – подумала я. Хотя толку от него...

– Хочешь спросить его о чем-нибудь? – Пилат обернулся к Марцеллу и указал глазами на перса.

Марцелл усмехнулся и отрицательно покачал головой. Потом снова усмехнулся, словно собирался пошутить, и сказал по-гречески:

– Хорошо. Мы выполним задание наместника?

Перс, не глядя на префекта, лениво, но отрывисто, ответил:

– Да... Мало... Потом...

– Он говорит то, что мы хотим слышать, – это Марцелл сказал уже по латыни. – Но... Понятно, что ни одна наша мечта, ни одно стремление не сбываются до конца.

Мы заговорили о знаменитых предсказаниях и предсказателях. Перс стоял молча и смотрел перед собой, но был угрюм, и мне показалось, что он понимает латынь и считает наш разговор бестолковой тратой времени. Наконец, Андрофила движением руки отпустила его.

Глава 16. Вениамин по прозвищу «Германик». День XVI перед Календами. Агоналии, посвященные Марсу

Служба у нас началась – лучше не бывает. Ночью мы спали в палатке, а днем пьянствовали на старом месте у деревни. Араб и Джума, как сытые коты, мурлыкали по-своему. Скиф тоже что-то тоскливое пел. Не наши солдатские песни, а своё и одно и то же. Я его спросил:

– О чем ты поешь?

Он ответил:

– А тебе какое дело?

– Интересно. Наверное, песня хорошая, если ты ее часто поешь.

Он вздохнул и стал говорить, помогая себе короткими жестами правой руки. Тянется длинная дорога в широкой степи, а у дороги стоит белая палатка. Из палатки выходит молодой вождь и спрашивает своих воинов: «О, воины! Почему ваши лица бледны, а лошади в плохих телах?» И воины ему ответили: «Мы прошли много войн, выиграли много битв и потеряли много товарищей. Но не потому бледны наши лица и худы наши кони. Просто мы долго не видели наших жен и детей».

Можно подумать, что у него где-то за рубежами империи жена и дети...

– А где эта степь? – спросил я.

– Степь?.. – словно очнувшись, переспросил Скиф.

Мне показалось, что он чем-то озадачен. Или растерян...

– Это... весь свет, – сказал он неуверенно.

Он не мог объяснить этого коротко и ясно, как пристало солдатам конной разведки, и начал издали, и руками теперь поводил широко и плавно.

– Мы жили там, где все все реки текут в туман, от солнца... Ходили на закат, на восход... Потом пошли далеко на закат, прошли сквозь дахов... Я этого не видел, отец говорил... И мы пришли в край, где все реки текут к солнцу, – и он стал про себя подсчитывать эти реки и загибать пальцы на руке.

На правой руке пальцев не хватило. Он прижал к ладони левой руки мизинец, задумался, пересчитывая в уме, и сказал:

– И остановились. До конца не дошли...

Перешли шесть рек, текущих на юг... Интересно, где это и как же он здесь оказался?

– И много вас? – спросил я.

Он вздохнул:

– Отец говорил, что наше племя – передовая стража нашего великого народа. Мы – первые, – закончил он и оглянулся на восток.

Каждый день, иногда по два раза, Араб давал мне общие деньги и посылал за вином. Я птицей летел туда, но Марта никогда не была одна, всегда рядом с ней ждал меня Елеазар. Он посылал Марту за вином в погреб, а меня мучил разговорами: неужели же моя мать и мой дядя не говорили мне о нашем народе, о Боге, о завете?..

На этот раз Марта принесла что-то не то, и Елеазар, раздраженно фыркнув, отправился за вином сам. Марта растерянно посмотрела ему вслед, а я воспользовался и приобнял ее. Тело у нее было упругое и сильное. Она сжалась и через мгновение рванулась из моих рук. Я ждал, что она закричит, но она, обернувшись, лишь взглянула на меня и отшатнулась, опустив глаза и схватившись за края головного покрывала. Я улыбнулся как можно глупее и шире и сказал:

– Ты прекрасна!..

По запаху я могу определить, живет ли женщина с женщиной или она одна. От этой исходил запах сушеной и даже залежавшейся груши. Непонятный запах.

На всякий случай я повторил:

– Ты прекрасна, – и добавил. – Выходи сегодня ночью к пролому у забора. Я тебя там буду ждать.

Она снова быстро и, как мне показалось, враждебно глянула на меня и опустила глаза. Я двинулся к ней, но она быстро отстранилась и пошла по направлению к погребу, туда, где скрылся ее недовольный брат.

Он выбрался, перелил вино мне в кувшин и сказал:

– Что за служба у вас такая? Пьете и пьете. Каждый день.

– Мы ночью дежури́м, – почему-то соврал я.

Он насторожился, осмотрелся, словно боялся, что за ним подглядывают, но промолчал, дальше расспрашивать не стал.

Когда я вернулся, Араб спросил:

– Ну, как?

– Не дается, – ответил я.

– Сделай ей подарок, – сказал Джума.

– Э! Подарок, – усмехнулся Араб. – С подарком всякий сможет.

Почему не дается? – обернулся он ко мне. – Ты – мужчина большой, красивый. Кто мешает?

Я подумал, а что если кто-нибудь заберет на несколько дней Елеазара и подержит под замком...

– У нее там брат, – сказал я. – Ревнитель.

– Почему ревнитель? – сразу напрягся Араб.

– Про службу спрашивает.

– И всё?

– Его Елеазаром зовут.

– Мали ли Елеазоров!.. Может, он не ревнитель, а просто любопытный. Приглядывай за ним. Если что-то заметишь, мы его мигом скрутим и к Дарданию отправим. Вдруг он и вправду ревнитель?

– Только без меня, – сказал я. – Сам понимаешь...

– Конечно, без тебя. Ты приглядывай.

– Слушай, – вмешался Джума, который поглядывал на меня свысока, будто они с Арабом знали что-то такое, что мне недоступно, – ты ее спроси, будто невзначай... – тут он обернулся к Арабу. – Как его зовут?.. Кого вы тут выпасаете?..

Араб поморщился и неохотно выдал из себя:

– Его зовут Сын Отца...

– Сын Отца?! – радостно переспросил Джума. – Э-э!.. Мы его недавно ловили... Опять, значит, его ищите?

Араб что-то промышчал, но быстро собрался, напряжился по-кошачьи и вкрадчиво спросил набатейца:

- Когда вы его ловили?
- Да... Так... Год или уже два...
- И он сбежал!..
- Зачем? Его Пилат отпустил.

Араб поджал полные губы и растерянно глянул на меня, на Скифа, на набатейца. А Джума утвердительно кивнул и пошевелил пальцами правой руки, словно монеты отсчитывал.

– Это точно?

Джума вздохнул, развел руками и подкатил глаза.

Араб еще какое-то время молча соображал, потом, качнувшись всем телом, вскочил на полусогнутые ноги, медленно, вслушиваясь во все свои мышцы, распрямился, даже чуть прогнулся, шевельнул поясом и плечами, поправляя ремни и оружие.

– Допьете, – кивнул он на кувшин, – сходи еще раз. Делай все, как договорились. Я – в Иерусалим. Скиф остается старшим...

Он ускакал, взбивая белесую пыль. Я уселся на его место рядом с поскучневшим Джумой. Скиф, мельком глянувший вслед Арабу, разлил вино.

Вот так мы ловим разбойников и вражеских лазутчиков, а начальники их за взятки отпускают.

Я ждал заката, чтоб в темноте идти к пролому в заборе, за которым жила Марта и проворачивал какие-то свои делишки ее брат Елеазар. Тоскливое нетерпение обняло мою душу, и сероватый облачный день казался бесконечным.

Джума со Скифом молчали. С отъездом Араба Джума не знал, что ему у нас делать, Скиф на его разговоры отвечал мычанием и кивками. Джума загрустил, несколько раз ругнулся по поводу службы в проклятой Хубалом земле и ушел, как только они со Скифом допили вино. Скиф высокомерно посмотрел ему вслед, и это был единственный признак того, что он недоволен человеком, который пил наше вино, а денег в общий котел не вносил.

Я на Джуму не сердился, да и вино мне в глотку не лезло. К тому же Джума одной своей фразой трехкратно расплатился за выпитое. Недаром Араб взвился, как ужаленный, и среди белого дня умчался с донесением к хитромудрому Дарданию.

– Поспи, – сказал Скиф. – Если Араб не вернется, ночью за троих смотреть придется.

– Я ночью к пролому пойду.

– Араб знает? Араб сказал, чтоб ты за вином сходил, – насторожился Скиф.

Среди нас двоих его оставили старшим, и он не мог позволить, чтобы на посту хоть что-то творилось помимо его воли.

– Араб сказал, чтоб я приглядывал за ними. Я договорился, что женщина ночью к пролому выйдет. Может, что-то важное скажет.

При словах «что-то важное скажет» Скиф усмехнулся, еще раз взглянул на дальний забор, на пролом, словно расстояние прикидывал, и жестко командным голосом сказал:

– Вот и спи. Сил набирайся...

Придет Марта к пролому?.. Не придет?.. Придется мне всю ночь у этого пролома сидеть... Потом меня словно изнутри кольнуло – здесь в Иудее за прелюбоддеяние камнями могут побить. Мне-то ничего не будет... А Марта?..

Странные какие-то мысли в голову лезли. Раньше со мной такого не бывало.

Интересно, какие здесь доказательства прелюбоддеяния? Может, достаточно мужчину и женщину вместе ночью увидеть? О, Боги! Хоть бы она не пришла!.. Ведь она не ответила мне согласием, когда я звал ее выйти ночью к пролому. Отчего вдруг она сегодня придет?.. Ведь все время она меня отшивала... Но я почему-то был уверен, что она ночью будет ждать меня у пролома. Что делать?.. Самому не идти?.. Но я же ее позвал. И не приду. Как она взглянет на меня завтра?.. Я даже застонал и заворочался. Скиф тоже шевельнулся. Наверное, на меня посмотрел. Я не видел, лежал с закрытыми глазами.

Взять кувшин? Я всегда хожу к ним за вином. А сейчас просто пошел ночью. Вино понадобилось... О, Боги! Хоть бы она не пришла!..

Я рывком сел и открыл глаза. Зачем мне эта Марта? Чего я так переживаю?..

Скиф, лежавший до этого на спине и смотревший в небо, тоже сел, потер ладонью затылок и сказал:

– Не нравится мне здесь. Служба хорошая, а земля вокруг плохая. Бедная...

Он оторвал кусок пресного хлеба, посолил и стал жевать. Двигал челюстью из стороны в сторону, словно на ручной мельнице зерна перетирал. Монотонное шевеление его серой бородки странным обра-

зом успокоило меня. Я снова лег, закинул руки за голову и смотрел в затянутое белесыми облаками небо, пока не заснул.

Уже в сумерках Скиф толкнул меня в бок и сказал:

– Надо смотреть.

Стемнело быстро, и я успокоился – ночь наступила безлунная, в десяти шагах ничего не видно. Даже если Марта придет, все равно никто нас не увидит.

С темнотой и прохладой запах молодой зелени стал отчетливее. Мешаясь с ним, от деревни дополз горький дымок очагов. Замигали тусклые огни по дворам. Голоса стали долетать, окрепли, набрались звона. Я даже чей-то смех расслышал.

– Я обойду вокруг деревни. А ты, как огни начнут гаснуть, иди к пролому, меня не жди, – тихо сказал Скиф и, перехватив поудобнее пару дротииков, ускользнул в темноту.

Я вглядывался в темную ограду, верх которой угадывался из-за огней в деревне. Даже пролом рассмотрел – прошелся вправо, влево, и прямо над землей на месте ограды показался рассеянный дрожащий обрывок света, словно язычки слабого пламени выглядывали из-за каменной кладки. Вот там и был пролом.

На огни я старался не смотреть, смотрел в темноту – нельзя было и о дороге забывать. Но и там горел костер нашего поста. Иногда все же я поглядывал на двор, на пролом в ограде. Свет там то исчезал, то появлялся снова, и казалось, что кто-то специально заслоняет его, появляется в проломе и исчезает. Хорошо просматривался кустарник на отрожине Елеонской горы. Скиф и Араб говорили, что именно оттуда могут прийти разбойники. Скиф обойдет деревню и, видно, заляжет где-то там, в той стороне. А как же мне к пролому идти? Часть имущества придется бросить без присмотра. Араб своим отъездом весь порядок нарушил. И Джума ушел. А впрочем, Скифа оставили старшим, вот пусть он и думает...

Огни стали гаснуть, и пролом уже не просматривался. Я пристегнул ножны меча, дротики брать не стал, взял для отвода глаз пустой кувшин. Тоже оружие хоть куда. Если его разбить о чью-нибудь голову, мало не покажется. Пошел медленно, крадучись, как в разведке.

Марту я рассмотрел внезапно, когда приблизился вплотную к пролому. Она стояла с той стороны и смотрела на меня. «Пришла...» Я и обрадовался и испугался. Вспомнил про кувшин в руках. Куда его

теперь девать? Поставил аккуратно на землю, а сам одним махом перескочил внутрь двора.

Марта отступила – я спрыгнул на землю вплотную к ней, и она подалась чуть в сторону. Я обхватил ее, не давая отступить дальше. Она напряглась, жжалась и уперлась ладонями мне в грудь.

– Подожди, – тихо, но торопливо сказала она. – Ты видишь – я пришла...

– Да, вижу. Ты – прекрасна. Я никогда не видел такой красивой женщины... – так же тихо заговорил я, притягивая ее к себе.

– Не торопись, – ее руки, упершиеся в мою грудь, оставались так же напряжены. – Ты знаешь, что бывает у нас, если женщину увидят с римским солдатом?

– Но...

– Но я ничего не боюсь. Что бы со мной ни сделали...

Я не знал, что сказать. Вот это любовь! Когда же она успела так меня полюбить?..

– Марта... – вот единственное, что я смог прошептать.

– Я пришла, потому что хочу спасти тебя, спасти твою душу...

– Ты?.. Спасти?.. О, Марта!..

И все же я никак не мог понять, от чего она хочет спасти меня. Что мне угрожает? Может, ревнители сговорились убить нас, а она что-то знает?

– Отпусти меня, иначе я не смогу тебе рассказать, – сказала она и, упершись в мою грудь посильнее, повелительно сказала. – Ну. Я жду...

Ладно. Если уж она пришла, теперь никуда не денется.

Я ослабил руки и как можно нежнее провел ладонями по ее плечам и рукам, и постарался, словно невзначай, коснуться ее груди. Я почувствовал, как она вздрогнула, и кулаки ее, будто она забыла, остались прижатыми к коже моего легкого панциря.

– Марта... Марта... – прикрыл я ее кулаки своими ладонями. – Я так рад, что ты пришла. Я просто счастлив...

– Не перебивай меня, иначе ты ничего не поймешь, – так же быстрым шепотом сказала она. – Давай отойдем... Вот сюда... И присядем, чтоб нас никто не увидел.

«Присядем»... Уже хорошо. А там и приляжем...

– Хорошо. Куда?.. – я вслед за ней поднырнул под ветку, и мы пошли вглубь небольшого сада, где она присела на широкую каменную скамейку – обтесанный кусок скалы, – а мне указала присесть рядом.

Я попытался обнять ее, но она сжала кисть моей руки у себя на плече и резко выставила левый локоть, уперев его мне в бок.

– Я не могу жить с тобой вот так. Ты знаешь, меня убьют... Я могу взять тебя в мужья, если ты станешь нашим...

Я не собирался идти ни в какие мужья ни к какой Марте, но все же быстро сказал:

– Я и так «наш». Ты же знаешь...

– Нет, ты еще не наш, – твердо сказала она. – Ты должен уверовать в Него...

– В кого?

– Нельзя произносить его имя. Он – Бог. Он воскрес...

– Воскрес?

– Да... Мария видела...

Такое случается. Всю ночь они болтают без остановки, сами себя возбуждают. А уж перед рассветом... Сама ведь пришла. Знала, куда идет... Ладно, придется слушать...

– И где же он?

– Он ушел в Галилею... Он несколько раз являлся своим ученикам и послал их собирать новых... Нести им слово Божье...

– И Мария видела?..

– Я тоже его часто видела. Он бывал здесь у нас, в Бейт-Анье, когда... еще был... человеком...

Я почувствовал, что она выбирает слова, не может подыскать нужные.

– О! Я так люблю Его! Это – Бог!.. Бог!.. – вырвалось у нее.

Я даже растерялся. Ни одна женщина не говорила при мне так о любви к другому.

– И Мария тоже...

– Ты тоже полюбишь Его!.. – резко обернулась ко мне Марта. – О! Если б ты его хоть раз увидел!..

Она начала сбивчивый рассказ каким-то воспаленным шепотом, и я тоже стал невольно заражаться ее восторженным возбуждением, но мое возбуждение было болезненным, ревнивым. Она с восторгом описывала каждый жест, каждое слово этого человека. Так женщина рассказывает любимой подруге о первом шаге, первом неразборчивом слове любимого первенца.

– Ваши повесили его на столбе, – шептала она, и в ее шепоте сквозил ужас. – Мария все видела... И вторая, мать его... Нельзя, чтобы они

висели в день субботы... Их сняли... Этим двум перебили ноги, а он уже умер, его не тронули... Положили в пещеру и завалили камнем... Потом Мария пошла... Стражи нет, камень кто-то отвалил. Она вошла внутрь, а Он... там стоит... И сказал, чтоб она его не касалась...

Последние слова она произнесла еле слышно и смотрела перед собой, словно воочию все это видела.

Страх смерти побуждает к любви. Пусть еще повспоминает.

– Когда же его повесили? – тихо спросил я.

– Тогда же, в пятницу...

– Мария все видела? Она рассказывала, как это было?

– Да... – она снова стала рассказывать со всеми подробностями, которые могла вспомнить. Я понял, что они с Марией часто говорили об этом. И все равно она волновалась и перескакивала с события на событие.

Им предлагали вино, он отказался, потом все же выпил... Потом он закричал и умер... Кто-то из караульных ткнул его копьём в бок, и потекла кровь...

«Значит, он еще не умер, – хотел сказать я, – из мертвых кровь не течет»... Но тут послышался шелестящий свист дротика, вскрик и шум падающего тела...

Глава 17. Марк Клавдий Марцелл Младший. Тот же день

Марцелл отправил в Кессарию Зенона, дал ему сильный конвой, грозную сопроводительную грамоту и подробные инструкции. Поехать в Кессарию самому и хотя бы на время оставить Иерусалим он не решился – Дарданий и Пилат уверяли, что восстание будет именно здесь. Они даже назвали время – когда паломники хлынут в город...

Интересы Рима требовали предотвратить восстание, выбить верхушку мятежников до начала выступления, чтобы и намек не осталось, что кто-то хотел нарушить бодрое спокойствие империи. Но верхушка ревнителей оставалась недосыгаема, неуязвима, и возможностей предотвратить восстание с каждым днем становилось все меньше.

После отъезда Зенона Марк Марцелл почувствовал зудящее раздражение. Он быстро понял его причину, но раздражение от этого не проходило. Он остался без ненавязчивого советника, которого знал с детства, остался наедине с безмерно трудной задачей, наедине с Дарданием и Пилатом, которые, погрязнув в местных делишках, далеко не всё говорили ему. А значит, он вынужден был бездействовать или действовать необдуманно. Ему не хватало достоверных сведений.

Дарданий намекал, что всё находится под прищелком, что сам он ведет тонкую игру с ревнителями, заманивает их в ловушку. Даже разведчиков легиона Галлика пристроил за кем-то наблюдать. Но, судя по словам Аннана, Дарданий взяточник. А значит, он связан с Пилатом не только по службе и прекрасно понимает, что Марцелл уедет, а Пилат останется.

Обдумывая все это, раздраженный Марк Марцелл готовился к худшему, к военной операции. Он собрал всех наличных центурионов и оптионов и с утра обмеривал и рассчитывал с ними, как разместить войска, по каким переулкам выдвигать их к назначенному месту, чтоб солдаты не перемешались, не увязли в узких местах.

Городской гарнизон он разделил – часть сосредоточил в крепости Антония, прямо под стенами Храма, а часть отвел за первую стену и разместил возле дворца Ирода, и сам туда перебрался. От дворца Ирода открывалась самая широкая дорога к центральной площади и к Храму, здесь можно было пройти развернутым строем или бросить в атаку турму конницы.

С южной стороны храма, на городской площади, под двумя кипарисами, где обычно продавались овцы и голуби для жертвоприношений, и нашел Марка Марцелла чернобородый разведчик по прозвищу Араб.

Расскакавшийся припотевший конь заставил всех отступить от Марцелла, а всадник, осадив его, свесился набок, и, казалось, положил свою голову на плечо римлянина.

– Джума-набатеец сказал, что Сына Отца два года назад поймали, а Пилат его отпустил за взятку, – быстро и приглушенно проговорил Араб, забыв приветствие, чуть не касаясь своей бородкой скулы префекта.

Префект страдальчески сморщился не то от слов, не то от резкого запаха конского пота.

– Слезай. Расскажи подробно... – и повернулся к подступившим военным. – Срочные известия. Продолжайте без меня... – и одному из преторианцев. – Дардания ко мне...

Военные тактично отступили, сам Марцелл дал знак Арабу и пошел в тень под стену близлежащего строения. Араб, не обратив внимания на жест префекта, вываживал на площади разгоряченную лошадь. Зато сам Дарданий появился на другом конце площади – прошел через ворота в Первой стене – и поспешил к Марцеллу. Видно, увидел сверху и узнал Араба, когда тот еще скакал по дороге из Вифании.

– А, Дарданий! Приветствую тебя! Какие новости? – Марцелл старался смотреть начальнику стражи в переносицу, чтобы взглядом не выдать своих чувств.

– Приветствую тебя, префект! Новости, видно, у тебя. Твой солдат пронесся по городу, как ветер. И только что Квинт встретил меня и сказал, что ты вызываешь. Что случилось?

– Мои люди узнали, что два года назад вы уже ловили Сына Отца, – стараясь говорить спокойно, начал Марцелл. – Это так?

Дарданий молча кивнул.

– Почему ты не сказал мне об этом?

– А так ли это важно? – вопросом на вопрос ответил начальник стражи.

– Хорошо. Пусть это не важно. Тебе виднее... И что же было дальше? После того, как вы его поймали?

– Твои люди сказали тебе, что его отпустили, – усмехнулся Дарданий. – Это правда. Его отпустили по просьбе тетрарха Ирода Антипаса.

– Это нарушение закона...

– Нет, префект. Формально не было никакого нарушения. Схватили его не мы, а храмовая стража. Нам его лишь передали, но не передали с ним доказательств, что он участвовал в мятеже 85-го года. Видимо, он стал разменной монетой в какой-то разборке Ирода с Каиафой.

– И Пилат его отпустил...

– Ты же знаешь, префект, Пилат чтит законы, – снова усмехнулся Дарданий – и не любит Каиафу.

– Но эти два года ты не должен был спускать с него глаз...

– Ты прав, префект, – лицо Дардания посерьезнело и даже посуровело. – Но это не Елезар и это не пресловутый Спаситель. Ревнителю теперь могут использовать его лишь как приманку, чтоб пустить нас по ложному следу. Я это помню. Если он где-то появится, опасности надо ждать в другом месте... И потом... Уверен ли ты, что у этой стены нет ушей?

Марцелл оглянулся. Синело раскаленное небо, под ним желтела раскаленная площадь. По площади разведчик по кличке «Араб» вываживал темно-гнедого, почти черного, лоснящегося от пота коня. Серая стена, непробиваемо глухая...

– Отдыхай, жди приказаний!.. – крикнул Марцелл Арабу и жестом указал Дарданию в сторону дворца Ирода. – Прошу...

Проходя вдоль колоннады, Марцелл раздраженно заговорил:

– Страна маленькая, живут они густо. Тут каждый – как на ладони. Одних можно заставить, чтоб следили за другими.

Он считал нетактичным учить Дардания его ремеслу, но не мог сдержаться. Дарданий всегда говорил ему о положении в провинции, о слухах в городе, но никогда не рассказывал о своей работе с тайными

осведомителями, и Марцеллу казалось, что начальник стражи ему все время чего-то недоговаривает, что-то скрывает. И сейчас Дарданий промолчал.

– У тебя, мне кажется, достаточно людей, чтоб следить за всей Иудеей...

– За всеми не уследишь, – ответил грек, как только они вошли в помещение.

Марцелл расслышал в этой фразе некий вызов и обернулся.

– Я не знаю, сколько иудеев живет сейчас в провинции, – продолжал начальник стражи. – Возможно, твой слуга вернется из Кесарии и сообщит нам какие-то новые числа. Я знаю другое. Вне пределов Иудеи сейчас под общим названием «диаспора» проживают триста тысяч выходцев отсюда. И очень многие из них богаты и влиятельны. Восстание может готовиться здесь, а управляться из Африки, из Вавилона, из предместий Рима... Прошу прощения, префект. Я что-то загорячился... Много работы, и за всеми, действительно, невозможно уследить, – последние слова Дарданий произнес обычным ровным голосом.

– Что же делать? – спросил обескураженный признанием Марцелл.

– Чтобы разом разрубить этот узел, я бы отдал Иудею парфянам, – тихо сказал Дарданий.

– Это... измена. И ты – начальник стражи...

– Я сам страшусь своих слов, префект, – быстро, перебивая Марцелла, заговорил Дарданий. – Я исполнял и буду до конца исполнять свой долг... Но другого выхода я не вижу. Наберись терпения и послушай... У этого народа больше, чем у кого-либо, развиты торговля и ростовщичество. Через ростовщичество они богатеют и исподволь берут в руки власть всюду, где появляются. Царь Ирод, построивший этот дворец, считавшийся нашим союзником, мечтал, что создаст Новый Израиль, власть его распространится по всему миру и возникнет империя, величия которой еще не видел свет. Империя была создана и поделена на три части, на Центр, Восток и Запад, на три патриархата. А три патриархата – на десять провинций. Большая часть провинций находится на востоке, две включают в себя нынешнюю Иудею, одна – Александрию и одна – Рим.

– Подожди... Ты говоришь... Но почему же я не видел создания этой империи, да и весь мир о ней не подозревает? – перебил Дарданий готовый рассмеяться Марцелл.

– В том и беда, что ты не видел, другой не видел, третий... А она есть. Мы мечом расширяем границы империи, а на завоеванные нами территории приходят ростовщики. Рим далеко, а они – на месте... Мы завоевываем. А они пользуются, они по-настоящему правят. Да, я знаю – император недавно изгонял их из Рима. Но он – даже он! – не в силах изгнать их из пределов империи. А что будет дальше? Деньги все больше и больше заменяют право и доблесть. А деньги – у них.

Дарданий на время смолк, всматриваясь через окно в близлежащую улицу, словно искал новое, еще более веское подтверждение своим словам.

– Вот я и думаю, префект, – тихо и даже вяло продолжил начальник стражи, – а что если отдать Иудею парфянам, а иудеев изгнать из империи, как чужестранцев. Отдать не просто так, а с боем, и во время войны изгнать... Это будет полностью соответствовать законам. Мы теряем всего лишь часть провинции, а спасаем... нашу империю.

– Нашу империю... – эхом повторил Марк Марцелл.

Они молчали и оба смотрели на пересекавшего подоконник муравья, тащившего соринку, пятикратно превосходящую его в размерах.

– Но... Ирод давно умер...

– А созданная им империя осталась, – упрямо произнес Дарданий.

– Кто же ей правит?..

– Не знаю, – вздохнул Дарданий и развел руками. – Я думал, что синедрион. Нет, не похоже... Может быть, у них сейчас идет невидимая для нас борьба за власть над империей. Может быть, этот таинственный Спаситель возглавит ее. У него, как мне кажется, есть идеи, вокруг которых объединятся иудеи по всему миру, и не только иудеи... И они, набравшись сил, рано или поздно разорвут изнутри нашу империю...

– Нашу империю, – снова произнес Марцелл и потер лоб. – Рассуждая здраво, давай согласимся, что ни ты, ни я не в силах предотвратить те последствия, о которых ты предупреждаешь. Даже обратить внимание императора на все это очень трудно. Очень трудно... Нужен какой-то очень громкий скандал... не связанный с нами... С нашими именами, – быстро поправился он, – иначе мы будем заинтересованными лицами и император нас даже слушать не станет.

Тут он смолк, так как поймал себя на мысли, что уже ищет пути, как бы воплотить в жизнь план Дардания. «Дарданий – грек, – подумал он. – А греки такие же... Расчищает для своих?.. Нет, надо о деле и только о деле...»

– А если мы еще и восстание посмотрим, – продолжил Марцелл, – то все, что я начну рассказывать Вителлию или самому императору, будет восприниматься как попытка оправдаться и стремление прикрыть свою беспомощность рассуждениями о... об этой паутине.

– Э, префект, – устало ответил Дарданий, – такие выступления бывают здесь часто. Ими никого не удивишь. Только при Пилате это будет третье... даже четвертое... В конце концов, кто такие ревнители? Неудачники, которые не смогли найти себе место в этой паутине.

– Почему не смогли?

– Не все иудеи торгоши, среди них есть воины.

– Да... воины... – Марцелл словно опомнился. – Где у вас план южной части провинции?

– Нам придется пройти к прокуратору.

– Пошли.

Пилат в просторном зале диктовал что-то двум писцам одновременно. Он оглянулся на стук сандалий по плитам.

– Время выступления близится, – сказал ему Марцелл. – Посмотрим, посчитаем, что мы имеем. Где план? – обернулся он к Дарданию.

Дарданий взглянул на Пилата и указал на одну из дверей:

– Прошу сюда, префект.

Посреди зала на низком, но длинном и широком столе желтел песком и сиял слюдой макет.

– Итак, ты говоришь, что некий Сын Отца отвлекает нас от истинных намерений мятежников.

Дарданий согласно кивнул.

– Но он был вместе с Елеазаром.

– Да, префект. Но с Елеазаром, по твоим словам, были еще и мулы, а груз они так и не получили. Выходит, эта поездка и встреча Елеазара около Антиохии были отвлекающим маневром.

– Да, выходит так, – подумав, согласился Марцелл. – И где же он появлялся в последнее время?

– В Кесарии. Ты сам это видел и слышал... – и Дарданий указал взглядом на макет.

– Но ты поставил солдат стеречь его у деревни.

– Да. Они могут показать его у одних ворот, а сами ворвутся через другие...

Демонстративно громко шлепая по плитам сандалиями, словно показывая, что он не подкрадывается, а идет открыто, появился Пилат.

Марцелл оглянулся на него, но продолжал разговор с Дарданием:

– Понятно. А список потомков царя Давида? Кто эти люди? Следят за ними?

– В поле нашего зрения пока один – Иаков, сын Иосифа, сына Иакова. Он...

– Всего один?

– У него был брат, – сказал Пилат, – но мы его казнили. Мы таких понемногу... убираем...

– Но Каиафа говорил мне о «достаточно полных» списках, и еще он сказал, что все потомки – самозванцы.

Пилат ничего не ответил, лишь зло поджал губы. Дарданий, быстро взглянув на него, сказал:

– По-моему, первосвященник сам себе противоречит. Нельзя забывать, префект, что это племя рассеяно по всему миру. Мы располагаем сведениями лишь о тех, кто в Иудее.

– Значит, возможен некто, пришедший, скажем, из Египта, и он окажется потомком...

– Да.

– Как Антипас связан с Сыном Отца? – резко обернулся Марцелл к Пилату. – Почему он просил его отпустить?

– Видимо, это какие-то дразги между Иродом Антипасом и первосвященниками. Похоже, что этот разбойник был человеком Антипаса, а храмовая стража схватила его и выдала нам.

– Почему наши солдаты знают об этом?

– Мы следили за ним, – вмешался Дарданий, – но у нас не было доказательств причастности его к мятежу.

– Почему же тогда вы за ним следили? И что это был за мятеж?

Дарданий, клоня голову, упорно начал по порядку:

– Мы знали о его связи с ревнителями, но во время мятежа в декабре 85-го года его на площади не видели. В 86-м году перед местным праздником пресных хлебов прокуратор – совершенно справедливо – приказал брать всех подозрительных, потому что снова ожидался мятеж...

– Да, – вздохнул Пилат. – Мятеж за мятежом...

– ...Мои люди увидели его в городе и погнались за ним, но он укрылся во дворе синедриона. Я доложил обо всем прокуратору. Прокуратор приказал поднять по тревоге местный гарнизон...

– Да, – кивнул Пилат. – Я был в гневе...

– Но тут они сами привели к нам этого разбойника и принесли сопроводительную грамоту, что неизвестный человек ворвался в здание синедриона и произвел там беспорядок.

– Я не знал, что с ним делать, – проговорил Пилат. – Можно было, конечно, повесить его за компанию с другими пойманными, чья вина была доказана, но мы должны соблюдать закон, показывать пример...

– И тут появился Антипас, – перебил Марцелл.

– Гонец от Антипаса, – поправил Дарданий, – и просил отложить следствие и суд.

– Больше похоже на сговор, а не на дрызги, – усмехнулся Марцелл. – Выходит... тетрарх Ирод Антипас связан с ревнителями. Так?

– Здесь никому нельзя доверять, – вздохнул Пилат.

– Время поджимало, начинался праздник. Разбойника отпустили. Он даже не был толком допрошен. Это моя вина, префект, – закончил повествование Дарданий.

– Ты хотел посмотреть и посчитать, что мы имеем, – со скрытым вызовом напомнил Пилат. – Что там у нас, Дарданий?

Дарданий заученно и монотонно стал перечислять:

– Сейчас у нас два следа. Елезар и Сын Отца – первый и главный. Они связаны, и нам известно, как Елезар его использует. Твой солдат проявил бдительность... Плохо, что сам прискакал. В ближайшее время в деревне у известных тебе людей должны появиться эти двое. Или, скорее, один из них. И я очень хотел бы знать, кто это будет – Елезар или Сын Отца?

– Второй след...

– Второй след – некий Спаситель, которого ждут. Мы говорили об этом. Его появления ждут здесь каждый год. За последние дни стало известно два имени – Эммануил и Иешуа. Может быть, это один человек, взявший себе имя Эммануил.

– Почему «взявший»? Почему «Эммануил»?

– Их пророки предсказывали, что так будут звать Спасителя.

– Самозванцы, – фыркнул Пилат.

– Но Иешуа... Это имя Сына Отца, – вспомнил Марцелл. – И Спаситель...

– Я не спорю, может быть, это ложный след. Но след четкий. Много дел, много сторонников.

– И где же они?

– Где-то около Кесарии, – тихо сказал Дарданий.

– Ну, ты сам видишь!..

– По-моему, это все-таки не он...

– Хорошо. Кесария далеко, – пробурчал Марцелл, – а этих... в черном... видели под городом.

– Да, префект. Пока главное внимание – на них.

– Ты правильно делаешь, что занимаешься с войсками, – произнес Пилат. – Надо предусмотреть самые разные возможности. Я тоже сейчас спущусь к командирам.

Провожая Марцелла к собравшимся центурионам, Дарданий проговорил, словно вслух размышлял:

– Завтра надо мне самому еще раз съездить в эту деревню. Твой солдат – смысленый парень, с ним тоже надо поговорить.

Поговорить с отдыхающим и ждущим приказа Арабом Дарданий так и не собрался, передал только, чтоб Араб утром был готов сопровождать его на пост в Вифанию.

Глава 18. Клавдия Прокула. Тот же день

День оказался хлопотливым. Спасаясь от жары в тени среди колонн, мы с Андрофилой попивали разведенный родниковой водой виноградный сироп и наблюдали за воинским учением. Слаженные движения сотен молодых, разгоряченных, потных мужчин напоминали некий сложный и одновременно эротический ритуал.

– Военным действиям я предпочитаю развратные, – сказала я.

Мне позволительно так говорить в отличие от этой вдовой гречанки. Говоря так, я «сотрясаю» основы своей семьи, и наказать меня за это – прерогатива моего супруга. Если нечто подобное скажет Андрофила, то это уже будет «сотрясение» моральных основ всей Римской империи.

Она промолчала, отпивая из золоченой чаши. Кто делает, тот не болтает.

Я указала ей на Марцелла, который, покачивая пышными перьями шлема, разъезжал среди солдат. Альый плащ его колебался над тускло-желтыми шлемами.

– Делает карьеру, – сказала я. – Начальник преторианской конницы... Мне говорили, что у него большое поместье в предместьях Рима и большой дом в самом городе. Дворец, а не дом!

Сергий Эквитор карьеры не делал. Небольшое состояние он тратил на путешествия. Интересно, сколько унаследовала Андрофила?

Марцелл среди солдат что-то властно кричал, размашисто показывал, но вот он добился своего – солдаты сделали какое-то очень сложное перестро-

ение – и удовлетворенно смолк, подбоченясь. Под красными перьями на светло-сером коне, властный и величественный, он был похож на бога войны Марса.

– Хорош, – сказала я, оглядела гречанку и задумчиво произнесла. – Из вас получилась бы красивая пара.

И снова она промолчала. Потом, чуть сощурившись, заметила:

– Эти движения солдат напоминают мне танец.

– Танец?

– Да. Знаешь, Клавдия, давай соберемся сегодня в моих комнатах. У меня есть служанки, которые умеют танцевать. По-настоящему. Лучший купил мне двоих таких в Антиохии.

Что ж, пока все шло так, как я задумала.

Потом меня посетил нужный человек, Иосиф из Рамафы. Я извинилась перед Андрофилой и провела гостя в соответствующее помещение – комнату для гостей.

Поздно что-то спохватились местные иудеи. И подарки принесенные – мелочь. Ждут, что я начну просить у них деньги в долг. А чтобы понравиться, смотрят на меня сластолюбиво, как кобели на суку в течке. Только что слюну не роняют. Греки умнее...

Иосиф – персона неясная, то ли торговец, то ли меняла, то ли жрец, а может быть, ни то, ни другое, ни третье. Иудейское общество не похоже на наше. Он рассказывал мне местные непонятные и неинтересные новости, а я видела, как он быстро ощупывает взглядом стены, мебель, чаши. Оценивает.

Он высказал сожаление, что я редко бываю в Иерусалиме. Я ответила, что боюсь беспорядков.

– Беспорядков?..

Он казался удивленным.

И тут я решила помочь Марцеллу в поисках парфянских денег.

– Разве ты не слышал? Парфяне подбивают местных разбойников на мятеж. А солдаты? Разве ты не видел?

– Видел, – ответил он. – Солдат я видел...

Я специально хотела показаться ему поглупее. Только местная пьяная чернь может предугадывать возможность мятежа по тому, что римляне подвели солдат. Это все равно что предугадывать обед не по запахам из кухни, а по тому, что к колоннаде люди съезжаются. Кажется, удалось.

– Видишь ли, госпожа, – начал он, клоня голову и подбирая слова, – чтобы начать мятеж, войну... или... что-нибудь похожее, нужны три вещи, – тут он улыбнулся, – деньги, деньги и деньги.

– В том-то и дело, – понизила я голос. – Парфяне послали деньги. Большие деньги... Вот бы их перехватить!..

Он внимательно посмотрел на меня.

– Я думаю, – опять начал он подбирать слова, – что если об этом знаем мы с тобой, то знают и другие... люди. Думаю,... они перехватят...

Последние слова он произнес уверенно, как будто говорил об уже случившемся.

– А если нет? Тогда мятеж?..

– Не бойся, госпожа, – он говорил так, будто ему нравилось успокаивать. – У нас, наоборот, строительство начинается. Много строят... У нас, в Рамафе, в Тибериаде, в Иерихоне... Кто же перед мятежом вкладывает деньги в строительство? Здания разрушить могут... Однако, строят. Не боятся...

– Так ты не знаешь, кому могут попасть эти деньги?

– Мы – бедные иудеи. И подарки наши скромные...

Догадался, наверное, по лицу, что его подарки мне не понравились.

– Я, госпожа, стараюсь не думать о больших деньгах, чтобы не расстраиваться...

Мне почему-то показалось, что он издевается. Но, всмотревшись, я увидела все те же преданные, ласковые и даже масляные глаза, и в уме у меня возникли слова «покорность из вежливости».

«Чего он ходит? Зачем эти дешевые подарки носит?» – думала я.

С просьбой он обращался ко мне всего один раз, уже не помню, о чем просил. Какое-то пустяковое дело. И то я, кажется, не выполнила. Чего же ему надо?

Рассказав мне, что летом у моря влажно и жарко, а в Иерусалиме климат лучше, Иосиф засобирился и ушел.

Потом у Пилата было совещание с Марцеллом, и они расстались недовольные друг другом.

Чтобы сгладить это недовольство, я, дождавшись вечера, повела Пилата и Марцелла в покои Андрофилы, которая обещала показать нам танец своих служанок.

Из доброго десятка прихваченных с собой в путешествие рабов гречанка выставила двоих. Один играл на свирели, другой мерно постукивал в дребезжащий бубен и создавал постоянный рокошующий гул.

Еще две рабыни с лицами, прикрытыми прозрачной кисеей, и обнаженными упругими животами стали на цыпочки и начали извиваться под эту монотонную музыку.

– У этой... левой... хорошая фигура, – сказал Марцелл, отпивая из чаши хиосское.

Андрофила быстро взглянула на него.

После этого замечания мы все заговорили о женской красоте. Человек поневоле падок на правильные черты, гладкую кожу и пухлые губки, а обе танцующие рабыни были прехорошенькие, и наши рассуждения опирались на наглядный пример. Хотя прозрачная материя скрадывала черты лиц и открывала только подведенные глаза, их хорошие фигурки и плавные возбуждающие движения тела заставляли верить, что и лица у танцовщиц прекрасны.

– У каждого народа женщины отличаются фигурой, – глубокомысленно заметил Марцелл.

– Ты много путешествовал? – спросила я.

Он неопределенно пожал плечами.

– Фигура... – фыркнул Пилат. – Самое возбуждающее в женщине – это ее лицо. Если мужчина уверяют, будто ему важнее грудь или задница, значит, у его бабы просто страшная рожа. Вот и все.

Андрофила, бесконечно самонадеянная, повела тяжеловатым подбородком, все остальные черты ее лица были поистине безупречны.

– Лицо? Да... Но можно ли не любоваться этим обнаженным животом, – мечтательно сказал префект, не сводя глаз с одной из танцовщиц, покачивающей и кружившей бедрами.

Умашенная кожа на ее животе переливалась сияющими бликами в такт движениям.

– Попроси ее у хозяйки на ночь, – посоветовал Пилат. – А? Андрофила? Отдашь?

Гречанка холодно улыбнулась, но не удостоила прокуратора ответом.

– Твоя серьезность очень эротична, – заметила я ей.

– Если б эту девицу попросил у тебя я, – продолжал, усмехаясь, Пилат, – Клавдия Прокула немедленно купила бы ее у тебя, чтобы

заслать куда-нибудь подальше. Я часто замечал, как бабы, переплавившая, покупают девиц, возбуждающих их мужей. Как вы думаете, для чего?..

– В твоих словах много справедливости, Понтий Пилат, – ответила ему красавица-гречанка. – Но ты забываешь о простом, всем известном, однако очень сильном чувстве...

– О любви?

– Да, о любви...

– Любовь – смешное чувство, сопровождаемое непристойными телодвижениями, – процитировал кого-то из римских мудрецов Марцелл и с любопытством глянул на Андрофилу, ожидая, что она ответит.

Как раз любовь между ними и зарождалась. Мелкие стычки, дурацкие ссоры – лучшие мгновения узнавания, повод для будущего примирения.

Гречанка действительно вспыхнула и высокомерно посмотрела на него, но ответила неожиданно мягко, вопросом на вопрос:

– Ты полагаешь, префект, что Орфей спускался в Аид за Эвридикой ради непристойных телодвижений?

Марцелл потупился, не зная, что ответить. Первый признак любви: у мужчин – несмелость, у женщин же – наоборот.

«Но ты его не любишь: ты хочешь прибрать его к рукам, а это разные вещи», – подумала я.

– Брак убивает любую любовь, – разродился мудрой мыслью мой обожаемый супруг.

Когда мы еще не были женаты, родственники говорили мне, что за его наглой ухмылкой скрывается ранимая душа.

– Брак поддерживает любовь, охраняет ее, – ответила Андрофила, покачивая ступней в пурпурной туфельке, расшитой жемчугом, и, словно за поддержкой, обратила свои взоры на меня и на Марцелла.

Что мне было делать? Отрицать это?

– Бесспорно...

И Марцелл кивнул, но потом повел шеей и сказал:

– Не знаю. Я не был женат...

Он не хотел сразу и во всем соглашаться с гречанкой. А я, заметив его движение шеей, подумала о ярме, которое надевают на рабочую скотину. Почувствовал?..

Еле заметная победоносная улыбка скользнула по лицу красавицы. Пилат, не сдаваясь, всплеснул руками и тоже процитировал, но уже кого-то из своих придурков-друзей:

– Я женат. Добейте меня!..

Я пожалала плечами:

– Успокойся...

А вот эта сейчас захочет добить Марцелла...

Андрофила стала рассуждать о видах и проявлениях любви, перечислила Эрос – физическую любовь, Агапе – любовь как чувство, Филию – любовь к разуму... Но тут она, видно, побоялась сбиться и словно случайно обратила внимание на танцующих.

– Рабыня неправильно делает эти движения, – сказала Андрофила.

Затем она хлопнула в ладоши, останавливая танец, и жестом отпустила девушек.

– Это делается вот так...

Она вышла перед столиками, оглядела музыкантов и медленно опустила голову. «Начали...»

– К сожалению, я не могу продемонстрировать оголенный живот, – усмехнулась она. – Покрой одежды не позволяет...

Как она танцевала!.. Как извивалась – змеи отдыхают...

– Представляешь, если ты вернешься с Востока и в качестве трофея привезешь такую красавицу-жену? – спросила я Марцелла.

Он промолчал, но мечтательно улыбнулся.

– По-моему, она влюблена в тебя, – продолжала я. – Ради чего она поперлась с нами в эту глушь? И перед кем она сейчас танцует? Хочет Пилата соблазнить? В моем присутствии? Нет, префект, это все делается ради тебя.

Пилат вслушивался в мои слова, но всего расслышать не мог и досадливо морщился. Слова «Пилата соблазнить» он все же расслышал и даже смутился.

– Чего ты несешь?!.. – но не договорил и, не сводя с меня настороженных глаз, потянулся за чашей.

– Яркая красота, – перечисляла я. – Умна, образованна, искусна в любви...

– Откуда ты знаешь? – обернулся Марцелл.

– Рассказывали... Хвалили...

На его щеке, освещенной огнем светильника, возникла темная полоска и растаяла. Это он на мгновение стиснул зубы.

После танца Андрофила, соблазнительно порозовевшая, чаще и охотнее вступала в наш общий разговор. И Марцелл чаще улыбался и смотрел на нее более заинтересованно. Пилат разошелся, сыпал солдатскими шутками и сам над ними хохотал...

Вернувшись к себе, Пилат потер ладони и сказал:

– Кажется, дело идет к свадьбе. Умеют же эти гречанки устраиваться...

Я сомневалась, что дело закончится свадьбой. В постель она его, без сомнения, затащит. Но насчет свадьбы...

Я ничего не ответила супругу и вообще не стала говорить с ним о Марцелле и Андрофиле. Пользуясь его настроением, я подвигла его на исполнение супружеского долга.

На рассвете я проснулась от внезапно вспыхнувшего в Антониевой башне шума. Подойдя к окну, выходящему во внутренний двор, я слышала, что прискакал солдат с какого-то поста и доложил – некий Скиф убил разбойника, который лез через забор в один из дворов Вифании.

Глава 19. Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». Следующий день после поездки в Иерусалим

Весь вечер и всю ночь я ждал, что грек меня вызовет, но так и не дождался.

Утром римлянин и Дарданий, взяв преторианский конвой и меня, отправились к нашему посту.

Неподалеку от солдатской палатки под серой поникшей оливой лежал человек в черном. Вокруг толпились солдаты, а поодаль, на краю деревни, стояла черно-серая толпа местных иудеев.

Молодец Скиф! Мы тогда с ним верно все рассчитали, и он подсел этого черного, как зверя.

Убитый лежал на спине, запрокинув синевато-бледное лицо. Глаза были полуприкрыты, и временами казалось, что он не убит, а лишь притворился и наблюдает за окружающими. Рыжеватая бородка скрывала непомерно большую нижнюю челюсть. Мясистая оттопыренная нижняя губа посинела. Короткий крючковатый нос еще больше загнулся к колючей приподнятой верхней губе. Перед смертью он успел невольно вскрикнуть от боли. Так и застыл с полуоткрытым ртом и полуприкрытыми глазами. Черный балахон на груди побурел от крови, хотя порван не был. Дротик Скифа, попав в спину, пронзил его насквозь.

Хитрый грек Дарданий, не слезая с лошади, громко сказал солдатам с поста:

– Его надо опознать. Если это не разбойник, солдат пойдет под суд.

– У нас был приказ прокуратора: все убитые – разбойники, – с вызовом сказал кто-то из толпы солдат.

Начальник поста подошел вплотную к Марцеллу и, касаясь грудным доспехом его колена, тихо сказал:

– Солдата надо убрать отсюда. Они его обязательно убьют. Может быть, сегодня ночью.

Марцелл оглянулся на Дардания. Тот, напирая на начальника поста конской грудью, спросил:

– Где хозяин двора?

– Хозяина я взял под стражу. Он у меня в палатке.

– Зачем?

– Как «зачем»? К нему шел разбойник.

– Его еще не опознали...

– Так опознавайте скорее, – начальник поста со всем презрением солдата к тайным службам фыркнул и пошел к своей палатке, дав знать стражникам, чтоб следовали за ним.

Грек и римлянин поглядели на деревню, на молчаливую толпу иудеев, переглянулись.

– Не надо бы его трогать, – тихо сказал Дарданий римлянину. – К кому они теперь придут?

– Так отпусти его.

– Нельзя. Заподозрят. Отпустить его можно дня через два. Свозим в Иерусалим, там отпустим.

Дарданий посмотрел на нашу палатку, на Скифа и Германика. Скиф держался с достоинством, но несколько лениво и небрежно, как лев, сожравший антилопу. Германик заметно волновался, все время поглядывал в сторону деревни. Еще бы! А вдруг Скиф завалил мужа этой самой Марты?

– Может, солдата убивать придут? – тихо, словно самого себя, спросил Дарданий. – На этом их подловить?..

Римлянин ничего не ответил, но видно было, что мысль Дардания ему не нравится.

– Этого опознавать тоже в Иерусалим повезем? – спросил он, кивая на труп.

– Да, – ответил Дарданий. – Это – Малхам, сын Симона. Но увезти его отсюда надо...

Дарданий подъехал к нашей палатке.

– Солдата – под арест, – громко приказал он. – В палатку, – и тихо добавил удивленно поднявшему на него глаза Скифу. – Доспехов не снимать... Сингюлум не снимать...

Скиф лениво вразвалку пошел в палатку, а хитрый грек снова громко приказал мне и Германику:

– Сторожите его, пока убитого не опознают.

Они с римлянином повернули коней к харчевне. Я указал Германику на палатку – сторожи! – и поехал вслед за ними. Чтобы правильно вести себя, я должен знать все, что задумал этот грек.

Хозяин харчевни стоял на пороге, чтобы все видели – с римлянами он говорит открыто, ничего тайного, никаких секретов.

Дарданий, наоборот, говорил с ним тихо, наклонился вперед, чуть с конской спины не свешивался.

– Посторонние были?

– Вот твоих солдат я не знаю, а остальные все здешние, – хозяин говорил нарочито громко и жесты делал размашистые.

– Что ты орешь? Люди в черном не появлялись?

– Один появился, – буркнул харчевник и кивнул на труп под оливой.

– Понятно... Караван из Иерихона давно прошел?

– Вчера вечером прошел, сегодня не было.

– Под Иерихоном стадо угнали. Ослов, мулов поблизости никто не продавал? – спросил Дарданий, выпрямляясь и оглядываясь в сторону Иерихона.

– Ослов? Мулов?.. Озdra вчера мула продал... Но своего...

– Понятно. Свой нам не нужен. Как думаешь? Если мы убитого в селении оставим, придут за ним?

Хозяин тревожно забегал глазами по нашим лицам, побагровел:

– Придут... Только не у меня, господин... Положи его у старосты...

– Не бойся, у тебя не оставим, – буркнул Дарданий, поворачивая лошадь.

– Если за убитым обязательно придут, оставь его здесь и отпусти моего солдата, – сказал Марцелл, когда они немного отъехали.

– За убитым придут родственники, женщины, дети. Начнут плакать на всю деревню, говорить, что он ни в чем не виноват, а римляне его убили... Иногда так и начинаются восстания...

– Ты все-таки хочешь устроить засаду и ждать, когда черные всадники пожалуют убивать моего солдата? – римлянин настойчиво показывал свое недовольство.

Дарданий устало потер двумя пальцами переносицу и пробормотал:

– Даже не знаю... Рискнут ли они?..

Он еще помолчал под пытливым взором римлянина, на что-то решился и сказал:

– Твои солдаты – прекрасные кавалеристы. Судя по твоим рассказам, они запросто прорвались сквозь турму этих «черных».

– Да, и один из них... – Марцелл указал рукой на палатку, где скрылся арестованный Скиф.

– Прекрасно, – перебил его Дарданий. – А что, если мы подключим к игре целую турму таких же удалцов, как твои солдаты? Набатейская конница выступила на Антиохию и сегодня должна ночевать в Вифлееме...

Он обернулся и сделал мне знак. Я подъехал.

– Можно ночью беззвучно подвести к деревне турму конницы?

– Можно. Надо обмотать копыта лошадей тканью.

– «Черные» побегут и выведут нас к своему убежищу, – догадался римлянин.

– Да, префект... Лишь бы набатейцы от них не отстали... Едешь с нами, – сказал мне Дарданий. – Объяснишь все своим...

Перед тем как уехать с римлянином и Дарданием, я заглянул в палатку к Скифу. Он величественно возлежал там, прямо царь Арета.

– Будь весел, козленок, – сказал я ему.

Он на несколько мгновений задумался и ответил:

– Будь весел, охотник...

Зубы его блеснули, рот покривился в вызывающей усмешке.

Не знаю, подманивают ли у них в степи хищников, как это делают наши. Но он меня сразу понял. Взгляд его стал напоказ рассеянным, а движения небрежными. Он всегда вел себя так перед опасным заданием. Наверное, сам себе внушал, что все ему нипочем.

– Из палатки не выходи. Тебя будут сторожить...

– Германика уברי... Отправь куда-нибудь...

Он обвел скучающим взглядом потолок палатки, словно мух считал, потом достал из ножен гладиус, постукал лезвием плашмя о ладонь, подбросил и перехватил его острием книзу, и воткнул в землю.

– До темноты они не нападут, – успокоил я его. – А как стемнеет, я подведу турму конницы.

– Обо мне не беспокойся, – легкомысленно ответил он.

Дарданий приказал начальнику поста выставить к нашей палатке двух часовых и регулярно сменять их. Начальник-иудей всем своим

видом показывал, что пока будет светло, он исполнит все в точности. Еще бы. По светлomu времени «черные» не нападут.

– Еще один пост поставь у того пролома, – распоряжался Дарданий, – пусть следят, чтоб женщины не сбежали.

– У меня людей не хватит...

– Выполнять!.. Вот его поставь, – указал он иудею на Германика. – К полудню будет подкрепление...

Мы завернули тело разбойника в плащ и прикрепили его меж двумя лошадьми, забрали с собой вздрагивавшего от каждого нашего движения хозяина двора, Елеазара, и отправились в Иерусалим.

В дороге Дарданий всматривался в Елеазара, но ничего не спрашивал, что-то обдумывал.

Я не ждал, что этот Елеазар откроет нам что-то важное. Германик успел рассказать мне, что он был в саду с женщиной, сестрой Елеазара, когда Скиф убил ревнителя. Значит, Елеазар не знал, что эти разбойники придут к нему, и не предупредил их. Но что-то, какие-то имена Дарданий из него, конечно, выбьет.

– В башню его, – сказал Дарданий конвою, когда мы въехали в город. – Я с ним после поговорю.

Несколько конных солдат гарнизона были посланы Дарданием в сторону Вифлеема, навстречу ожидаемой коннице, двое – в сторону Лидды и еще двое в сторону Иерихона. Последние четверо ускакали явно с целью отвлечь внимание ревнителей от Вифлеема.

Во внутреннем дворе у стены римлянин и Дарданий прутиками на камнях нацарапали несколько полосок и, поглядывая на небо и перечисляя стражи, стали рассчитывать время выступления конницы из Вифлеема и подхода ее к Вифании.

Нападают обычно ночью, перед рассветом, значит, и выступать надо, когда полностью стемнеет, в начале второй стражи...

Я выехал за стены города, чтоб заранее выбрать путь от Вифлеема к Вифании. Командовать будет римлянин, а я – проводник. Но все равно все зависит от меня.

Ехать предстояло так, чтоб я все время видел Вифанию, а турма шла рядом и была незаметна. Вокруг холмы, и сделать это будет не трудно. Я еще раз осмотрел все эти бурые холмы, золотисто-желтые скалы под ярко-синим небом, седые от пыли дороги и тропки и вернулся в город.

В крепости Антония меня ждал Секст, он сказал, что префект вызывает меня. Они с Дарданием в башне допрашивают иудея.

Елеазар был бледен и испуган, но все равно пытался проповедовать какое-то учение, чего никто из нас от него не ожидал.

Римлянин и Дарданий слушали, не перебивая. Дарданий лишь сделал знак, чтоб я приблизился.

– И он сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий... Он любил меня и сестер моих...

– Понятно. Это ты уже рассказывал, – перебил его Дарданий. – Много вас таких, кого этот Сын Божий любил?

– Он любит всех...

– И это понятно. Этот на площади... Светловолосый... Он из ваших?

– Да. Это Иоанн...

– Хорошо. А ревнитель к тебе зачем шел?

Елеазар в недоумении развел руками.

Дарданий оглянулся на римлянина, на меня. Я пожал плечами. Может, и не врет.

– А кому Оздра мула продал?

И тут Елеазар немного отстранился и на мгновение задумался, и рука у него пальцами шевельнула.

– Знает, – сказал я. – Сказать не хочет. Прикажи его бичевать.

Я не понимал, причем тут какой-то мул. Но Дарданий уже спрашивал о муле, когда мы были у харчевни. Видно, что-то знал.

Елеазар сжался и смотрел с ужасом.

– Почему молчишь? Кому Оздра мула продал? – повторил Дарданий.

– Ревнителям, – тихо ответил Елеазар. – Люди говорили, что ревнителям...

К моему удивлению, Дарданий не стал его больше ни о чем спрашивать. Он удовлетворенно усмехнулся и приказал:

– В подвал его. Кормите и не бейте.

Елеазара увели. Мы вышли во внутренний двор крепости. Дарданий молчал и потирал руки.

– Я так и не понял, как его звали, – сказал римлянин.

– Кого? Этого чудотворца? Его имя не произносится, – усмехнулся Дарданий. – Он же – Бог.

– Отправь его к Каиафе. Пусть ему расскажет про нового Бога.

– Бессмысленно, – так же усмехнулся грек. – Первосвященник на следующий день пришлет его к нам с обвинением в богохульстве, и нам придется его казнить. А мне он пока нужен живой.

– Это и есть новая... философская школа? То, что он рассказывал?

– Нет. Эти Спасителя уже не ждут. Ты же слышал – он уже являлся...

– А мул тут при чем?

– Мул? – Дарданий стал серьезен и снова потер руки. – Ради этого мула... Ради этого мула мы с ним и беседовали. По их обычаю царь в начале своего царствования должен въехать в Иерусалим на муле. Значит, мой человек говорил правду – готовится шествие.

– Откуда? Куда?

Дарданий пожал плечами:

– Откуда бы ни шли, они пойдут к Иерусалиму. Но если сегодня мы их выследим, то нанесем упреждающий удар...

Перед вечером мы с римлянином выехали через Сионские ворота в Вифлеем встречать обещанную конницу. Дарданий с помощниками должен был ждать нас в конце второй стражи под стенами Иерусалима у источника Гагор.

Первая же вступившая в Вифлеем турма была затребована римлянином для ночной операции.

Солдаты ничего не подозревали и располагались на отдых и ночлег. Это были наши набатейцы, но дальний, не знакомый мне род. Я взгляделся в них и понял, что это «проклятые». В центурии после долгой совместной службы все солдаты делаются как бы на одно лицо. Но среди этих я явно различил отцов и детей, дедов и внуков. И ни одного чужого. Разве что командиры... Несколько лет назад я слышал о них.

Они всем родом пошли в набег куда-то на Евфрат, но плохо подготовились или людей для охраны совсем не оставили. А когда вернулись, нашли перебитых стариков и младенцев, а женщин и детей не было, их увели такие же, как они, удалцы, наездники. А куда увели? Ветер все следы замел...

И род стал проклятым. Купить женщин у соседей по одной – не хватит никакой добычи. Женщин они могли только отбить. И соседи ждали этого и боялись, и уже договаривались устроить на них облаву.

Они все поступили в римскую армию. Все – поседевшие и молодые, все – на одно лицо и все с затаившимся звериным отблеском из-под опущенных век. Это понятно. Здесь на них никто не нападет, побоятся гнева и мести Рима.

Но род не захочет тихо вымирать, бесследно исчезать в боях за Империю. Ясно, чего они ищут. Ищут, кто из соседей зазевается. И тогда, бросив римскую службу, они пойдут в набег, захватят чьих-то женщин и откочуют куда-нибудь через всю пустыню.

То, что они послушно двинулись в поход, показывает, что здесь, вблизи своей родины, они пока ничего не присмотрели.

Когда стало темно, турму подняли по тревоге, и я при свете факелов сказал им, что идем ловить ревнителю. Рассказал про палатку, в которой сидит солдат, рассказал, что должны появиться черные всадники, которые хотят его убить. Подойдем как можно ближе и встанем в темноте. Нам бы только увидеть этих черных, и тогда вся турма пойдет загоном, как на антилопу. Не уйдут... Идем до Иерусалима, там остановка, и обматываем копыта лошадей материей...

Мы выступили в полной темноте на огни Иерусалима. Мой конь легко и возносился на холмы и неслышно, как дождевая вода, стекал в низины. Предупрежденные набатейцы должны были видеть меня на фоне звездного неба и следовать за мной низинами, по дороге, объезжая холмы.

В темноте все чувства обостряются. Вот ночная прохлада упала на землю, я ощущал ее щеками и обнаженными до плеч руками. Пошевелил плечами, плащ поправил. Настораживала тишина. Собаки здесь только бродячие. Из жителей никто собак не держит. А бродячие собаки не лают. Раздолье для кочевников, вроде моих набатейцев, если вдруг какой-нибудь город захотят ограбить.

Масличная гора и гора Скопус лежали на горизонте, как груди, полные молока. Меж ними – дорога от Иерусалима к Мертвому морю и около нее деревня Бейт-Анья – Вифания. Туда мы и крались во тьме, вслушиваясь в тишину.

Огней Вифании я не видел, они должны были появиться, когда мы достигнем Иерусалима. Справа, под горой. Впрочем, к концу второй стражи в самой деревне огней не будет, высматривать надо костер у палатки поста храмовой стражи.

Иерусалим медленно приближался, подмигивая огнями. Будто дразнил. И мне казалось, что все это происходит очень давно, когда я жил со своими, и мы сейчас все вместе, всем племенем идем в набег на этот богатый и коварный город. Я оглядывался на еле уловимое движение внизу на дороге и вдруг уверился: дай сейчас знак – и вся

турма рванется к этому городу, ворвется на улицы и... «Рано... рано..., – успокаивал я себя. – Вот восстанут они, вот тогда – да, тогда мы этому городу кровь пустим...».

Мы приблизились на оговоренное расстояние. Я отбросил сладкие мечты и стал высматривать впереди Дардания с помощниками. Он был на месте, именно там, где договаривались. Мы съехались. Подъехал римлянин с набатейскими командирами.

– Все по плану, – в голосе префекта слышались одновременно азарт и удовлетворение.

Я еще раз глянул вправо, куда нам предстояло идти. Там действительно мерцал, увеличиваясь, разрастаясь, один огонек. Но это не был костер на посту. Это горела наша палатка...

Глава 20. Марк Клавдий Марцелл Младший. XIV перед Календами. Первый день Квинкватарий

Они мчались, потеряв строй. Копыта лошадей обмотать не успели, и дробный грохот разносился далеко вокруг.

Когда прискакали в Вифинию, палатка догорала, над землей дрожала змея оранжевых язычков, а на месте палатки темнела в три четверти ее прежней высоты какая-то масса.

Араб метнулся с лошади и грудью упал на эту возвышенность. Не успел Марцелл с ним поравняться, как он вновь взлетел на лошадь и крикнул:

– Он жив!..

Скиф, – догадался Марцелл. Но где?..

Тут Араб громко закричал по-своему, и набатейцы заметались, свешиваясь с лошадей до земли. Загорелись какие-то невесть откуда взявшиеся светильники, факелы...

– «Следы... Ищите следы», – перевел Марцеллу Дарданий.

Азартные крики впереди всколыхнули всех.

– «Следы... Конские следы». Они нашли... – сказал Дарданий и крикнул. – Стойте! Проверьте деревню!..

Но его никто не слушал. Набатейцы хлынули на восток, и голос Араба звал где-то впереди. В темноте Марцелл с Дарданием проскакали вслед за ними через поваленную, потоптанную палатку поста. Странно, но трупов не было видно...

– Надо проверить деревню! – крикнул Марцеллу Дарданий.

– Поезжай туда сам. Бери своих людей... – крикнул Марцелл в ответ. Чувствовалось, что набатейцев не повернуть. Они в азарте. Конские следы, лошади... Это – добыча...

Дарданий, видно, не рискнул возвращаться в деревню с двумя помощниками. Он придавил лошадь и стал догонять Араба. Набатейцы сдерживали лошадей, все время светили, склоняясь до самой земли. Они развернулись веером и отрывисто переключались.

Араба догнали быстро.

– Надо послать часть людей в деревню...

– У них есть командиры, – отмахнулся впавший в азарт Араб.

Но набатейские декурионы либо не понимали, либо делали вид, что не понимают, хотя Дарданий и пытался говорить на их наречии.

Так проскакали добрых тридцать стадий, когда впереди вновь закричали и в воздухе прожужжали несколько камней от пращи. Догнали!..

Набатейцы понеслись вперед, смыкаясь и размыкаясь на скаку, фланговые всадники рванули во весь опор. Тенькнули тетивы, и стрелы просвистели во мраке.

В бою теряется ощущение времени, и стадии пролетали под копытами запотевших коней незаметно. Марцелл вдруг заметил, что скачет по руслу высохшего ручья. Он и не помнил, как здесь оказался. Справа и слева по берегам скакали всадники, чернели на фоне неба.

Вот опять закричали, опять тенькнули тетивы. Впереди какой-то ревнитель пытался выбраться на берег, и только показался и заслонил собою пару звезд, как сразу был снят снизу стрелами. Видно было, как конь шарахнулся и вслед за ним устремились два набатейца, намахиваясь арканами...

Берега резко пошли вверх, чернотой срезая нижнюю часть неба. Справа к ручью подступала скала. Всадники невольно замедлили бег своих коней. И вот опять крик... Кто-то резко остановился. На него налетели, закружились. Опять заметались огни. Из темноты возник Араб:

– Там пещеры...

Марцелл ощутил, как рядом напрягся и засопел Дарданий. Слава Юпитеру! Набатейцы свое дело сделали!

– Костры! Больше огня! Там, у пещер... – стал распоряжаться Марцелл. – Посты – во все стороны. Прочешите округу... Еще... Главное...

Двух лучших солдат на четырех лошадях – к прокуратору. Пусть шлет сюда всю набатейскую алу...

Араб громко кричал по-своему, переводил.

Звонкий щелчок металла о кость... Один из набатейцев упал, опрокинулся, разбросав руки. Остальные схлынули. Но сразу же несколько спешившихся на четвереньках, как огромные пауки, подобрались ко входу в пещеру и потащили тело в сторону. Другие также потащили к входу колючки, ветки кустов, клочья сухой прошлогодней травы...

Несколько командных криков заставили одних снова взлететь на лошадей и куда-то скакать, других, наоборот, спешиться.

После суеты, казавшейся поначалу бессмысленной, дно ручья опустело. Разложенные костры высветили расселину меж двух сосступившихся каменистых берегов и две пещеры друг напротив друга на расстоянии менее десяти локтей.

– Так в какой же они? – спросил Марцелл, разглядывая костры, разложенные примерно посредине расселины. – В обеих?..

– Вон в той, – указал Араб на северную пещеру. – Зашли человек пять или шесть, завели одну лошадь.

– Одну?.. А остальные?..

– Наши ищут... – и он скрылся в темноте.

Набатейцы спешились, одни бегали, таща за собой по две-три лошади, другие взяли сверху на прицел входы в пещеры. Они тихо, но оживленно переговаривались.

– Спрашивают друг друга, где могут быть лошади, – перевел Дарданий.

– Да, табун в пещере не спрячешь, – согласился Марцелл.

Араб подскакал с двумя солдатами, рядом с каждым в поводу была запасная лошадь.

– Эти – лучшие...

– Русло Сехаха, – быстро сказал Дарданий. – Запомните: русло Сехаха, примерно семьдесят стадий. Пусть шлет всю конницу, какая есть.

– Пошли с ними своего помощника, – сказал Араб. – Они его доставят, а он расскажет. А еще лучше – сам поезжай.

Дарданий, удивленный дерзостью солдата, оглянулся на Марцелла.

– Сколько их в пещере? – продолжал Араб. – Один мимо пещеры проскакал. А если он помощь приведет? Наших мало...

– Солдат прав, – сказал Марцелл. – Поезжай. Пока их пустят к Пилату... Высылай войска своей властью. Поторопись...

Дарданий, дав вполголоса инструкции своим помощникам, ускакал вместе с двумя набатейцами.

Костры прогорали, начинали гаснуть, и всякий раз с двух сторон к ним на четвереньках подбирались черные фигуры, подбрасывали сухую траву и ветки и отбегали или отползали.

Марцелл поглядывал на восток, где за Асфальтовым озером должно было показаться солнце. Но ночь оставалась все так же темна.

С юга долетел легкий гул, потом усилился и раздробился. Набатейцы вскинулись и смолкли. Араб что-то крикнул. Донесся еле слышный крик в ответ. Все разом оживились.

– Наши нашли лошадей, – сказал Араб.

Марцелл и так это понял.

С глухим грохотом табун подкатился к пересохшему руслу и рассыпался, закружился, растянулся вдоль обрывистого берега. Набатейцы смешались с набежавшими лошадьми, подняли радостный галдеж. Пригнавшие что-то возбужденно рассказывали своим командирам.

– Тут недалеко есть еще один пересохший ручей, – переводил Араб. – За ним – маленькое озеро... Родник...

– За пещерой следите, – перебил его Марцелл, увидев, что все набатейцы бросили свои посты, а огни вот-вот погаснут.

– Э! Что они нам сделают?.. – отмахнулся Араб.

Лошадей надо было куда-то убрать, иначе все вокруг превратится в подобие базарной площади и ревнителю улизнут, пользуясь темнотой и неразберихой.

– Именем Цезаря Императора! – крикнул Марцелл. – По местам!..

Ближайшие набатейцы оглянулись на крик, но не струнулись с места.

– Лошади – ваша добыча. Выделить декурию, гнать лошадей в Вифлеем... Выполнять!..

Медленно, с криками, с разговорами отделилась третья часть солдат, сбила, согнала в одну темную массу табун. Марцелл молчал, не торопил, оглядывался на исчезающую в темноте пещеру. И, наконец, захваченные лошади тронулись, пошли рысью и – быстрее, быстрее – понеслись вскачь на запад, загрохотали по каменистому сухому руслу. Оставшиеся с вождением оглядывались им вслед.

Стало светать. Долины, раньше бесцветно-темные, непроглядные, засинели. Костры потухли, но черный вход в пещеру и так был виден с края обрывистого берега.

Постепенно выступили из мрака округлые холмы вокруг пересохшего русла, а Иерусалим, ранее различимый из-за огней, наоборот, утонул в предрассветной дымке.

На свету количество солдат показалось ничтожно малым. Пятеро держали лошадей, еще десять стояли цепочкой по краю обрыва, два набатейских командира, два помощника Дардания, Араб и сам Марцелл – вот и все войско, блокировавшее гнездо разбойников. Набатейцев их число не смущало. Они весело перекликались, смеялись.

– О чем они все время говорят?

– Говорят, что лошадей много, на каждого по три достанется, – перевел Араб.

Когда показалось солнце, к отряду вернулся один из отправленных с табуном. Лошадь под ним была облита потом, тяжело поводила боками.

Араб перевел, что набатейцы встретили ревнителю и те ускакали в деревню.

– Где они их видели?

Ревнителю ехали навстречу табуны по руслу ручья, их было четверо, они поскакали назад по руслу...

Из рассказа солдата Марцелл понял, что набатейцы всей декурией бросились за разбойниками и погнали вскачь табун. Гнали, охватывая со всех сторон, не давая отклониться. Солдат даже вызывающе улыбнулся и согласно кивнул, когда Араб перевел, что набатейцы хотели пригнать ревнителю прямо к воротам Иерусалима.

Но тут от Иерусалима показался отряд конницы во главе с этим греком, и разбойники рванули вправо, в деревню.

– Много конницы ведет Дарданий?

Араб перевел, внимательно выслушал и сказал:

– Дарданий с конницей окружил деревню. Он сюда не едет.

Марцелл сомкнул губы, скрестил руки на груди и покачался с пятки на носок. Все каноны стратегии и тактики были нарушены. Нельзя бросать дело, не доделав его, нельзя делить войска, дробить одну операцию на две, нарушать договоренность.

Но если хитрый и осторожный Дарданий забыл об обнаруженном гнезде ревнителю ради четверых в деревне, значит, там что-то не так.

– Кто тебя послал?

– Грек, – перевел Араб. – Он сказал, что там прячется самый главный...

Неужели Дарданий издала опознал Елиазара? Тогда действительно надо было возвращаться, вместе взять тех в деревне, а потом вести отряд сюда.

Префект турмы и оба помощника Дардания с остатком солдат остались сторожить пещеру. Араба Марцелл взял с собой.

Лошади, измотанные за ночь, потели и спотыкались, но Вифании достигли довольно скоро.

Видимо, пока гонец скакал за Марцеллом, из Иерусалима подошли еще войска. Цепочки солдат перерезали дорогу на Иерихон и видны были на возвышенности за деревней. Целая центурия стояла в строю у поворота дороги возле местной пещеры. У самой деревни в кучке своих помощников стоял Дарданий, рядом, не смешиваясь, блестели доспехами воинские начальники.

На месте сгоревшей палатки высилась истоптанная и полуобвалившаяся земляная насыпь, напоминающая замкнутый со всех сторон бруствер.

– Это Скиф насыпал, – объяснил Араб. – А сам он под землей спрятался.

Скифа Марцелл среди солдат не разглядел. Не увидел он и Германика, но рядом с Дарданием несколько обособленно стояли преторианцы его конвоя – Секст, Публий, Квинт и Павел.

На вопросительный взгляд Марцелла Дарданий радостно и возбужденно сказал:

– Я знал, что они в деревне.

– По-моему, они заскочили туда у тебя на глазах...

– Они просидели там всю ночь, – убежденно заявил Дарданий, – а утром хотели укрыться в пещере, но их заставили вернуться...

– Ну, и где же они?

– Они проскакали всю деревню и исчезли. Судя по всему, они в доме прокаженного. По-моему, там сам Елеазар...

– Надеюсь – настоящий, а не тот бедолага, которого мы допрашивали.

– И я надеюсь, префект.

– Чего же мы ждем?

– Я ждал тебя, префект. Ты старший – командуй...

Для начала надо было оценить свои силы и силы противника.

Дарданий, помимо конницы, вывел к Вифании целый манипул Кесарийской когорты. Войск, чтобы вычистить деревню, хватит. Чистить придется каждый двор. Неизвестно, сколько ревнителей было ночью в деревне и все ли они уехали из нее утром. Дарданий знает их всех в лицо...

Стройный план возник сам собой.

– По местам, – скомандовал Марцелл. – Центурию – сюда! – ткнул он пальцем в землю перед собой. – Выполнять! И старосту деревни ко мне...

Заторопились и стали в строй командиры. Мерным шагом, шурша сандалиями, подошла от поворота дороги когорта. Откуда-то – Марцелл не успел заметить – появился староста.

– Первая декурия! Развернуться и перекрыть дорогу, – стал распорядиться Марцелл. – Вон там, позади построения. Выполнять!.. Вторая декурия! Войти на четверть стадия в деревню и следить, чтоб не было движения жителей из двора во двор. Если кто-то не будет слушать, применяйте оружие. Переведите старосте, что движение в деревне разрешено только в сопровождении римских солдат. Пусть идет и предупредит своих. И чтоб без крика...

Хмурый, не поднимающий головы староста побрел в деревню.

– Третья декурия! Вместе с людьми, назначенными Дарданием, заходите в первый двор слева от дороги, забираете всех жителей и ведете туда, за первую когорту. Дарданий стоит у входа в деревню и всех осматривает... – при этих словах Марцелл оглянулся на Дардания и увидел, что тот молча кивнул.

– Люди, назначенные Дарданием, обыскивают двор... Четвертая декурия! Вместе с людьми, назначенными Дарданием, заходите в первый двор справа от дороги, забираете всех жителей и гоните туда же. Если двор чист, люди Дардания дают об этом знать. Тогда третья декурия идет во второй дом слева от дороги, а четвертая декурия во второй двор справа от дороги и опять выводят жителей за первую декурию. В каждый вычищенный и обысканный двор по знаку людей Дардания заходят по два солдата из пятой декурии и устанавливают там пост. Декурион идет с двумя последними солдатами. За пятой декурией такие посты выставляет шестая декурия, за ней седьмая...

Он прервался и оглядел солдат и командиров, поймал внимательные взгляды. Это были те самые солдаты, с которыми он занимался на внутреннем дворе крепости. После ночных приключений с набатейцами, которые не понимали ни по латыни, ни по-гречески, Марцелл ощутил явное облегчение, глядя на сосредоточенные лица греков и сирийцев, которые только ждали слов команды, чтоб начать выполнять приказ.

Дарданий что-то тихо сказал одному из своих помощников, и тот во весь опор понесся к Иерусалиму.

– Я послал еще за одним манипулом, – объяснил Дарданий, подъезжая. – Если занимать постами каждый двор, этой центурии не хватит.

Марцелл помедлил, подсчитывая.

– А сколько здесь дворов?

– Около сорока.

– Хорошо. Но ждать не будем. Начинаем сейчас. Вторая декурия, выполнять! – приказал Марцелл.

Солдаты приподняли щиты, перехватили копья и попарно, размеренно, в ногу пошли в деревню. Пройдя первые два двора, они остановились и по знаку декуриона повернулись спиной к спине, образовав две шеренги.

– Я – со второй декурией, – объявил Марцелл. – Со мной мой конвой и солдаты легиона Галлика... Кстати, где еще два моих солдата? – обернулся он к Дарданию.

– Они удерживают один из дворов в центре деревни, – с легкой иронией ответил грек.

Глава 21. Вениамин по прозвищу «Германик». Тот же день

Весь вчерашний день я вместе с двумя сирийцами просидел во дворе у Марты. Один сириец сторожил ворота во двор со стороны улицы, второй сторожил их изнутри, а я присел под стеной у пролома, но так, чтоб видеть два соседских забора.

Марта и Мария что-то делали внутри дома. Марта несколько раз выходила во двор, заходила в хлев, спускалась в подвал. Соседки несколько раз заглядывали через забор и о чем-то тихо спрашивали ее. Ясно, что о Елиазаре и об убитом разбойнике. Она коротко и тихо отвечала или отмахивалась. На меня она старалась не смотреть, но раза два все же посмотрела. В ее взгляде я не заметил ненависти. Видно, потому что ее брата Елеазара забрали не наши, а храмовая стража, да и убитый ревнитель явно не был ей родственником. Женщины не ведут себя так, если потеряют близкого человека.

На закате, когда деревенские пригнали стадо, к пролому пришли три незнакомых грека – Дарданий прислал из Иерусалима подкрепление – и смешили нас.

Сирийцы пошли к себе на пост. Меня там кормить никто не собирался, и я направился к нашей палатке, около которой сидел на корточках Джума и переругивался со вторым часовым.

На меня они не обратили внимания. Я распахнул полог палатки и от неожиданности даже отшатнулся – передо мной была стена серо-бесцветной земли. – Скиф! – позвал я.

Сверху над стеной показалось лицо Скифа с грязными потеками на лбу и на щеках. Он поднял и по-

ставил перед собой узел и стал рассыпать из него землю равномерно налево и направо.

– Что ты делаешь?

– У нас в степи есть маленький зверь, – сказал он, разравнивая землю и прихлопывая ее лопаткой. – Каждую осень он роет себе нору – вниз и вбок, – засыпается в ней зерном и умирает. А весной снова оживает, – и Скиф сделал жест раскрытой ладонью вверх.

– Совсем как машиах, – усмехнулся я, вспомнив рассказ Марты.

– Кто? – не расслышал Скиф.

Я не стал ему объяснять, но сам спросил:

– При чем тут этот зверь?

– Ночью ревнителю придут мстить, – ответил Скиф. – Пусть достанут меня в этой норе...

– Давай вместе засядем, – предложил я.

– Тесно. Вдвоем не поместимся. Тебе хорошее место назначили, – указал в сторону пролома Скиф. – Жди там. Араб подведет конницу. Главное – продержаться...

– Понятно. А где наши припасы?

Он выставил на земляную стену сверток с продуктами.

Взяв свою долю, я вернулся к пролому и сел снаружи. Сменивший меня грек-часовой выглянул, но ничего не сказал.

Не успел я дожевать лепешку, как со стороны палатки показался отряд. Это шла вся декурия храмовой стражи во главе со своим начальником-иудеем. Я понял, что храмовая стража тоже ждет появления разбойников. Защищать Скифа в его палатке иудей не рискует, но хочет удержать хотя бы один охраняемый объект – двор с женщинами, благо здесь стены каменные.

– Иди с нами, – сказал мне иудей. – Один пропадешь.

Мы все перебрались через пролом, и иудей-декурион стал размещать нас во дворе, чтоб защищаться от ревнителю. Сделал он это очень просто – завел всех в дом и расставил у окон, выходящих во двор, и у дверей.

– Женщин – в подвал, – приказал он. – Они не должны пострадать.

Обращался он к нам, но обе женщины, схватив какие-то вещи, быстро и безмолвно исчезли.

– Зачем разбойникам этот дом? – спросил один из греков. – Здесь что, золото зарыто?

Конечно, он был прав. Разбойникам нужна добыча. Редкая добыча стоит дороже собственной жизни. А что здесь, в этом доме?..

– Я не знаю, что здесь зарыто, – ответил декурион. – Но один раз они сюда уже совались. А будешь болтать – накажу.

Грек презрительно пожал плечами, но промолчал. Он был одним из трех новых, пришедших нам на смену. По всему – по тому, как оружие держал, как ходил, как стоял, – видно, что завербовался недавно. И один из товарищей его выглядел не лучше.

Декурион что-то обдумал и ткнул пальцем в меня и в этих двух греков:

– Вы трое тоже идете вниз. Будете сторожить женщин, чтоб какой-нибудь подкоп не сделали и не удрали. Понятно? Выполнять!..

Меня этот приказ насторожил. Почему он хочет избавиться от меня и этих новеньких? Боится, что мы ему в чем-то помешаем? А с другой стороны, зачем он меня с собой во двор взял? Но приказ есть приказ, и я, хотя и не обязан был ему подчиняться, спустился в подвал.

В подвал вели два входа — из дома и со двора. Спустились мы по лестнице из дома. Я сразу же проверил дверь, ведущую во двор, и запер ее. Елиазар жил не бедно, подвал был полон припасов, разложенных по отсекам.

Марта с Марией отсели в дальний угол на какую-то кучу тряпья, держались за руки и прикрыли лица краями покрывал. В тусклом свете единственного светильника они казались бесцветно-темными, даже шевеления не угадывалось.

А мне в голову лезли самые черные и дикие мысли. Ревнителю, подвал, женщины – все сплелось в непонятный узел. А что если поговорить греков, изнасиловать этих двух баб, потом убить их и свалить все на разбойников?.. Я даже лоб потер, чтоб отогнать эти помыслы. Вроде избавился... Но другие страхи не давали покоя.

Если явятся полсотни ревнителей, как тогда у Антиохии, уйти из подвала будет... очень трудно. А этот иудей-декурион... Что он замыслил? Почему упрятал нас в этот подвал? Хочет договориться с разбойниками? Эти иудеи всегда договариваются друг с другом... А мы ему зачем? Выдаст нас... Откупится нами...

Бежать, пока не поздно...

Я снова потер лоб и глянул на новобранцев-греков. Эти два оболтуса нашли мехи с вином и теперь вдохновенно шушукались, пред-

вкушая возлияние. Зажурчала струйка, кисло-вато пахнуло молодым вином, и один из греков громко, специально для меня сказал:

– Конечно же, мы заплатим этим добрым женщинам.

Женщины не подняли голов.

Сверху раздались громкие слова команды, послышались звон оружия и торопливые шаги, и все стихло, замерло. Я понял, что показались ревнители. Марта и Мария еще больше съежились и совсем растворились во тьме. Лишь греки не обратили на тревожные звуки ни малейшего внимания. Один из них громко с чавканьем, бульканьем и плеском глотнул и охнул от удовольствия. Казалось, что он одним глотком осушил корыто.

– Э! Кто так пьет?.. – толкнул его в плечо другой. – Нектар...

– Тише... Расплескаю...

– Не бойся, тут много...

Снова зажурчала струйка, и снова хлюпающий звук жадного глотка, а за ним стон удовольствия.

Я снял шлем, положил его рядом с оружием и, цепляясь краями плаща за стенки отсеков, подошел к женщинам.

– Почему вас преследуют ревнители?

Я спросил их по-нашему, чтоб они мне доверяли и чтоб греки не влезли в разговор.

– Мы не знаем этих людей, – быстро сказала Мария.

– Это ревнители, – сказал я. – Тот, которого убили, ночью хотел пробраться в ваш дом. И сейчас... – и я оглянулся на лестницу, ведущую из подвала.

– Мы не знаем этих людей, – повторила Мария, и в голосе ее слышались враждебность и упрямство.

– Я боюсь, что они сделают вам что-нибудь дурное, – сказал я и опустил на корточки на расстоянии вытянутой руки от сестер.

Мария молчала, но я чувствовал, как она напряглась. Видимо, все же боялась. Марта пошевелилась и произнесла:

– Нет. Нас они не тронут...

Отвечала она мне, но одновременно успокаивала Марию.

– Чего же им надо от вас?

Марта снова пошевелилась, посмотрела на Марию, словно разрешения спрашивала, и тихо ответила:

– Елеазар говорил: они хотят, чтобы мы опознали Машиаха...

– Машиах не нуждается... – резко начала Мария и сделала движение, будто хотела закрыть рот сестре. – Машиах не нуждается... – повторила она и смолкла, будто заставила себя замолчать.

«Неужели ревнители тоже верят этим сказкам?» – подумал я, но вслух сказал:

– Машиах... Ты говорила, что он воскрес...

– Да, – кивнула Марта.

– А ты все это видела, – обратился я к Марии. – Ты действительно все это видела?

– Да! Я все это видела! – громко и с вызовом произнесла она. – Он воскрес!.. И каждый, кто хоть раз видел Его, не может в этом сомневаться... Я ничего не боюсь... Я верю в Него... Он возьмет меня в свое царство...

Она явно боялась этих ревнителей, потому и говорила громко и горячо, хотела страх заглушить.

– Зачем же его опознавать?

– Может, он не хочет им открыться?.. – вмешалась Марта и вопросительно посмотрела на Марию.

Мария угрюмо смолкла, всем своим видом показывая, что не хочет и не будет обсуждать такое в присутствии посторонних.

– Он очень долго не открывался, – сказала мне Марта. – Сначала он был простым плотником...

Один из греков за моей спиной поперхнулся вином и расхохотался. Видимо, он все-таки понимал наш язык. Я обернулся. Греки не смотрели на нас. Тот из них, что обещал заплатить «добрым женщинам», поднял походную чашу и заговорил, обращаясь к чавкающему товарищу:

– Если б руками владели быки, или львы, или кони, если б писать, точно люди, умели они что угодно, – кони коням бы богов уподобили, образ бычачий дали б бессмертным быки...

– Что ты плетешь? – сказал чавкающий и снова громко отхлебнул. – Быстро тебя развезло...

– Их наружностью каждый сравнил бы с тою природой, какой он и сам на земле сопричислен...

– Не умничай...

Сестры не поняли или просто не обратили внимания на выходку грека. Они насторожились и смотрели поверх меня. Я тоже расслы-

шал сверху какие-то голоса. Но это не были слова команды. «Договариваются... Выдадут и их, и нас...» Я вернулся к своему оружию, надел шлем и пробежал пальцами по застежкам, древку дротика, рукояти гладиуса. «Нас-то зачем выдавать? Нас сюда спустили, чтоб не мешали договариваться, – догадался я. – Женщин просто вызовут наверх...»

Греков мои приготовления нисколько не побеспокоили. Но женщины замерли и вцепились друг в дружку.

– А вдруг они захватили Его и удерживают? – дрогнувшим голосом спросила Марта.

– Если Он захочет, то пройдет между ними невидимым и никто не задержит Его... – голос Марии тоже предательски дрожал. – Он так делал...

Хорош был бы Бог, если б его захватила и удерживала шайка разбойников!

Голоса женщин, смешки и хлопанье греков мешали мне расслышать, что творится наверху. Я поднял руку и покачал ладонью, требуя тишины. Женщины смолкли, греки продолжали бубнить и пересмеиваться, но я все же расслышал, как наверху между собой приглушенно заговорили солдаты храмовой стражи. Опять громко заговорил иудей-декурион.

– Торгуются, – сказал один из греков. – Наливай...

Вверху, безусловно, шла торговля. Иудей-декурион, судя по напористому голосу, не собирался уступать. Греки еще дважды наливали себе в чаши вино, а торг продолжался. Потом опять громко заговорили солдаты, и все стихло. С царапающим скрежетом отполз в сторону люк, и сам декурион спустился в подвал. Он обвел взглядом обмерших женщин, подозрительно засопел, принохиваясь, и уставился на греков, те по-собачьи умильно воззрились на него блестящими глазами. Декурион досадливо фыркнул и, глядя на меня, сообщил:

– Они уехали. Слышно, как проскакала какая-то конница... – он еще раз оглядел греков и женщин и, презрительно покривив рот, добавил. – Пока ничего не известно. Сидите здесь и ждите.

После его ухода женщины, поняв, что опасность миновала, затараторили, как сороки. Их разговор напоминал торопливый стук дятла, священной птицы Марса, бога войны.

Из их трескотни и из того, что Марта успела рассказать мне прошлой ночью, я понял, что их Бог ходил по Иудее и делал разные чудеса,

но иудеи никак не хотели понять, что именно он и есть Бог... Меня же после пережитой опасности одолевали другие желания. До звона в ушах мне хотелось какую-нибудь женщину. Я стискивал зубы и чувствовал, что начинаю ненавидеть и Марту, и Марию, и их безудержную восторженную болтовню. Еще немного, и я готов буду порвать на части этих баб...

Греки же блаженствовали, шушукались и стукались краями походных чаш. Тот, что понимал по-нашему и считал себя умнее всех, откровенно развлекался. Иногда он, не оборачиваясь, произносил загадочные фразы, словно вел с восторженными сестрами некий спор, хотя ни Марта, ни Мария не слушали его и не понимали, о чем он говорит.

Когда Марта рассказала, как Бог дважды посетил этот самый дом, где мы сейчас сидели, и даже ел вместе с женщинами, грек, поднял чашу и продекламировал:

– Бог же един, между смертных и между богов величайший, смертному он не подобен ни видом своим, ни душою.

Когда же женщины перечислили все иудейские и сирийские города, которые обошел их Бог, грек со смехом произнес:

– Видит он весь, весь мыслит, весь слышит, но, без усилья, все потрясает он духом разумным, вечно на месте одном неподвижно он пребывает, двигаться с места на место ему непристойно.

Я так и не понял, во что он верит. Ничего подобного не говорили жрецы ни в одном нашем храме. Венцом его рассуждений была фраза:

– Пить человеку не грех, лишь бы мог он домой возвратиться...

И хотя она не особо вязалась с его предыдущими рассуждениями, сам он был ею страшно доволен. Его менее образованный товарищ тоже отдал должное последнему умозаключению.

– Возвратимся... Наливай... – сказал он.

Я за эти сутки не выпил ни одной чаши, но мысли мои путались, как у пьяного. Я решил открыть дверь подвала, подойти к Марте, взять ее за руку и вывести во двор. Там уж она не сможет мне противостоять. Ни греки, ни Мария не посмеют выйти за нами, побоятся. Вот в такой пьяной уверенности я шагнул к двери, и тут мне послышались звуки во дворе, и кто-то приложился к двери с другой стороны, пробуя ее на прочность.

Я замер и поднял руку, требуя тишины и внимания. Женщины смолкли, но греки продолжали что-то бубнить.

– Изготовиться! Держи строй! – скомандовал я сам себе и отступил к оружию.

Судя по звукам, от двери отскочили. Я надел шлем, взял пилум и щит и толкнул ближайшего грека носком сапога в спину. Грек поперхнулся, и они оба раздраженно сверкнули глазами из полумрака. Я молча указал им взглядом на дверь и на их оружие. Они растерянно переглянулись.

Сверху раздался крик и послышался топот ног – стражники заметили тех во дворе и перебежали к западной стене.

– Опустить копьё... – расслышал я голос декуриона.

– Эй! Отдайте нам этих женщин... – донеслось со двора. – Зачем вам жизнью рисковать?.. Разойдемся красиво...

– Не пугайте нас... Какие женщины? О чем вы говорите?..

По первым же фразам я понял, что драки не будет. Видно, разбойников остудила моя армейская команда, поданная на латыни. А просто сбежать им азарт и досада не позволяли. Декурион же будет тянуть время. Ревнителям он не уступит. Их меньше, чем стражников в доме. Иначе уже напали бы. А где-то рядом кавалерия, которую обещал привести Араб.

– Слушай! Мы тебе заплатим. Уговори своих солдат...

– На всех у вас денег не хватит.

– Хватит. Давай решай, а то мы тебе кишки выпустим...

– Слушай! Что ты меня пугаешь? Я знаю твоего отца. У него прекрасная лавка в Иерихоне...

– Кто тронет моего отца, не доживет до следующей субботы...

– Его никто не собирается трогать...

Так они препирались и неизвестно чего ждали. Хотя, конечно, обе стороны ждали подкреплений. Женщины, расслышав, что речь идет о них, с трепетом ловили каждое слово.

Так они дразнили нас всю ночь. Подкрадывались с разных сторон, то угрожали, то обещали деньги. Один раз, судя по голосам, кто-то забрался на крышу, пробежал по ней и спрыгнул за забор.

Светильник наш давно догорел, и стало видно, как светлеют щели на двери, ведущей во двор. Наконец иудей-декурион со скрежетом отодвинул люк и крикнул нам сверху, что можно подниматься.

Первыми зашевелились придремавшие греки. А женщины так и остались сидеть, не трогаясь с места, прижавшись друг к дружке. Я не стал

ждать и, переполненный злостью, первым выбрался из смертельно надоевшего подвала.

Декурион, беспредельно усталый, сидел в углу на лавке, рядом лежал его шлем. Всю ночь он удерживал этот двор, не потерял ни одного стражника и не убил ни одного ревнителя. И женщин не выдал. Все обошлось.

Я вышел на балкон. Уже рассвело. Робко посвистывали редкие птицы. Жители, напуганные ночной перебранкой, не показывались из своих дворов и хранили мертвую тишину. Зато раздался шум со стороны пролома в стене, я подошел к окну, выходящему во двор и увидел, что там объявился Скиф, перепачканный серой глиной, но в полном вооружении.

– Они уехали, – объявил он крайне удивленному его появлением декуриону и забегал голодными глазами.

Я опущенным пальцем указал ему на дверь, ведущую в погреб. Таким жестом обрекают на смерть поверженных гладиаторов. Я обрекал на смерть запасы Елеазара.

Декурион не стал задавать лишних вопросов и приказал своим:

– Выходите на улицу строиться. Идем к себе на пост...

Но он не торопился, долго вглядывался в верхний конец улицы, только потом взмахом руки подтвердил, чтоб выходили. Пустая улица сиротливо серела, даже скот из дворов никто не выгонял.

Стражники стали выходить и строиться вдоль забора. Я этому иудею не подчинялся и решил остаться в доме, разобраться, наконец, с Мартой. Поэтому я стоял на балконе и сверху снисходительно наблюдал за всеми строевыми упражнениями. Упражнения оказались предельно просты. Декурион перестроил своих людей попарно и скомандовал движение. Но сразу же остановился...

Я тоже различил далекий дробный гул и сразу же определил – скачут не менее сотни всадников. Они скакали с востока в нашу сторону... или в сторону Иерусалима... Неужели ревнители гонят наших?... За деревней поплыла пыль, и вдруг те самые черные ворвались на улицу...

Стражники шарахнулись и, давя друг друга, рванулись сквозь ворота обратно во двор. Декурион с обнаженным мечом тыкался им в спины и наступал на пятки. Но пока они продирались друг сквозь друга и оттапывали друг другу ноги, я успел разглядеть ревнителей.

Пригнувшись к конским гривам, они гнали во весь опор, но это явно не было атакой – ни обнаженного оружия, ни подбадривающих криков. И головы их вжимались в плечи.

«Они удирают...» И эта мысль меня сразу же успокоила. Я удобнее перехватил копьё и оглянулся, не помешает ли стена замаху. За мной была раскрытая дверь с балкона внутрь дома. Ничего не мешало.

Я замахнулся и, вложив в бросок всю злость и всю досаду прошедшей ночи, метнул копьё с небольшим упреждением в первого скачущего. Удар пришелся точно в грудь, снес всадника с конской спины и бросил его оземь. Конь сраженного взбрыкнул и надал ходу. Несущийся вторым высокий вороной скакун прыгнул, напрягаясь всем телом, через внезапно возникшее препятствие, и всадник едва усидел на его спине. Пораженный копьём разбойник в конвульсии вцепился руками в древко и, выгибаясь на земле, качнул им прямо перед мордой третьего коня, тот шархнул, тесня четвертого и сбивая его с ноги.

Доспехов на разбойниках не было, оружия тоже не видно. Сейчас они упрутся в каменную стену и остановятся... Я вскочил на перила балкона и прыгнул сверху через забор прямо на улицу. Приземлился как можно мягче, чуть не достал подбородком колена. Сейчас с копьём в руках я прижму всех троих к стене... Я подскочил к убитому, наступил ему ногой на грудь, вырвал копьё и обернулся к ревнителям.

Как я и предполагал, они столпились у низкой каменной стены. Скиф или Араб, не мешкая, попытались бы взять ее с разгона. Но эти... А может, им помешала лошадь убитого. Двое крутились на задравших морды лошадях. Третий уже спешился, и над его головой что-то мелькнуло. Я понял, но успел лишь чуть отвернуть в сторону лицо. Звонкий удар по краю шлема заглушил все звуки, и через мгновение я ощутил, что лежу на земле, уткнувшись в уличную пыль, но не чувствую ни рук, ни ног...

Глава 22. Акбери по прозвищу «Скиф». Тот же день

В подвале я нашел целый отсек сушеных резанных фруктов и успел сунуть в сумку две горсти, когда наверху забегали, засуетились и кто-то крикнул: «Ромея убили!..» Так могли назвать только Германика.

Я выскочил наверх, во двор. Через головы столпившихся у калитки стражников ничего не было видно. Солдаты стояли плотно, держались настороженно. Но со стороны улицы на них никто не напал, ничего не летело, и я перемахнул через забор.

В конце улицы никак не могли успокоиться, шаркались от собственной тени два высоких, поджарых коня парфянской породы, а перед воротами в пыли рядом с убитым разбойником копошился, никак не мог найти, где верх, где низ, Германик. Свежая вмятина на краю сбитого шлема мне все объяснила. Прикрывая на всякий случай голову, я подбежал к Германику, присел около и выглянул из-за края щита. Тихо, пусто, даже лошади застыли и насторожились.

Я обхватил Германика руками и, пригибаясь, потащил к калитке. Стражники расступились и помогли мне, подхватив его под колени. Прислоненный к стене дома Германик дергал горлом, словно глотал что-то, и изредка мычал. Кость над ухом цела, крови не видно... Оглушило...

А куда же делись ревнители?

Я оглянулся на цокот копыт. Цепочка всадников из набатейской алы огибала деревню, всматриваясь через полуразрушенную стену во дворы. Один мерно рысил и проезжал, за ним появлялся другой и так же

всматривался. Я понял, что они окружают деревню. Значит, разбойники спрятались где-то внутри нее.

Подъехал тот самый хитрый грек – Дарданий – и подозвал к пролому в стене декуриона-иудея.

– Четверо или пятеро... – расслышал я торопливый голос. – Ваш убил одного...

– Ну?.. Так где же?..

– Там... Лошадей бросили... Два коня по улице ходят...

– Где?.. Где они?.. Точно можешь сказать?..

– Вон... Крайний двор... – неуверенно указал рукой на север иудей. Дарданий, щурясь, всмотрелся и почему-то раздраженно переспросил:

– Точно крайний двор?

– М-м-м... Да...

Тут грек разглядел меня и дал знак приблизиться.

– Сколько их было?

Я не знал.

– Куда они спрятались?

Я лишь развел руками.

– Но ты ведь убил одного...

Я указал ему на сидящего у стены дома Германика, около которого уже склонились две женщины, хозяйки этого дома.

– А, этот...

Похоже, Дарданий не ожидал от Германика такой прыти.

– Ладно, – сказал он. – Принесите труп.

Прикрываясь щитами, мы выглянули на пустую улицу, подбежали к бездыханному разбойнику, подхватили его и быстро понесли. По дороге я еще прихватил брошенный skutum Германика.

Две лошади в полустадии от нас стояли у низкого забора и заглядывали в чей-то двор. Их отпугнули, они сделали полукруг и опять потянулись к этому забору. Я специально приотстал, чтоб рассмотреть все это и запомнить место.

Грек мельком глянул на труп, брошенный у стены, и удовлетворенно сказал:

– Все ближе и ближе...

– Они в крайнем дворе слева, с нашей стороны, – сказал я ему. – Лошади оттуда не отходят...

– Хорошо. Оставайтесь здесь. Будьте наготове, – и грек поворотил коня.

Я присел под забором напротив Германика и хлопочущих евреек и думал о двух лошадях парфянской породы. Мою лошадь вчера увел в город Араб. Да и жива ли она после ночных стычек? А что если подкрасться и увести из-под носа у разбойников этих двух лошадей? Они их сами отгоняют...

Решившись, я пошел к калитке, но иудей-декурион остановил меня окриком:

– Ждем здесь. Всем быть наготове, – и для большей убедительности добавил. – Приказ командования...

Делать нечего. Я подошел к Германику. Он еще не пришел в себя. Один солдат из местной стражи тоже подошел и присел около Германика, поправляя на нем завернувшуюся португеею меча.

– Я выпил у вас немного вина, добрые женщины, – сказал солдат по-гречески, протягивая им мелкую медную монету. – Возьмите... Этого маловато, но еще я вам дам совет, который стоит доброй сотни динариев.

Обе женщины оторвались от Германика и уставились на солдата и монетку в его руке.

– Здесь не прекрасная Эллада, даже не Сирия, здесь – Иудея. И если какой-нибудь ваш священник или даже он, – солдат указал взглядом на иудея-декуриона, – услышит то, что вы болтали о плотнике, ставшем Богом, вас побьют камнями. Засуньте ваши сорочьи языки себе в... одно место, а еще лучше – бегите отсюда куда-нибудь. Почему? Зная женский невинный ум, я уверен, что вы рано или поздно проболтаетесь. А тогда вам конец...

Он вложил монетку в руку ближайшей к нему женщины, поднялся, звякнув доспехами, и пошел к своим.

Проходя мимо меня, он почему-то приостановился и сказал мне,дохнув винным запахом:

– Никто не может быть ни всезнающим, ни всемогущим.

Женщины испуганно посмотрели ему вслед, потом друг на дружку и торопливо зашептались, поглядывая то на уходящего солдата, то на Германика, то на меня. Я тоже отошел от них к забору и стал ждать команды вместе с местными стражниками.

Ждали долго. Всадники, охватившие всю деревню растянутой цепочкой, ерзали на спинах своих лошадей. Солнце поднималось и начинало припекать. Лошади трясли гривами и обмахивались хвостами. Наконец, солдаты вступили в деревню и стали вычищать двор за двором, медленно двигаясь вдоль по улице. Правильно. Всех жителей надо убрать, чтоб не путались под ногами. И дворы проверить. Может, там с ночи кто-нибудь прячется. Откуда мы знаем? В авангарде во главе декурии медленно двигался сам римлянин. Рядом с ним я увидел Араба и преторианский конвой. В отличие от солдат декурии, все они ехали на лошадях и были хорошей мишенью.

Так они приблизились к занятому нами двору. Декурия остановилась, солдаты стали в две шеренги спиной к спине и присели, прикрывшись щитами. Еще одна декурия, пригнувшись, быстрым шагом прошла по улице вдоль забора, передний распахнул нашу калитку и они ступили во двор. Увидев нас, солдаты, как я увидел, немного растерялись, но их декурион повел подбородком в сторону евреек и сказал:

– Забираем...

Еврейки запричитали, одна взвизгнула, когда солдат подтолкнул ее древком. Германик застонал, замычал и протянул вслед за ними руки, как маленький ребенок. Но декурион стражников дважды пошевелил ладонью, словно сметал что-то, и сказал по-гречески:

– Быстрее... Быстрее...

И женщины, укрыв лица, понуро, но быстро пошли вдоль строя солдат вверх по улице, к выходу из деревни.

Два тусклых человека, закутанные в бурые плащи, занырнули во двор, о чем-то переговорили с декурионом-иудеем и скрылись в подвале. Один выглянул оттуда и сказал:

– Чисто. Можно выставлять пост...

Все делалось быстро, осторожно и аккуратно.

В верхней части деревни послышался шум, и я расслышал голос римлянина:

– Ага! Дарданий узнал кого-то...

Взбивая клубы пыли, прибежал кто-то в грязно-буrom плаще и заговорил со склонившимся римлянином. Тот выслушал, огляделся, поднял руку и сказал:

– Здесь остановимся. Декурия, приготовиться к бою.

Авангардная декурия сделала захождение, солдаты перестроились в две шеренги поперек улицы и опять присели за щитами.

Вскоре подъехал сам Дарданий. Они с римлянином спешились и отошли к калитке.

– Наши посты вокруг деревни на расстоянии броска. Но... по ним не бросают, не мечут камни, – заговорил Дарданий, понизив голос. – Видно, надеются, что их не найдут...

– Или ждут чего-то... – перебил римлянин.

Он подождал, глядя в сторону последнего двора, и криво усмехнулся:

– Значит, можно подойти к ним вплотную... Тебя что-то смущает? – обернулся он к Дарданию.

– Это дом Симона, прокаженного, – ответил тот. – После операции мы должны будем всех солдат, которые войдут в этот двор, выслать в отдаленную крепость, но предварительно убрать оттуда прежний гарнизон. Любой, кто прикоснется к ревнителем... Даже тот, кто будет развешивать их по столбам... Тоже...

Римлянин, слушая это, кривил рот то в одну, то в другую сторону.

– ...Они, наверное, и спрятались туда, чтоб мы не брали их живыми, – продолжал Дарданий. – Может, мы запалим двор и перебьем всех, кто выскочит из огня? Впрочем, я только предупреждаю тебя о последствиях операции...

– Люди пугают других, чтоб не бояться самим, – сказал римлянин.

Но по звучанию голоса я понял – римлянин теряет хладнокровие. Он не ожидал, что разбойники заломят за свою жизнь такую цену.

– Прокаженный... Почему ему разрешили жить здесь?..

Он во всем искал подвоха, не верил, искал...

– Его очистили.

– Как это?

– Помазали кровью животного мочку правого уха... – Дарданий говорил обо всем этом, как о заведомой глупости. Говорил о глупых деталях и показывал, что бессмысленно говорить о главном.

Прокаженный это прокаженный, и никто из наших легионеров не видел ни одного выздоровевшего.

И римлянин все это прекрасно понимал:

– Это враги Рима. От возмездия Рима их не спасет даже проказа. И мы сделаем все по закону...

Ясно, что решения его будут непродуманны. Может, додумается самому идти брать ревнителей и в конце концов получит кусок железа в голову.

Он помолчал, и все вокруг молчали. Вроде успокоился.

– Чистим эти два двора... Стоп! – он поднял руку и обернулся ко мне. – Эй, солдат! Пойди, приведи этих двух лошадей...

Что ж, лошади того стоили...

Небольшой круглый щит как раз прикрыл мне лицо, шею и грудь до пояса. А по ногам из-за забора целить трудно, приходится высовываться. На носках легким быстрым шагом, поглядывая в щель между шлемом и краем щита на осыпавшийся край неровного забора, я пошел. Правой рукой нащупал в сумке сухие фрукты.

Один конь понуро стоял у перекошенной выцветшей калитки, второй ходил вдоль стены и обнюхивал пыльные колючие травинки. Оба одновременно подняли головы и посмотрели в мою сторону. Если разбойники не спрятались где-нибудь в подвале, а наблюдают за улицей, для них это верный знак. Я пригнулся, прикрылся щитом сверху и побежал на носках вдоль забора, стараясь держаться к нему поближе. Ближайший конь отбежал от калитки на середину улицы, а сквозь жерди калитки на меня глянуло настороженное, сосредоточенное лицо. Я швырнул в это лицо сухие фрукты, которые сжимал в кулаке, и пробежал дальше. Ясно, что приманивать коней мне не дадут, придется все делать в движении, как в набеге.

Второй конь метнулся вдоль полуразрушенной стены, но дальше перед ним был угол и забор противоположного двора. Так или иначе, он повернул мне навстречу и прибавил ходу, чтоб проскочить мимо. Я успел забросить щит за спину и ухватиться за край седла. Несколько мгновений я волочился сбоку, потом собрался, оттолкнулся ногами, рванулся и оказался в седле. Сразу же толкнул этого коня на другого, а сам резко свесился, прикрываясь конем от возможного броска. По мне все же метнули камень из пращи. Я слышал дребезжащий посвист и затем щелчок камня о камень где-то в стороне. В следующий миг, поравнявшись с другим конем, я взметнулся и резко свесился с другой стороны, ухватил его за повод и так, прячась меж двух коней, пронесся мимо декурии, римлянина, Араба, преторианцев и Дардания. Не весть какой подвиг, но все-таки...

Когда я подъехал к римлянину на успокоившемся парфянском коне, держа в поводу второго, все еще ждали чего-то. Римлянин оглянулся на меня и сказал:

– Хороший солдат. Держи этих лошадей...

Пожалел меня, не захотел, чтоб я заходил во двор к прокаженному.

– Чистим эти два двора! Третья декурия, вперед!..

Двор, в который пошла декурия, примыкал к двору прокаженного. И стоило первым солдатам войти в калитку, как они заметили, стали вскидывать щиты, и кто-то крикнул:

– Они за забором...

– Декурии закрепиться во дворе, – приказал римлянин, и Секст поспешил к месту схватки.

По нему метнули камень. Я видел, как он резко поднял щит и пригнул голову. Наверно, успел разглядеть пращника до броска. Он прыгнул с лошади, перекинув ногу через конскую шею, и присел за забором.

– Закрепиться во дворе! – крикнул римлянин, словно напоминал Сексту. – Дарданий! – обернулся он к греку. – Бери декурию из нового манипула и заходи со стороны поля. Ударим с трех сторон – через забор, со стороны улицы и со стороны поля. Как будешь готов – сигнал трубы, и мы сразу же нападаем.

– Мы берем их живыми, – напомнил, отъезжая, Дарданий.

– Да, мы берем их живыми...

Вернулся, ведя коня в поводу, Секст.

– Закрепились. Забор невысокий... Одного, кажется, убили...

– Убили?..

– Он с пращей высунулся, замахивался, а солдат копьё метнул...

– Солдаты! – римлянин приподнялся над седлом. – Мы должны взять этих людей живыми. Это важные преступники, и мы должны их допросить... Иди, предупреди, – снова послал он Секста.

Тот, пригибаясь, пошел пешком, без коня, передал поводья Павлу.

– Надо проверить оставшиеся два двора, – напомнил Араб.

– Да, – согласился римлянин. – Четвертая декурия, вперед!

Солдаты, прикрываясь щитами, осторожно пошли в следующий двор с правой стороны улицы и вскоре вывели оттуда женщин, детей и двух взрослых мужчин.

– Туда... За первую декурию... – указал римлянин.

Прошло немного времени, и tuba cornea прозвучала с запада, из-за дворов, показывая, что свежая декурия подошла и готова к бою.

– Вперед! Приведите их живыми, – командовал римлянин.

Солдаты побежали по улице к калитке, мимо которой только что бегал я. Впереди их оказался Секст с обнаженным мечом. Он первым подбежал к калитке, распахнул ее, подался вперед, и тут его голова дернулась от удара, он рухнул, исчез за забором. За ним вломились во двор солдаты...

Римлянин, преторианцы, Араб и я тронули коней и шагом подъехали ко двору прокаженного. Когда десять солдат ловят одного разбойника, наше вмешательство излишне.

Декурион второй, авангардной, декурии вышел к калитке, вытирая кровь с разбитых губ, и доложил, что все, кто был во дворе, схвачены.

– Сколько их?

– Хозяин, два разбойника, еще один найден убитым...

– Наши потери?

– Четверо... – ответил декурион и снова отер кровь с подбородка.

– Проломите стену в сторону поля, – приказал римлянин изумленно поднявшему глаза декуриону. – Схваченных связать и вывести в поле. Декуриям, бравшим их, выйти туда же и построиться. Исполнять!..

Так же медленно и размеренно, двор за двором, солдаты стали выходить из деревни. Последней была снята первая декурия. Жителям разрешили вернуться в свои дома. Трем декуриям, захватывавшим двор прокаженного, приказано было разбить лагерь и ждать в нем распоряжений.

Каждого разбойника, по приказанию Дардания, связали двумя веревками. Люди Дардания взялись за длинные – в полтора пасса – концы, натянули их, и каждый ревнитель оказался посреди креста из натянутых веревок. Еще один подозрительный, пойманный Дарданием ранее, со связанными руками и петлей на шее встал впереди процессии.

Убитого во дворе разбойника Дарданий и римлянин рассмотрели, склоняясь с седел.

– Нет, – сказал Дарданий и отрицательно покачал головой.

– А эти? – указал римлянин на связанных.

– Да, это известные... – проговорил Дарданий. – Но... ни того, ни другого, – и он разочарованно развел руками.

– И Елезара среди них нет, – подвел итог римлянин. – Стоило уложить три декурии...

Прокаженного римлянин, болезненно морщась, отпустил, чтоб сидел у себя в разоренном дворе и ждал подаяний от сердобольных соседей. По поводу убитого ревнителя они долго совещались с Дарданием – отдать его родственникам или приказать оставляемым декуриям просто закопать его где-нибудь в поле.

Пока они договаривались, не с моря, как обычно, а с юга подкралась огромная синяя туча и непрерывный гул грома повис в воздухе. Туча стремительно расползлась по небу и из синей превращалась в обычную – серую с белыми окоемами. Воздух стал прохладным и резким, горько запахла листва деревьев. Первые легкие и теплые капли просеялись, подняв удушливый запах пыли с дороги. Вторая полоса косыми струями ударила и блеснула на камнях и ушла на север, и третья полоса превратилась в сплошное море. Стук крупных холодных струй по шлемам и плащам сменил сплошной гул грома.

– Так и вести... так и держать... никого не подпускать... – распорядился римлянин.

Сам он со всей наличной конницей собирался выступить к каким-то пещерам. И Дарданий с частью своих людей хотел ехать вместе с ним.

Едва прошел дождь, как с востока примчались какие-то набатейцы и, перебивая друг друга, рассказали, что на них напали неизвестные люди, многих убили и прогнали их от пещер.

Глава 23. Клавдия Прокула. XIII перед Календами

Марцелла не было сутки. За это время мы вдвоём наговорились с Андрофилой. Сначала она беспокоилась, хотя виду не подавала. Всего лишь один раз спросила:

– Это опасно?

Я рассказала ей, что для мужчин огромное удовольствие уехать куда-нибудь повоевать или поохотиться. Мы, римские женщины, тоже не отстаем от них. Когда мы с Пилатом были на германской границе, а потом в Иллирии, там бывали женщины, которые на коне около своего мужа присутствовали при учении, производили смотр и даже обращались к войскам с речью. Некоторые из них приобретали популярность в легионах, и я даже слышала, как один раз солдаты и офицеры скидывались, чтобы поставить статую жене своего командира...

А как же иначе? Как говорил любимый Пилатом Катон: «Во всем мире мужья повелевают женами, всем миром повелеваем мы, а нами повелевают наши жены».

– Ты должна сразу, раз и навсегда, показать ему, что он ни одно решение не может принять без твоего одобрения...

О браке гречанки с Марцеллом я говорила, как о деле давно решенном. В полумраке комнаты, когда слух обостряется, мои слова звучали очень убедительно. Она невольно оглядывалась на зеркало из полированной стали, пробегала глазами выстроенные в ряд коробочки и флакончики с мазями и притираниями, с духами и красками.

– Ты образованная, а он – солдафон... К несчастью... Ты знаешь людей, их характеры... Помнишь? «Юноши охотно слушают дурные советы».

Ничего этого она не помнила, да и не знала, чтобы помнить. Флакк, Тибулл, Проперций – для нее пустой звук. Хотя элегии одного из них и валяются на ее столике под статуэткой Купидона. Одно они знают и слушают с удовольствием:

...Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый искусства внеся...

– Ты научишь его делать карьеру. Он может натворить глупостей, поэтому вникай в каждую мелочь. Чтобы он ничего не скрывал от тебя...

Сергий Эквитор был балованным мальчишкой, сластолюбцем, тратил последнее. Но вряд ли он позволял этой женщине распоряжаться его деньгами.

– Он богат. Он может бездумно тратить деньги. Не позволяй этого, иначе пойдете по миру...

Насколько я понимала, Андрофила сама могла и любила бездумно тратить деньги. Но кто ж устоит перед соблазном запретить это делать мужу?

После полудня я все же заметила в ее поведении некое нетерпение. Так хмурится кошка, которая вежливо ждет, когда ее оставят в покое. Видно, она что-то решила, но со мной советоваться не будет...

Меня отвлекли, сказали, что этот торгаш из Рамафы просит принять его. Я согласилась. Иудей прошел по-над стеной, поглядывая на алые плащи солдат караулов – Пилат усилил охрану крепости, как только узнал о ночном столкновении с разбойниками.

В первой из внутренних комнат Иосиф опять разложил передо мной подарки. Одна старинная египетская чаша мне понравилась. Но мы под хмурыми взглядами двух солдат – Пилат с утра и ко мне приставил караул – заговорили о погоде, о недавнем дожде, освежившем окрестности.

Я гадала, с чем связан его приход: с денежными делами или с тем, что, по словам Пилата, Марцелл и Дарданий разогнали ночью каких-то разбойников и поставили вверх ногами всю блажайшую деревню в поисках разбежавшихся. Если иудей пришел из-за последних событий, то он как-то связан с разбойниками и с него надо брать беспощадно много.

– Этим утром из Филадельфии вышел караван с перцем, корицей и имбирем, госпожа, – начал Иосиф. – Этот товар хотят отправить в Кесарию, а оттуда морем в Лациум.

– Обычная транзитная торговля. Мы поощряем ее, – благосклонно сказала я.

– Торговцы провели караван из Индии, но боятся нападений местных разбойников, боятся восстания в самом Иерусалиме...

– Пусть не боятся, – ответила я. – Римская власть покровительствует честной торговле.

– Ты добра и проницательна. У тебя государственный ум, – сладким голосом сказал иудей. – Торговцы учитывают риски и готовы оплатить охрану каравана всадниками вспомогательной конницы. И сумма... приличная. Они боятся отказа и потому просят тебя похлопотать перед твоим супругом и передать деньги. Им главное – безопасно дойти до Кесарии.

– Когда они хотят там быть?

– Они хотели бы выступить из Иерусалима послезавтра утром. Они готовы добавить... за срочность...

– Подожди здесь. Этот человек будет тебя охранять.

Я посмотрела на солдата. Тот вытянулся и пристукнул кулаком по доспеху на груди. Второй пошел за мной, не отставая ни на шаг.

Пилат, настороженный и угрюмый, видимо, не ожидал меня. Он поморщился сразу, как только я вошла к нему.

– Что там еще?..

– Мне нужна ала набатейцев...

– Что-о?!

Конечно, сейчас конницу для охраны торговцев он не даст.

– Я хочу в Кесарию. Мне нужна охрана.

– Прямо сейчас? – он иронично развел руками, показывая всю несвоевременность моих требований.

– Послезавтра утром.

Конечно, всю правду придется ему рассказать. Но не сразу. Пусть покричит, привыкнет к мысли.

Я привела с десятков доводов, что мне надо срочно уезжать. Пилат сначала не понимал и твердил, что вот-вот будет восстание и не может вывести из Иудеи ни одной турмы, ни одной манипулы. Потом для него что-то дошло.

– Ты одна собираешься?

– Со мной поедет Андрофила, – сказала я, хотя та ничего не знала о моих планах. Впрочем, одна, без меня, она здесь не останется.

– А как же Марцелл? Сорвалось? – усмехнулся он.

– Со мной пойдет караван с товаром. С имбирем и перцем.

– Откуда он у тебя? – изумился Пилат.

– Он не мой. Мне платят за охрану, за сопровождение.

– Кто платит?

– Ты их не знаешь...

Хотя этот из Рамафы и просил передать деньги Пилату и «похлопотать перед супругом», я решила все, от начала и до конца, провести сама. И с деньгами тоже...

Пилат прошелся, не находя слов, даже вздохнул со стоном. Посто-ял у окна, сводя и разводя ладони.

– Ты понимаешь, что это измена? – спросил он, не оборачиваясь. – Ты понимаешь – каменным фаллосом тебя по башке! – что это измена? Коза безмозглая!.. – взревел он. – Тут мятеж, а эти просят тебя вывести конницу из Иудеи... За деньги!.. Не хватало еще, чтоб этот... узнал, – он затравленно выглянул из окна. – Кто просил? Имя!.. – резко обернулся он ко мне.

Я промолчала. Назвать посланца значило подорвать доверие ко мне всей этой клиентелы.

Я, конечно, ожидала крика, но обвинение в измене – это уже слишком. Тихим монотонным голосом я стала объяснять, что никакой измены нет, я просто возвращаюсь в Кесарию, а конница будет меня охранять.

Он не понизил голоса и на каждый мой довод отвечал криком, по-миная мою жадность, подземный мир и Стигийские болота.

– Перец! – кричал он. – Можжевельника им мало!..

Хорошо, что не бросился в мои покои искать посланца...

Привыкнув, что вокруг рабы, я как-то забыла, что за моей спиной стоит солдат, который все слышит, все понимает и, возможно, сегодня же все расскажет в казарме. Опомившись, я стала говорить не столько для Пилата, сколько для солдата.

– Мне надо в Кесарию... Я не прошу большого конвоя...

– Тебя возьмут в заложницы и будут предъявлять мне требования... Хоть чем-то ты думаешь?

Он оставался непреклонен.

– Вот уберется Марцелл... Если я раньше не уберусь... Тогда продолжишь свои махинации...

И это при солдате! Да, тут я в чем-то ошиблась.

Я не могла уйти, не сказав чего-нибудь обидного этому самовлюбленному типу.

– Ты мне молодость сгубил, – проникновенно сказала я.

Пилат словно ждал этой фразы. Он примирительно развел руками:

– Но я же не специально...

– Как это «не специально»?!..

Я сама испугалась своего вопля и оглянулась на солдата. Этот италик подкатил глаза и сжимал челюсти так, что ему весь рот перекошило. Видимо, чтоб не расхохотаться.

Я вернулась к Иосифу из Рамафы и сказала, что мой муж не может выделить им охрану. Ситуация не позволяет. Может быть, позже...

– Не расстраивайся, госпожа, – сказал он. – Наша жизнь заканчивается не завтра. Еще много чего будет...

Выпроводив иудея и немного отдышавшись, я решила зайти еще раз к Андрофиле, чтоб хоть как-то душу отвести.

Гречанка встегила меня спокойным и даже скучающим взглядом:

– Неприятности? – спросила она.

Видно, лицо меня выдало.

– Все пройдет, – ровным голосом проговорила красавица. – Что может быть приятнее тихих семейных радостей? Я вижу, ты счастлива со своим мужем. Он – настоящий римлянин...

Под вечер Марцелл вернулся. Они с этим проходимцем Дарданием сразу же направились к Пилату.

Глава 24. Марк Клавдий Марцелл Младший. Вечер того же дня

Свежий манипул и вся бывшая в наличии конница дошли до пещер и подобрали трупы двух набатейцев. Люди Дардания с охраной вошли в пещеры, обнаружили там следы пребывания многих людей и несколько запасных выходов. Разбойников не нашли.

Вечером в угловой комнате дворца Ирода совещались в самом узком кругу – Пилат, Марцелл и Дарданий. Традиционная ваза с фруктами – сейчас, весной, оранжерейными – стояла на столике меж кушеток. Дарданий сидел на одной из них и перебирал свитки. Усталый Марцелл оперся локтями в колени, свесил голову, что-то обдумывая. Лишь Пилат возлег, устроился поудобнее и отхлебнул вина, разведенного подсоленной водой. Видно, чувствовал себя хозяином положения – Марцелл возглавил операцию, Пилат ему не мешал, наоборот, предоставил солдат и фактически подчинил ему Дардания. А итог был неутешительным.

– Мы уложили целую декурию. И еще эти три... Не знаю, что с ними делать... – начал Пилат. – О каждой стычке я должен писать Вителлию, а о каждом убитом солдате докладывать непосредственно в Рим. Ну? Что писать будем?

– Пиши все, как есть, – сказал Марцелл.

Жизнь состоит не только из побед. А борьба с ревнителями тянется долго и еще затянется. Вителлия он не боялся и был настроен на длительную борьбу.

– Все это, безусловно, надо написать, прокуратор, – проговорил Дарданий. – Но еще надо добавить, –

чтоб не расстраивать Вителлия, – что восстание в Иерусалиме сорвано. Они планировали его на завтра, на день праздника, но мы его сорвали. Праздник завтра пройдет спокойно.

Поражение оборачивалось победой.

– «Спокойно»? Почему ты так уверен? – в голосе Пилата слышались нотки раздражения.

– Мы захватили их подземное логово и отобрали их лошадей. Чтоб восстановить силы, им нужно время. Мы захватили или перебили людей из ближайшего окружения Елеазара. Вот те, кого назвал префект, те, кто встречал Елеазара в Антиохии, – Дарданий достал из кучи свитков один и развернул его. – Димас из Галилеи – схвачен; Фесда из Иерихона – схвачен; Иосиф из Сихема – убит сегодня во время захвата этой шайки; Малхам сын Симона – убит позапрошлой ночью солдатом легиона «Галлика»... Его смерть, надо сказать, вывела нас на их логово в пещерах. Еще один – Матгафий сын Иосифа из Рамафы, тот, что бунтовал народ против изображений императора, – убит солдатом легиона «Галлика» сегодня утром. Елеазар остался без помощников.

– Самого Елеазара мы упустили, – вздохнул Марцелл. – Кстати... Почему ты был так уверен, что он в деревне?

– Он был в деревне, – упрямо проговорил Дарданий. – Просто, как ты правильно говоришь, префект, мы упустили его.

– Тебе донесли лазутчики?

– Ушам я доверяю меньше, чем глазам, – помолчав, сказал Дарданий. – И ты это тоже увидишь, префект.

– Бросьте ваши загадки, – вмешался Пилат. – А если они все же попытаются войти завтра в город?

– Им надо где-то собраться, прокуратор, – начал объяснять Дарданий. – Скорее всего, это Кумран. Там нет нашего гарнизона. Если они пойдут оттуда, то наткнутся на наш манипул у пещер. Мы оставили его там. Потом... Они... не подготовлены... Им нужны эти женщины. Но женщины под нашей охраной. Храмовая стража стоит в самой деревне, а три декурии – лагерем в поле у деревни...

– Женщины? Еще загадки... – буркнул Пилат.

– Зачем им эти женщины, Дарданий? – спросил Марцелл. – Ты все время следишь за ними...

– Да, – кивнул грек. – Я слежу за ними. Они очень много знают. Чего-то... – он пошевелил пальцами, словно считал монеты. – И люди доверяют им...

– Зачем они ревнителям?

– Насколько я понимаю, эти женщины говорят всем, что Машиах приходил и они видели его. А ревнители говорят всем, что Машиах придет с ними. И им надо...

– Чтобы женщины сказали, что Машиах ревнителей – настоящий, – догадался Марцелл.

– Да.

– Значит, все только откладывается, – вздохнул Пилат. – Проклятая страна... – он вскинул голову, словно проснулся. – Им нужно время... Мы не должны дать им этого времени. Вырвите из схваченных все, что можно. Послезавтра мы их повесим, а до этого они должны сказать правду. Где – о, бессмертные боги! – скрывается этот Елеазар?..

– Вителлий ждет войска. И с деньгами ничего не ясно... – напомнил Марцелл.

– Деньги, насколько мне известно, они еще не получили, – успокоил Дарданий.

Они еще поговорили о том, в каких выражениях писать донесение Вителлию и когда обещать прислать войска из Иудеи. Марцелл все ниже и ниже клонил голову, засыпал прямо на глазах. Но вот он вскинулся подобно Пилату:

– Да, мы не должны терять времени... Надо допросить схваченных разбойников. Дарданий, где они?

– В здании казармы, в подвале, связаны. Охране запрещено выпустить их из виду...

– Пошли...

Не попрощавшись с Пилатом, Марцелл поднялся и твердым шагом направился к выходу. Дарданий поспешил за ним, обменявшись взглядом с прокуратором.

На площади перед дворцом он догнал Марцелла и сказал:

– Ты вторые сутки на ногах, префект. Надо отдохнуть. Я объясню своим помощникам, что спрашивать, и сам пойду спать. У нас хороший квестариус. Утром мы будем знать все, что знают эти разбойники. И потом... Они были в доме прокаженного...

Марцелл замедлил шаг. Присутствовать при допросе и пытках ему не хотелось. Прав Дарданий. Надо отдохнуть. Одна неразрешимая загадка не давала ему успокоиться, иначе он давно ушел бы спать.

– Почему ты так уверен, что Елеазар был в деревне? А если был, как он ушел от нас?

- Хорошо. Я все расскажу и даже покажу тебе...
- Почему в деревне? Почему не в подземном лагере?
- Мы шли в казарму. Давай дойдем, и ты увидишь...

В просторном помещении, которое солдаты называли атриумом, на низком помосте лежали четыре убитых. Крайним, чуть в отдалении от остальных, лежал Секст.

- Ты видел Секста во время штурма двора прокаженного, префект?
- Да...
- Как он был ранен? Где эта рана?
- Он был ранен снарядом из пращи... – Марцелл запнулся, вспоминая. – От удара у него дернулась голова...
- Где же эта рана, префект? – Дарданий склонился над чистым лицом убитого преторианца.
- Не понимаю...
- Снаряд от пращи попал ему точно в затылок. А на солдате был парадный легкий шлем. На затылке даже крови нет. Небольшая вмятина...
- В него метнули снаряд с противоположной стороны улицы, – понял Марцелл. – Но откуда известно, что это Елеазар?
- Мне сообщили, – коротко ответил Дарданий.
- Как же он ушел?
- Мы увлеклись боем. Мы не проверили и не заняли последний двор справа от дороги. Мы заняли, но не проверили предпоследний двор слева от дороги. Мы заняли и обыскали предпоследний двор справа от дороги, но я не осмотрел жителей...
- Камень в Секста метнули...
- ...из последнего двора справа. Я понял это, когда осмотрел убитых. Уже вечером...
- Надо было предусмотреть...
- К сожалению, у меня всего пять чувств. Больше пяти чувств у мудрецов, богов и... животных, – сказал Дарданий.
- Мне надо было предусмотреть... Как много ошибок, – Марцелл потер затылок и всей ладонью отер лицо. – Непростительных... Мы разделили наши силы. Не догадались, что есть выходы из подземелья, и подставили под удар набатейцев...
- К сожалению, ревнители не согласуют свои действия с нашими планами, – устало сказал Дарданий. – Они вечно задают мне загадки,

как Сфинкс Эдипу, а я их отгадываю. Или при помощи железа заставляю их подсказать мне правильный ответ. Уверен, что завтра мы будем знать больше, чем сегодня.

Спал Марк Клавдий Марцелл недолго, и сны его были противоречивы и обрывисты. На рассвете он проснулся и подумал: «Дарданий знал заранее, что Елеазар в деревне. И меня убеждал. Но он перестал искать его, как только мы схватили тех двоих разбойников. Он дал ему уйти. Почему?» Он вспомнил рассуждения грека, что лучше уступить Парфии Иудею и тем самым спасти Империю. «Он не хочет ловить Елеазара, – подумал Марцелл. – Измена...» Но об измене думать не хотелось. Да и жаль было бы, если б Дарданий оказался изменником. Он не спасал Елеазара, он всю операцию по захвату отдал под командование Марцелла. Он был радостен, азартен... Он настаивал, что Елеазар в деревне... Но мысль, что Дарданий сознательно дал Елеазару возможность уйти, не оставляла римлянина.

Потом он вспомнил о странном совпадении имен. Одного Елеазара ищут, второй сидит в подвале, но тот второй – идейный враг первого. И еще было одно странное совпадение имен... «Дарданий ни разу не вспомнил о Сыне Отца... Где он?.. Прятался в пещере?..»

Потом он стал тщательно подсчитывать в уме все потери, понесенные во время осады пещер и во время захвата деревни. Вспомнил о тридцати солдатах, побывавших во дворе прокаженного... «Кстати... На его лице я не заметил следов проказы... И те так смело заскочили к нему...»

Под окнами, перебивая пенье птиц, звенела сбруя и фыркали лошади – Пилат приказал дополнительно ввести в город две турмы набатейской конницы.

Наутро праздник начался и протекал спокойно, как и предсказывал Дарданий. Сам грек не показывался в официуме у Пилата, с утра проводил расследование. Пилат и Марцелл в доспехах и плащах, но без шлемов, стояли под колоннадой среди центурионов, вслушивались в шумы, долетавшие с противоположной части города.

Пилат время от времени подносил к лицу белоснежную тряпицу, смоченную в благовониях, – со стороны Храма жаркие порывы ветра наносили запах крови, мяса, сала и навоза. К вечеру запахи обещали стать нестерпимыми.

Дарданий появился ближе к полудню и скромно встал позади воинов, сверкавших доспехами.

– Что же он нас не пугает? Или Елеазара поймал? – фыркнул Пилат.

Марцелл видел, что прокуратор не доволен ни спокойным протеканием праздника, ни поимкой главных ревнителей. Войска наготове, он сам – готов, вот если бы сейчас кто-нибудь напал и убил хотя бы одного солдата!..

– Пойду узнаю, что скажет начальник стражи, – предупредил Марцелл. Дарданий при его приближении развел руками:

– Ничего нового, префект. Много говорить и много сказать не есть одно и то же. Они назвали нам места, куда будет бежать Елеазар в случае поражения. Но куда он побежал, они не знают. Более того, многие из этих мест вне нашей с Пилатом юрисдикции, и схватить там мятежников можешь только ты от имени Вителлия.

– Где же это?

– О! Вплоть до Кесарии Филипповой...

– А Сын Отца?

– Этот, видимо, еще прошлой ночью ушел из подземного лагеря за Иордан.

«Он хочет выдавить меня из Иудеи, – подумал Марцелл. – Что-то не так».

– Что ты собираешься делать, Дарданий?

– Сегодня и завтра мы продумаем и составим подробный план проверки всех названных мест. Послезавтра начнем поиски. Сначала обыщем все в ближайших окрестностях, потом – дальше. Наши поиски будут удаляться от Иерусалима, как круги по воде, от места, куда упал камень. Когда мы выйдем к границам Иудеи, пошлем Вителлию сообщение, что можно забирать Десятый легион, а тебе я передам все сведения о лагерях ревнителей вне Иудеи.

– Почему ты хочешь начать поиски послезавтра?

– Завтра день более опасный, чем сегодня. Сегодня они поют и молятся, а завтра обедаются и перепьются. Завтра здесь все может вспыхнуть совсем случайно, без всякой подготовки.

«Они нашли деньги, – подумал Марцелл. – Поэтому они и выставляют меня из Иудеи». Особенно его раздражало, что Дарданий заговорил о составлении подробного плана. Конечно же, без плана действовать невозможно. «Дарданий почувствовал мою слабость – делать все по плану. Он подыгрывает мне, чтоб усыпить бдительность и отправить меня отсюда планомерно прочесывать деревни до самой Антиохии». Но вслух префект сказал:

– Хорошо. Не будем терять времени. Идем составлять план.

Глава 25. Клавдия. IV перед Календами

Как бы ни складывались отношения у меня с Пилатом, но прощальный вечер с Клавдием Марцеллом – дело чести.

После разговора Дардания с моим родственником он еще дней десять метался по окраинам Иерусалима, но потом вдруг не захотел ждать лишний день, сказал, что ему надо немедленно скакать в Кесарию и преследовать уцелевших разбойников и их главаря по горячим следам. Я так и не поняла, почему он хочет искать их там.

Я предложила собраться сегодня прямо среди колонн у широкой лестницы, ведущей в парк.

После срыва выступления местных мятежников мы вольготнее чувствовали себя в крепости, и во дворце Ирода, и в парке за дворцом.

Андрофила весь день не показывалась. Я слышала, как она ругала и наказывала кого-то из рабов, чего-то от них требовала. Из своих покоев она показалась на несколько мгновений, куда-то услала раба и застыла, как замеревшая вспышка молнии, гневная и величественная.

– Ты серьезна, – сказала я ей. – Из тебя легче высесть огонь, чем улыбку.

Улыбку... Я вспомнила, что ни разу не слышала ее смеха.

Она словно нехотя улыбнулась и исчезла.

Пилат, собираясь, казался напряженным. Я не удивилась бы, увидев, что он надевает под тогу кольчужный доспех. Он обещал, что мои требования станет исполнять, когда уедет Марцелл. Хорошо, префект уезжает... Конечно, Пилат чувствует, что тот уезжает

неудовлетворенный, что-то подозревающий. Дружба кончается там, где начинается недоверие. И нет врага более жестокого, чем прежний друг. И ни Пилат, ни Марцелл не понимают до конца, что творится, во что они втянуты. Поэтому они пока что будут терпеть друг друга.

Но напряжение сказывалось. Одеваясь, Пилат бурчал, что обжорство сгубило людей больше, чем меч. Потом грустно вздохнул:

– По вечерам за вином мы бываем людьми, но как только утро наступит, опять звери друг другу мы все.

Где это он наслышался?

В назначенное время, в конце 1-й стражи, мы прилегли на кушетки под колоннами. Ах, это не были наши традиционные каменные лежанки под тенью виноградных лоз! Что поделаешь, мы в походе... Андрофила появилась в великолепных белых одеждах, расшитых жемчугом и золотыми нитями. Рабы зажгли факелы. Колонны осветились, парк же утонул в черно-зеленом мраке. Языки пламени раздергивались под теплым ветром. Куски огня, казалось, улетали в черную глубину сада, тонули в ней.

Я боялась излишней торопливости. Но у глупцов язык всегда опережает мысль.

Отведав лесбосского, Пилат вдруг спросил:

– Марцелл, а что это за история с твоей неудачной женитьбой?

Ну, зачем? Мы ведь уже говорили об этом, как только он приехал...

– Не может быть неудачным то, чего нет или не было, – попытался отшутиться префект.

Насторожившаяся Андрофила посматривала на него с явным любопытством.

Марцелл молчал, лишь слегка прищурился, это выдавало его раздражение. Зато Пилат пустился в рассуждения, стал повторять чужие мысли. Временами мой супруг кажется мне удручающе глупым, хотя иногда я с удивлением замечаю в нем практическую сметку.

– Я слышал, что ты сватался к женщине очень и очень богатой. Зачем тебе это? Ты и сам богат...

Эти сведения и этот разговор я приберегала для другого времени...

– Нет ничего невыносимее богатой женщины, – продолжал Пилат. – Сколько спеси... Сколько высокомерия...

Этакий задорный пьянчуга!..

Андрофила скущающе молчала. Ну, Андрофиле богатство только снится. Хотя интересно, сколько ей все же Эквитор оставил?

– Жен добродетельных нет, а если какую и встретишь, все же невежливо, как злом обернется добро, – воздевая чашу, возгласил Пилат.

Уж не на меня ли дорогой супруг намекает? Нет, просто его понесло по кочкам. И замолчит он, когда не сможет владеть языком.

Я дала знак рабу-номенклатору, он приблизился. Я тихо назвала фалернское. Он метнулся в сторону кухни. Подобострастная паника прислуги всегда доставляет мне удовольствие.

Чтобы заставить Пилата замолчать, я нарушила сложившуюся традицию и спросила Марцелла, поймал ли он разбойников и нашел ли деньги. Именно за этим он приехал сюда.

Марцелл вздохнул:

– Нет. Кружусь на месте, как муха с оторванными крыльями.

– Ты сорвал им выступление, – вмешался Пилат. – Жаль, что ты завтра рано уезжаешь и не увидишь суд над разбойниками и их казнь. Справедливость есть высшая из всех добродетелей, – назидательно поднял он палец.

Андрофила словно проснулась, она пристальным взглядом подозвала рабыню и что-то прошептала ей. Та метнулась в темноту парка.

Все время излиятий моего дорогого супруга гречанка мраморной статуей смотрела перед собой и молчала, чем несказанно раздражала прокуратора и подбивала на все новые словоизвержения. Теперь она слегка потянулась, прогибая спину, коснулась полудетскими губами края позолоченной чаши – очень смелый жест по нашим обычаям – и ровным звучным голосом негромко произнесла:

– Справедливость заключается в том, чтобы воздать каждому свое.

Если женщина начала говорить фразами из римского права, все, что требуется мужчинам – запастись терпением.

Пилат смолк и уставился на нее, не понимая, спорит она или, наоборот, поддерживает его. И Марцелл, которого она хладнокровно вождела, смотрел на нее с не меньшим вниманием и, кажется, даже с удивлением.

– Да, – наконец хрипло сказал Пилат. – Завтра они получают свое. И жаль, что ты этого не увидишь. Ведь это ты их поймал...

Марцелл чуть покривился, как бы говоря: «А, пустое...» Но из слов Пилата вытекало, что он герой, более того – скромный герой.

Это слово не было произнесено, но про себя кое-кто его повторил, и оно всплыло в неподходящий момент.

Пилат, который не мог успокоиться, опять начал подтрунивать над греками, чем вновь обратил гречанку в мраморную фигуру с непроницаемым лицом. Объявив, что все греки – чернобородые убийцы и плаксивые шлюхи, но не взволновав этим прелестной груди красавицы-гречанки, он решил ударить по больному – по деньгам.

Не осталось ли у Сергия Эквитора родственников, претендующих на его наследство или хотя бы на его часть?

Поскольку вопрос обращался непосредственно к ней, Андрофила не могла его проигнорировать, и она тем же ровным голосом ответила, что – да! – были двое, но по чудесному совпадению они умерли в один день, не дожив до героического слабоумия.

«Чудесное совпадение» и «героическое слабоумие» потрясли Пилата, его просто прорвало, он расхохотался, запрокидывая голову, подавился собственной слюной, закашлялся, стал запивать вином, поперхнулся повторно и по-настоящему, фиолетовые брызги вылетели из его рта и носа, и он зашелся в бесконечном, сотрясающем его кашле.

Глядя на него, мы с Марцеллом тоже посмеялись, показывая, что, как и Пилат, оценили шутку Андрофилы. Она несколько встревожено понаблюдала за бушующим прокуратором, но успокоилась, глядя на нас, и поняла ситуацию – она пошутила, и мы все смеемся. Пилат, впрочем, немного несдержанно.

Со стоном отдышавшись и вытерев слезы на глазах, прокуратор, уже достаточно нагрузившийся лесбосским, опять принялся за Марцелла и богатых женщин. Теперь он упирал на чувство любви, но понимал любовь как-то по-своему.

– Жену надо любить не чувством, а рассудком...

Интересно, откуда это он взял?

Выждав момент, я тихо сказала Марцеллу:

– Не влюбляйся в женщин – женщина презирает влюбленных.

Ах, все это была игра в слова. Мы хвалились своей холодностью, презрением к чувствам. И тот же Марцелл подключился к этому фонтану красивых и даже остроумных замечаний:

– Нет утраты болезненней и кратковременней, чем утрата любимой женщины...

– Ты испытал это? – спросила я, но тихо.

– Я любил, и меня любили, но это никогда не совпадало по времени, – ответил Марцелл, улыбнувшись, но какая-то нотка в его голосе показала, что вопрос пробился сквозь доспех бравяды и хвастовства, которым обычно прикрываются мужчины на таких пирушках.

– Не влюбляйся, – повторила я. – Не в этот раз... *Latet anguis in herba...*¹

Он промолчал и внимательно посмотрел на меня, но вино делало свое дело, и в скользнувшей улыбке я прочитала его мысль: «Завидуешь?»

Так мы болтали и веселились до конца 2-й стражи. Потом рабы принесли воду с миррой и иссопом для омовения, и мы стали расходиться. Марцелл и Андрофила приотстали, и я расслышала позади ее вопрос: «Кто это так красиво поет? Что за птица?»

Пилат, прущий вперед, как карфагенский боевой слон, подхватил меня под руку, но я толкнула его в грудь обеими руками и уклонилась в сторону своих покоев. Он покачнулся, но недогнувшей рукой зацепил одну из моих рабынь, Дафну, и потащил за собой. Та, негодница, даже не вырывалась и трусила вслед за ним чуть ли не вприпрыжку. Я подумала, что завтра же отошлю эту тварь в Лациум, в наше имение, гусей пасти или рабов обстирывать.

Служанки начали меня раздевать и готовить ко сну, уже сняли тунику, но я вспомнила, велела подать мне накидку и, прихватив с собой одну из девушек, поспешила на коллонаду.

Рабы убирали столики и кушетки, уносили посуду.

– Префект? – тихо спросила я одного.

Он указал глазами на парк.

Парк был тёмен и тих. Стража стояла снаружи стен. За деревьями я рассмотрела какую-то серую, тускло мерцающую махину. Это оказалась большая подсвеченная изнутри палатка. Что-то вроде солдатской табернакулы человек на восемь. Так вот куда она своих рабов посылала! Да, все свои амурные дела эта гречанка обставляла вполне солидно.

По краям палатки виднелись две рослые фигуры. По очертаниям я угадала рабов Андрофилы. Они пошевелились, но не посмели приблизиться ко мне или предупредить хозяйку. И я не двигалась. Мне

¹ В траве прячется змея.

и так было все слышно, а кое-что и видно. Это когда кто-нибудь в палатке заслонял собой светильник, и на розовато-серой стене отпечатывалась тень.

От непонятого волнения у меня шумело в ушах. Но я все же слышала женский смешок, и голос Андрофилы произнес слова «грязный развратник». Шум в ушах мешался с шорохом и шушуканьем, потом шушуканье смолкло, лишь Андрофила тихо и размеренно постанывала. Я смотрела на стену палатки и на рабов. Те посматривали на меня и тоже на стены палатки, но уже со своей стороны. Светильник, как я поняла, стоял между любовным ложем и ближайшей ко мне стеной, поэтому я не наблюдала ни одной движущейся тени. Все зрелище досталось этим двум верзилам, немцу и черномазому.

– Милый, только не в меня... Лучше на спину... – ясно расслышала я голос гречанки, и через минуту стонов и сопения. – Вот ты умничка!..

Я повернулась и заторопилась из сада.

Не знаю, когда они перебрались в покои Марцелла, но утром нежно-непреклонная Андрофила выступила из них хозяйкой.

Я как раз отчитывала Пилата за вчерашний пьяный разврат, а он огрызнулся, ссылаясь, как обычно, на Катона и на римское право:

– В том, что я сплю с другими, нет ничего страшного, только хватит выспрашивать у меня детали и читать мне нотации... Ладно... Помолчи... Ты вольна поступать так же, я тебе не запрещаю.

Тут он понял, что перебрал и запнулся. Но, чтобы последнее слово осталось за ним, он придумал себе оправдание.

– Наоборот, меня возбуждает мысль, что тебя добиваются другие...

– Ах, так!..

Но тут прибежал дежурный центурион и доложил, что префект Марк Клавдий Марцелл отбывает. Надо было идти прощаться.

Глава 26. **Зенон, раб Марка Клавдия Марцелла. Венералии (Календы, посвященные Венере Обращающей сердца). Праздник фортуны Вирилис**

Табулариум в Кесарии стал для меня местом душевного отдохновения и познавательного вдохновения. Когда непонятные неискушенному человеку черные значки на свитке складываются знатоком в слова, уже ощущается некая волнующая радость, а когда слова сливаются в складное повествование и вдруг, помимо твоей воли, возникают образы, живые картины... где-то внутри тебя... О!.. Трудно слова подобрать...

Все документы провинции хранились в сухом прохладном помещении, называемом по-гречески номофилакией. Управлял всем вольноотпущенник, эллин, как и я. Позже я узнал, что он служил здесь со времен прокуратора Колония. Здесь и состарился. Звали его Стратоник.

Я передал ему грамоту от Марцелла и от себя сказал: – Мне нужны все свитки переписи Квиринаия. Мы ищем Елеазара. Я должен знать все о его родне, о его односельчанах.

Стратоник близоруко склонился над грамотой, его седые волосы свесились над фиолетовой налобной повязкой.

– Какой длинный кружной путь, – пробормотал он и, подняв голову, усмехнулся мне в лицо. – Неужели Дарданий до сих пор всего этого не знает?

– У меня приказ моего хозяина – Марка Клавдия Марцелла, – ответил я как можно спокойнее и вежливее. – Мне неизвестно, что знает, а чего не знает тайная стража Иудеи.

Он снова усмехнулся, но уже опустив глаза, и сказал:

– Ты получишь все свитки. Работы будет много. Вот за этим столом в углу тебе будет удобно.

Каждое утро два служителя приносили кучу свитков и вываливали ее передо мной на стол. Я начинал изучать их, отбирая с края по одному, выискивая и выписывая всех мальчиков по имени Елеазар, а заодно их ближайшую и дальнюю родню. Слава бессмертным богам, что имя Елеазар встречалось не так часто. Просмотренные и переписанные свитки я откладывал, а молодой писец, специально приставленный ко мне, подбирал их и складывал в разные ящички по одному ему известной системе.

Также каждым утром Стратоник являлся в номофилакию в сопровождении трех-четырёх писцов, которые усаживались переписывать подлинные договоры и разные документы, поступившие из Рима и из разных углов провинции, – все, что требовалось для официума прокуратора. С отъездом Пилата в Иерусалим работа в Кесарии не прекращалась ни на мгновение – налоги собирались, дороги ремонтировались, водопроводы проводились, преступники ловились и наказывались.

Наладив работу писцов, Стратоник садился неподалеку от меня и тоже что-то списывал и выписывал. Я обращался к нему за помощью, и не обязательно по поводу очередного Елеазара. Много в переписи было непонятно и интересно. Видимо, номофилаку понравилась моя любознательность. Он подробно мне все объяснял и делал остроумные замечания. Засидевшись, мы вставали размяться, и Стратоник водил меня по зданию и показывал особые ящички, в которых хранились какие-то глиняные обожженные таблички с непонятными знаками и странные на вид свитки, называемые «папирусом». Это все осталось от прежних властей этой земли и, как считал Стратоник, не имело цены, то есть было бесценно.

Иногда он, как бы невзначай, спрашивал меня о том, как Пилат и Марцелл искали и ловили ревнителей, усмехался и качал головой. Как-то он сказал:

– Один скиф, попав к нам, очень удивлялся тому, что на советах и в собраниях у нас говорят мудрецы, а дела решают невежды. Похоже, что с тех пор у нас ничего не изменилось.

Я спросил, что, по его мнению, Марцелл и Дарданий делают не так. О Пилате я не спрашивал, мне казалось, что Пилат в поисках не участвует, просто ждет, когда его отзовут в Рим.

– Тебя или такого же, как ты, человека надо было прислать сюда, как только началось движение ревнителей, – ответил Стратоник, склонив голову с фиолетовой повязкой. – Жаль только, сведения, добытые тобой, будут использованы для взятия заложников, людей, которые обычно ни в чем не виноваты. Как сказал Демокрит: «Добром можно пользоваться, если кто захочет, во зло». Не зря иудеи рассказывают, что царь Давид уже пытался переписать народ, но началась чума и ангел простер огненный меч над Иерусалимом...

На другой день во время очередной прогулки по дальним углам номофилакии он сказал мне:

– Ты ведь ищешь не только Елеазара. Ты выписываешь и другие имена...

Я поколебался, но этот старик давно стал мне симпатичен, и я сказал правду:

– Елеазара я ищу по общему решению Марцелла, Пилата и Дардания. Но сверх того Марцелл передал мне список из пяти имен – и я протянул копию списка Стратонику.

– Димас из Галилеи, – стал читать он, – Фесда из Иерихона, Иосиф из Сихема... ну, этих найти легко, место указано; Малхам сын Симона – тоже не сложно. Сын Отца... точное имя не известно... Иешуа... возможно... С этим будет сложнее... – и он вернул мне список.

Еще один день прошел. Утром Стратоник сам принес мне свиток, не похожий на другие:

– Это списано и переведено на греческий с древней иудейской рукописи.

– Давно?

– Лет двести или триста назад. Здесь описаны деяния некоего Иешуа – Иисуса. Описаны те земли, на которые претендуют иудеи, и места расселения их родов.

Я поблагодарил Стратоника и начал читать. Названия земель мне ничего не говорили, но упоминание рек – Иордана и Евфрата –

показывало, что добрая половина описываемых земель давно отошла к Парфии. Видимо, все это было написано очень давно, возможно, до начала Олимпийских игр. Тем не менее я увлекся и прочитал все до конца. Этот Иисус оказался очень свирепым полководцем и мог делать нечто, непосильное богам, даже ход солнца мог остановить

– Это, конечно, не твой Иешуа, – сказал Стратоник, когда я возвратил ему свиток.

– А как называют эту рукопись?

– Септуагинта.

– А есть у них что-нибудь, похожее на «Илиаду»? – спросил я.

– Нет. Это не поэтический народ, – ответил он. – Есть кое-какие любовные стишки... Но в основном – хроники, которые кажутся им нравоучительными или доказывают величие их народа.

– Величие?

– О, да, – усмехнулся он. – Нам, элинам, и... этим... – он указал глазами на потолок, – смешно слышать об этом. Но этот сброд бесчестных торгашей претендует на величие.

Я задумался. Чтобы узнать все об этом народе, надо изучать их хроники и их документы, а не те списки, что составлены нашими людьми при Квиринии. Но... я не знаю их языка...

Я поделился своими мыслями со Стратоником. Он согласился:

– Ты прав. Именно поэтому мои писцы по очереди занимаются сверхурочной работой, переводят на греческий и на латынь некоторые их рукописи. Вот, кстати, еще об одном Иешуа...

Переводя этот текст, писец старался сохранить стиль оригинала: «В канун Пасхи повесили Йешу Ганоцри. И Глашатай выходил перед ним сорок дней и говорил, что Йешу Ганоцри был забран за то, что колдовал, соблазнял и отвращал от Израиля. Всякий, кто знает ему оправдание, пусть придет и научит. Но не нашли ему оправдания и повесили его в канун Пасхи».

Я раздвинул груды свитков, развернул рукопись на столе и внимательно вчитался еще раз в каждое слово. Стратоник стоял рядом и тоже рассматривал документ.

«Колдовал, соблазнял и отвращал» – это, бесспорно, о том Иешуа, которого мы ищем. Но выходит, что его уже казнили. Тогда причем здесь глашатай и сорок дней? Или его казнили сами иудеи?

– Скажи, Стратоник, как и за что казнят иудеи?

– У иудеев четыре вида наказания: камни, удушение, вливание металла в горло, меч, – монотонно перечислил Стратоник. – За богохульство – камни. За колдовство – удушение.

Но этого повесили. Вешают и ждут, когда человек умрет, римляне. Жестокий народ... Да и иудеи с их камнями... У меня передернулись плечи.

– А что значит «Ганоцри»?

– Правильно, – довольным тоном сказал Стратоник. – Начало образования состоит в исследовании слов. Я вижу здесь два толкования. Есть слово «ноцрей» – хранитель. Но, возможно, это просто уроженец деревни Ноцри. Есть такая на севере Галилеи, от Иерусалима примерно 800 стадий. Небольшая, семей двадцать – двадцать пять.

– Когда же это было?

– О, давно, – Стратоник даже рукой безнадежно махнул. – Это было во времена Гая Мария, когда тот боролся с Суллой за власть. Здесь было восстание фарисеев против царя Александра Яная из дома Хасмонеев. Александр восстание подавил и восемьсот фарисеев повесил на крестах. За это его называли «фракиец» – дикарь. Всего он убил пятьдесят тысяч...

Гай Марий, Сулла... Более ста лет тому назад...

В этот день я нашел опись имущества некоей семьи из Сихема, в которой был мальчик Иосиф, и тщательно переписал всех членов этой семьи, а также нашел некоего Симона, у которого в описи значился новорожденный сын Малхам.

Вечером я, исполненный уважения и благодарности, проводил Стратоника по аллее до его жилища. Он жил в одном из подсобных помещений дворца. Мне отвели такое же помещение, но в другом крыле.

– У тебя много работы, – сказал я ему. – А чем же ты занимаешься в свободное время? Мне кажется, что и дома ты сидишь над какими-нибудь рукописями.

– Я изучаю поэзию. Аристотель сказал, что поэзия более философична и серьезна как наука, чем история.

– Поэзию? – удивился я.

– Ты вспомнил «Илиаду», – ответил он мне. – Хорошо ли ты помнишь это творение?

Я с гордостью ответил, что помню это бессмертное творение очень хорошо.

– Напомни мне, кто и как ранил Диомеда до того, как начался бой за корабли?

Я напряг свою память. Александр, супруг Елены, прятался за могильным памятником и выстрелил в Диомеда, когда тот снимал доспехи с поверженного им воина. Стрела Александра пронзила Диомеду пятку на правой ноге. И я, гордясь собой, поведал все это Стратонику.

Он удовлетворенно кивнул:

– А как погиб Ахиллес?

– Александр...

– Да, Александр попал ему стрелой в пятку. Такое вот странное совпадение. Вот этим я и занимаюсь в свободное время, – с каким-то облегчением вздохнул Стратоник. – И поверь мне, Зенон, что это гораздо интереснее, чем выискивать иудейских разбойников, роясь в описи их убогого имущества.

– А как же ты объясняешь совпадение со стрелой Александра?

– Есть бродячие сюжеты. Я их так и называю – «бродячие сюжеты»...

Мы дошли до конца аллеи и повернули обратно. Стратоник рассказывал, я ловил каждое слово, хотя далеко не все было мне понятно. Я считал, что в «Илиаде» все события – истинная правда. Ведь многие наши мужи считали своими предками героев Троянской войны и гордились таким родством.

Я поведал о своих сомнениях Стратонику, и он ответил:

– Конечно же, внутренности, вылившиеся на песок из распоротого живота, это – истинная правда. Правда любой войны. Но бессмертные боги, пострадавшие от копья героя... Знаешь ли ты, Зенон, что такое творчество? Это перенос наших фантазий на наши воспоминания...

Тут на аллее я увидел одного из солдат моего конвоя. Обычно они сутками спали в отведенном им помещении, но этот торопился, и за ним я разглядел Павла в высоком преторианском шлеме.

Солдат подбежал к нам и, указывая на меня пальцем, сказал Павлу:

– Вот он.

– Боюсь, что нам придется прервать очень поучительную для меня беседу, – сказал я Стратонику.

– Прибыл префект, – перебил меня Павел. – Он требует тебя со всеми записями.

Все записи я носил при себе в объемистой холщевой сумке, одеваемой через плечо. Попрощавшись со Стратоником, я отправился на вызов хозяина.

Перед дворцом слуги разгружали из колымаги чьи-то вещи, а гречанка, увязавшаяся за прокуратором и его женой в Иерусалим (вещи были, видимо, ее), высунувшись из носилок, отчитывала потупившихся рабынь.

Марк Клавдий Марцелл запыленный, не переодевшийся после дороги, прохаживался по центральной зале дворца. Красный плащ, сброшенный на скамью и сползший на пол, казался лужей запекшейся крови. Судя по количеству солдат конвоя, по поведению слуг и чиновников, он прибыл один, без Пилата и Дардания.

– Зенон? Иди сюда, – указал он на стол в углу зала, – показывай, что ты нашел.

– Слушаюсь, хозяин.

Я подошел к столу и выложил на него несколько составленных мною списков.

– Вот все найденные мною младенцы, дети и юноши по имени Елеазар и, соответственно, их родственники. Вот то же самое по Иешуа. Вот семья из Сихема, в которой был мальчик Иосиф, а вот Симон, у которого при Квиринии был сын Малхам.

– Иосиф... Малхам... – Марцелл взял свитки с их именами, подержал, будто определял на вес. – Их уже нет. Но со списков сними копию и отошли Дарданию. Их родственники могут быть связаны с ревнителями. Это всё?

– Всё, хозяин.

– Тогда посмотри этот список. Это возможные связи Елеазара. Проверь, нет ли совпадений с тем, что ты нашел.

Я присел за стол и углубился в переданный мне свиток, а Марцелл опять стал прохаживаться по залу.

– Что-нибудь есть? – спросил он через какое-то время.

– Вот... Есть похожее...

– Где это?

– Ну... Насколько я понимаю, это селение в пятнадцати стадиях от Кесарии.

– Все за мной!

Подхватив на ходу плащ, Марцелл бросился из зала, свита устремилась за ним.

Когда я собрал все свитки и сложил их в сумку, снизу донесся цокот многих копыт, который быстро удалялся.

Вернулся он поздно ночью раздосадованный. Я ждал его в том же зале. Свитки я вновь разложил на столе и тщательно сверил до возвращения хозяина еще несколько раз.

На мой вопросительный взгляд хозяин снизошел ответом:

– Мы опоздали на два дня.

Вслед за ним в зал стали входить местные чиновники и несколько центурионов гарнизона. Видимо, он заранее дал им приказ собраться. Посыпались распоряжения: послать гонцов, перекрыть дороги, взять заложников. Каждый получил задание и отправился его выполнять. Вскоре без задания в зале остался один я.

– Ты просмотрел всю перепись?

– Нет, хозяин, меньше половины...

– Оставайся здесь, в Кесарии, и доведи дело до конца.

Мысленно я возблагодарил бессмертных богов за это поручение. Я опять буду беседовать со Стратоником, узнаю много нового, даже об «Илиаде»...

– Вот видишь, если бы не ты со своими записями, мы искали бы здесь, вокруг Кесарии, целую декаду, – сказал Марцелл, ободряя меня.

– Со своих выписок снимай копии и отсылай Дарданию. Когда закончишь, доложишь Дарданию. Он к тому времени, видимо, вернется сюда. Он отправит тебя ко мне.

– Ты уезжаешь, хозяин? Где мне искать тебя?

– Елеазар уходит на север, – сказал Марцелл. – Где-то там... Дарданий будет знать.

Глава 27. Марк Клавдий Марцелл Младший. Месяц Юноны, IV день перед Нонами

Опираясь на данные Дардания и выписки Зенона, Марк Клавдий Марцелл начал тщательно чистить всю территорию от пустыни до морского берега. Словно огромную сеть протянули римляне с востока на запад и медленно потащили ее на север. За ней быстро и несколько суетливо осматривали все иудейские селения люди Дардания, словно вторую сеть забросили.

Первая, заброшенная Марцеллом, задержалась у границ Иудеи и затем все быстрее и быстрее поползла до самого Дамаска. Здесь Марцелл шестым чувством ощутил, что впереди нет ничего ценного – Елеазар и его приспешники либо остались позади, притаились в соседних с Иудеей землях, либо бежали и, скорее всего, в Парфию.

Из Парфии долетали тревожные слухи. То ли война вот-вот начнется, то ли уже началась, но не с Римом...

Преодолев ощущение тревоги и бессилия, Марцелл решил вернуться в Иудею и еще раз вместе с Дарданием пройтись по выявленным местам. Но тут он получил приказ Вителлия возвращаться в Антиохию и отчитаться о порученном задании.

Все это время мысли об Андрофиле отвлекали Марка Марцелла, не давали сосредоточиться. Погоня за Елеазаром не казалась достаточно безопасной, чтобы взять с собой в этот поход прекрасную гречанку, и солдат не хватало, чтобы выделить их на охрану пестрого каравана со всеми рабами, магами и танцовщицами. Андрофила осталась в Кесарии. Вкусивший сладости ее любви Марцелл, неутоленный и мечта-

тельный, в походе возвращался к ней мыслями, и все вокруг неожиданно напоминало ему о гречанке и о любовных утехах, вспыхнувших и прерванных иной охотой, охотой за разбойниками. Высокие округлые холмы, закрывающие горизонт, невольно делились им попарно, и створки ворот на римских постах раздвигались перед ним словно ноги. Впрочем, несколько раз он все же вырывался в Кесарию...

Приказ возвращаться в Антиохию многое решил. Вопреки своим правилам, Марцелл первым делом направил в Кесарию письмо для Андрофилы, чтоб она морем отправилась в Селевкию, а оттуда в столицу наместничества.

Покончив с личным, Марцелл с почтой отправил Дарданию просьбу проверить работу, проделанную его слугой Зеноном, а самого Зенона выслать с оказией в Дамаск и далее в Антиохию. Туда же, в Антиохию, префект Марк Клавдий Марцелл отправился сам, взяв с собой лишь старый небольшой конвой. Остальные лица, задействованные в поиске Елеазара, остались в Дамаске, получив кратковременный отдых и приказ ждать дальнейших распоряжений.

Жарким летним днем Марцелл со своим конвоем въехал в раскаленную под солнцем, но неизменно пышную столицу наместничества.

Во дворце его ждали. Поднимаясь по лестнице, он заметил, как по боковой галерее к покоям Вителлия спешит, с усилием переставляя ноги, качаясь всем телом, начальник тайной стражи.

– Ага! Вот и ты! – бодрым возгласом встретил Марцелла наместник. – Проходи. И что? Как твоя поездка?

Обо всех событиях Марцелл, Пилат и Дарданий подробно и регулярно извещали наместника письменно, и потому Марцелл решил заговорить о том, чего не сообщалось, о мелочах, начать с какой-нибудь благодарности.

– В первую очередь я хочу поблагодарить тебя, Вителлий, за тех солдат, которых ты дал мне в качестве проводников.

Вителлий сделал нетерпеливый жест: «Ах, какие пустяки!»

– ...Они лично убили нескольких ближайших сподвижников Елеазара...

– О, дело дошло до триариев, – скептически улыбнулся Вителлий.

– ... и, благодаря им, мы нашли подземное убежище ревнителей...

– Ага! – снова прервал его Вителлий, показывая, что на этом Марцелл может остановиться, дальше наместник будет спрашивать сам. –

Так это мои солдаты, а не хитрец Дарданий, выследили логово мятежников! Вот видишь, стоит послать несколько смысленных парней и дело налаживается. А эти... плачутся...

– Солдаты легиона «Галлика» всегда отличались отвагой и военной сметкой, игемон, – проговорил начальник тайной стражи, подходя и кланяясь Марцеллу. – Прошу направить в легион несколько знаков армилла.

– Я думаю, что у этих солдат уже есть такие знаки, – величественно возразил наместник и пролил на героев дождь благоденствий. – Надо дать им по фалере или – статус дубликариуса каждому.

– Щедрое решение...

– Ну, а чего ты достиг, Марцелл? Каковы твои успехи?

– Мои успехи не так впечатляющи, как успехи твоих солдат, – ответил префект. – Елеазара я не поймал и денег, посланных в Иудею, не нашел.

– Мудрено за одну поездку разрешить все задачи, над которыми десятый год бьется в Иудее достопочтенный Пилат, – сказал начальник тайной стражи. – Но некоторые успехи, благодаря поездке префекта, как мне кажется, все же есть.

– Да, – кивнул Вителлий. – Это так. И я буду писать об этом императору. Пройдем... – он указал на дверь, ведущую в дальние покои.

Они присели вокруг стола, на котором возвышалась традиционная ваза с фруктами. Вителлий даже прилег по-хозяйски и подпер щеку ладонью.

– Центр действий переместился сюда, – сказал он и оторвал толстыми пальцами ягоду от розовой грозди винограда. – Восстания в Иудее не будет. По крайней мере, в ближайшие месяцы... Мы только что получили сведения, – он кивнул на начальника тайной стражи, – что Елеазар объявился в Парфии. Видно, ты наступал ему на пятки...

Он со вкусом пожевал ягоду и оторвал вторую.

– Попробуй, – сказал он Марцеллу. – Прекрасный виноград.

Марцелл тоже оторвал ягоду. Виноград был приторно-сладок.

– Ну, а деньги? – спросил Вителлий. – Донесения Дардания противоречивы. То он знает, где эти деньги, то не знает...

– Поиск денег занимался Дарданий, – подтвердил Марцелл. – Чтобы искать деньги, нужны особые доверенные люди, а Дарданий не открыл мне ни одного своего лазутчика.

Начальник тайной стражи при этих словах удовлетворенно кивнул и с позволения наместника тоже оторвал ягоду от кисти.

– А тебе не кажется, что Пилат и Дарданий отправили тебя по следам Елеазара, чтоб самим в это время поделить деньги? – и Вителлий оторвал третью ягоду.

Марцелл помолчал. Такие подозрения у него были всегда.

– Ты что-то подозреваешь? – спросил наместник.

– Ты что-то заметил, префект? – спросил начальник тайной стражи.

– Если начнешь подозревать, в доводах недостатка не будет, – вздохнув, ответил Марцелл. – Но, как говорил божественный Юлий, мои близкие должны быть чисты не только от вины, но и от подозрений. Мы вместе искали, и я видел, как они... старались.

– Но подозрения у тебя все-таки возникли, – утвердительно сказал Вителлий и сам себе кивнул.

– Да...

– Какие?

Марцелл развел руками. Он вспомнил рассуждения Дардания, что лучше отдать Иудею парфянам. Сказать об этом Вителлию – значило обвинить Дардания в измене. Да и не было ничего за этими словами, никаких дел. А Вителлий разбираться не станет. И никто на его месте не стал бы разбираться...

– Взаимоотношения Пилата и первосвященника? – подсказал Вителлий.

– О, первосвященник очень не любит Пилата и требует его смещения. И Дардания он тоже не любит.

– Требуется?

– Он сказал, что ждет, когда Пилат сместит его, чтобы самому ехать на остров и разоблачить все беззакония Пилата в бытность прокуратором.

– Понятно. А мне он не доверяет, – с ноткой раздражения сказал Вителлий.

– О тебе просто речь не заходила. И потом... Ты же знаешь, что в запальчивости всегда хотят обратиться к самому высшему, всегда пускают, что будут жаловаться не кому-то, а самому императору.

– А когда у тебя появились подозрения, префект? – мягко спросил начальник тайной стражи.

– Когда мы упустили Елеазара прямо под стенами Иерусалима.

– А деньги? – напомнил Вителлий.

– И деньги. Именно тогда мне показалось, что Дарданий хочет отправить меня подальше от Иудеи.

– Просто подозрения, ничего точного и ясного, – вздохнул начальник тайной стражи. – Так бывает. Попробуем с другой стороны. С твоего позволения, игемон, – склонил он голову перед наместником.

– Конечно. Спрашивай.

– Вы все втроем писали отчеты. Писали об уже выполненном. А как вы планировали поиски? Кого подозревали? Ведь вы искали не в одном месте?

– Как Дарданий искал деньги, я не знаю. А как предотвратить восстание в Иерусалиме, мы совещались часто. Дарданий считал, что у нас два следа. Первый и главный – Елеазар. Его мы выслеживали все время. У него был сообщник. Единственный уцелевший из известных мне. Его прозвище – Сын Отца, а имя Иешуа. Он как-то связан с Иродом Антипасом...

При имени Антипаса Вителлий и начальник стражи переглянулись, но промолчали.

– Второй след – некий Спаситель, которого ждут иудеи. Это потомок одного из их царей, он якобы может претендовать на престол в Иудее. Дарданий считает, что его имя либо Иешуа, либо Эммануил, и опасается, что вокруг этого человека могут, как вокруг знамени, объединиться мятежники.

– И его тоже зовут...

– Да, Вителлий. Именно поэтому есть подозрение, что Елеазар выдает Сына Отца за потомка иудейских царей.

– А как к этому относится первосвященник?

– Мне кажется, он не считает это чем-то серьезным.

– Не считает... И Дарданий тоже не считает эти два следа равнозначными? – уточнил наместник.

– Да... Первый след – Елеазара – он считал главным.

– Елеазар ушел, – начальник тайной стражи поднял глаза к белоголубому расписному потолку, что-то обдумывая. – А этот Сын Отца, судя по всему, остался. И деньги... Неизвестно, где они... Это меняет дело. Нам надо удержать от мятежа Иудею, – обернулся он в Вителлию, – хотя бы до зимы...

– Да, задача остается прежней. На Иудею – все внимание, – согласился наместник. – Напиши об этом подробно Дарданию, а я – Пилату. Видишь ли, префект, – обратился он к Марцеллу, – пока ты гонялся за Елеазаром, на территории Парфии началась война. Цари Иберии и Албании пропустили через свои владения кочевников, и те заняли всю Армению, сын самого царя Артабана пал в одной из битв. Мы через своих людей пустили слух, что за большие деньги подкупили друзей и родственников царя. И мне кажется, Артабан поверил. Во всяком случае, он бежал в свои горные сатрапии и собирает там новое войско. Поэтому каждый день войны в Парфии и каждый день мира у нас все больше и больше перевешивают чашу весов в нашу пользу.

– Отрадные известия, – произнес Марцелл. – Если Парфия увязнет в этой войне, то и легион из Иудеи не понадобится.

– Легион из Иудеи понадобится. Пусть видят, что и мы готовим кулак. Мы должны быть убедительны.

Вителлий снова переглянулся с начальником стражи, словно советуясь, и доверительно накрыл своей ладонью руку Марцелла:

– Твои сведения, что Ирод связан с этим... чьим-то сыном..., очень интересны. Именно Ирода мы хотим привлечь к ... одному делу.

– Если ты говоришь это мне, значит, и меня хочешь привлечь, – посмотрел ему прямо в лицо Марцелл.

– Да, – сказал Вителлий, убирая руку и потирая ею подбородок. – Ты хорошо справился с порученным делом. Ты понадобишься еще. Как только Дарданий даст знать, что этот «Сын кого-то» объявился, или просто обмолвится об этом, будь готов выехать обратно в Иудею. А пока присмотришься здесь, в Антиохии. Здесь тоже болтают о каком-то Спасителе. Так?

– Так, игемон, – подтвердил начальник стражи. – Некий Варнава... Впрочем, я подробно обговорю все с префектом наедине.

– Если придется возвращаться в Иудею... – начал Марцелл. – Один из моих преторианцев погиб...

– Возьми себе любого взамен его. Ты уже убедился, что здесь хорошие солдаты.

– В таком случае, я хотел бы оставить у себя в конвое всех троих из легиона «Галлика».

– Да, конечно... Они остаются за тобой. Для выполнения поручения ты сможешь получить все, что потребуешь. Отдохни с дороги и займись этими... ждущими Спасителя.

Вечером начальник тайной стражи посетил Марцелла в отведенных ему покоях. Он не расспрашивал Марцелла, а сам рассказывал ему о новых пророках, в изобилии появившихся в Антиохии за несколько последних недель. По его словам, больше всего народу собирали поучения и рассуждения неких Варнавы и Саула. И если Варнава был известен в Антиохии довольно давно, то Саул прибыл сюда недавно из Тарса. Начальник тайной стражи считал, что их появление связано с последними событиями в Иудее. Марцелл распугал гнездовья ревнителю на юге, и все эти пророки (или лжепророки) объявились на севере провинции.

Марцелл помнил рассказы Дардания о разных религиозных течениях и религиозных школах. Проповеди Варнавы и Саула, скорее всего, были есеевского толка. Впрочем, содержание проповедей дошло до него отрывочно и в передаче начальника тайной стражи, которому эти проповеди пересказали лазутчики.

Появление этих есеев в Антиохии, конечно же, было связано с какими-то событиями в Иудее, но вряд ли с деятельностью Марцелла и с разгромом разбойничьих гнезд.

– Случается ли нечто вследствие чего-либо или после чего-либо – большая разница, – начал Марцелл излагать свою точку зрения.

Но для начальника тайной стражи все иудеи, появившиеся в столице наместничества, похоже, были на одно лицо. Если он и отличал есеев от ревнителю, то все равно считал и тех и других опасными. Ревнителю – опасность постоянная, а есеи и их учение – опасность грядущая, и неизвестно, что важнее и страшнее.

Марцелл снова вспомнил рассуждения Дардания, что лучше отдать Иудею парфянам, а иудеев изгнать с территории империи, как обычно поступают с подданными враждебного государства. Интересно, как отнесутся к такому в Антиохии?

– Я слышал рассуждения солдат, набранных недавно в Италию... – начал он.

Начальник тайной стражи выслушал все спокойно.

– Так может говорить какой-нибудь изменник, – сказал он. – Или разорившийся торговец, взявшийся не за свое дело. Жаль, что ты не запомнил имен этих солдат. В империи надо соблюдать законы, а не раздавать целые куски провинций налево и направо из страха перед какими-то торгашами.

– У тебя большой опыт, – польстил Марцелл начальнику тайной стражи. – Как ты считаешь, чем вызваны и чем закончатся все эти волнения?

– По большей части будущее подобно прошлому, – улыбнулся тот. – Покоренные Римом народы в отместку всегда распространяли порочащие Рим слухи или разлагающие население учения. Мы будем следить, пока они в своих действиях не переступят закон, а уж потом – карать их по закону. Сил у нас хватит. Тот образ жизни, который мы несем варварам, сильнее любых учений, а наш порядок, наше правосудие оказывают на варваров воздействие сильнее наших легионов. Так было в Египте, так было в Испании, в Галлии. Так будет и здесь.

В его словах Марцелл уловил некую заученность и подумал, что вот так, возможно, вербуются императорские лазутчики в самом Риме, среди сенаторов, среди всадников, не говоря уже о патриотическом плебсе.

– А теперь, префект, я хотел бы выслушать твое мнение по всем этим учениям, – сказал начальник тайной стражи.

Не успел Марцелл произнести и двух слов, как у входа в покои бесшумно возник некто серый и бесцветный, словно сумрак в неосвещенном углу уплотнился и принял человеческие черты.

– Гонец от императора... – прошелестел чуть гнусавый голос. – Наместник зовет... Очень срочно...

Начальник тайной стражи с сожалением развел руками и быстро удалился вслед за своим человеком.

Глава 28. Персидский маг Артоферн, он же беглый раб Досон. XVIII перед календами

Самое трудное для меня – не сорваться и не заговорить без «персидского» акцента.

Естественно, Андрофила меня не покупала, а муж ее, Сергей Эквитор, меня терпеть не мог и, совершенно очевидно, никогда не купил бы. Он не верил никаким предсказаниям. Меня подарила Андрофиле ее подруга – Пестимея.

Чтобы описать мою жизнь, не хватило бы Слепого Аэда.

Всю жизнь я страдал от своего неказистого внешнего вида. И всю жизнь не мог равнодушно смотреть на женскую красоту. Я боготворил ее. Чтоб хоть как-то покрыть свои внешние недостатки, я старательно учился в гимнасии и постоянно тренировал свое тело. Из-за женской красоты и начались мои несчастья. Я влюбился в акробатку из бродячего цирка. Она была красива, как сама Афродита, и я бежал с этой труппой, не спросившись своих родителей, честных ремесленников из Коринфа.

Я боготворил свою акробатку, а она потом призналась мне, что всю жизнь коллекционировала любовников-уродов. Но я был всего лишь некрасив, не уродлив, и она именно поэтому пренебрегала мной.

Используя мою силу и ловкость, она заставляла меня воровать в тех городах, где она выступала. А когда я попался, она преспокойно оставила меня в руках эдилов и отправилась дальше по Мисии. С тех пор смыслом моего существования стало ломать жизнь красивым самонадеянным дурам.

Узнав, что я эллин, эдилы сначала меня пугали, что скормят в цирке львам, но потом всего лишь продали в рабство.

Кто не побывал рабом, тот жизни не знает...

Лет через десять я бежал с лесоразработок в Парфию и, пронищенствовав там несколько лет, стал пробираться на родину. В парфянских городах оставалось много наших еще со времен Селевка. Они создали разные секты, смешав поклонение нашим старым богам с поклонением богам персидским и египетским. Присмотревшись к ним, я решил, что смогу заменить целый оракул, как пифия отвечать на вопросы о будущем. Чего проще? Кто и когда проверит?

Но, пробравшись на территорию, подвластную Риму, я понял, что мне нужно прикрытие. Иначе опять упрячут на рудники или лесозаготовки, а то и львам скормят. Какое прикрытие? Найти хозяина помягче, подороже и идти к нему в параситы, в прихлебатели. Но это если докажешь, что ты свободный человек. Пришлось вернуться...

И все-таки я нашел выход. Члены знакомой мне секты высмотрели одну женщину, гречанку, которая в храме Астарты хотела узнать будущее. Ей и продали меня за бесценок.

Это была Пестимея. Молчаливая и блеклая. Ее семья судилась за какое-то наследство. Если римляне тихо сходили с ума по всему греческому, то эллины почему-то проявляли необъяснимый интерес к персидскому и египетскому. Пестимея путешествовала вместе с семьей римского патриция Луция Сергия Эквитора. С ними я и выехал в Империю.

Объявить себя греком я не решился. «Грек!», «Ученый!» – самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова. А я обитал среди рабов, среди черни. Своими предсказаниями, как перс Артоферн, я очень быстро подчинил себе многочисленных служанок Пестимеи и обеспечил себя от их зависти. Римляне никогда не блистали умом, но Веллей Патеркул высказал нечто бесспорное: «Безделью сопутствует зависть». А не завидовали они мне, потому что боялись.

Семья Пестимеи выиграла процесс. Я это вовремя предсказал, хотя и обтекаемо. Но как-то так случилось, что Пестимея к тому времени неосторожно понесла от меня. Она умчалась к родственникам. Не знаю, как она избавилась от ребенка и избавилась ли, но меня она подарила подруге Андрофиле.

Андрофила в то время была зеркалом своего супруга. Она увлекалась философией и историей Эллады. Но даже мне после курса обуче-

ния сразу же стало ясно, что никакой философии она не знает, зато полна древних мистических суеверий эротического толка. Сергей Эквитор, к моему удивлению, высоко оценивал ее ум, ее знания. Наверное, любил.

Эквитор очень быстро умер, и я понял, что у меня есть возможность подчинить себе и ее со всеми ее служанками. Исчез человек, кому она могла бы подражать, и ее мозг и душа постепенно становились девственно чистыми. Однако после смерти мужа она приобрела двух молодых и здоровых рабов. Это осложняло дело. И германец Иглет, и чернокожий Зама верили в своих богов и у них узнавали будущее. Обходились без меня. И в чем-то, при известной осторожности, могли заменить Эквитора.

Потом в Кесарии появился этот патриций Клавдий Марцелл. Знатный холостяк. Дом в Риме, вилла под Римом. Я сразу же предсказал Андрофиле, что это ее судьба, что из всего многомиллионного населения Империи именно Марцелл подходит ей больше всех. Если б я предсказал что-то другое, она б продала меня или приказала убить.

На радостях она продемонстрировала меня всей компании – прокуратору, его жене, Марцеллу. По-моему, никто не усомнился, что я перс.

В случае, если б этот брак состоялся, самым опасным для меня человеком я определил Зенона, раба Марцелла. Он казался действительно ученым человеком и не высывался. Но его хозяин загнал в Кесарию по каким-то делам и надолго.

Мы перебрались в Антиохию, где Марцелл снял для Андрофилы домик за 10 тысяч сестерций в год. Римлянин встретил ее и несколько ночей провел с ней в этом домике. Можно сказать, он переселился к нам. Другого жилья у него в городе не было.

При всей занятости Марцелл все равно рано или поздно заподозрил бы меня. А Зенон сделал бы это еще раньше.

Обдумывая, как бы не допустить заключение этого брака, я надолго уходил в город. Иногда в голову мне приходила малодушная мысль о побеге. Иногда даже – Атропос – «неумолимая» – мойра, прерывающая нить жизни смертного.

Сегодня в поисках совета я зашел к знакомым сектантам, показал условный знак, и меня пропустили в прохладный подвал.

Людей больше, чем обычно. Среди них настороженная тишина. Лицом к собранию стоят двое. Один тихо, но настойчиво говорит. Второй мечтательно улыбается. Этого я сразу узнал – Лукиний. Он укрывал

меня несколько дней в пригородной харчевне, когда я в первый раз пришел сюда из Парфии. Блаженный. Или приближенный...

Второй, по виду и речи – иудей, но держался уверенно, словно римский гражданин на форуме. И говорил очень убежденно:

– И ветхий днями уже произнес приговор над ними...

Собравшиеся, местная греческая нищета вперемешку с не более богатыми и знатными иудеями, слушали одинаково внимательно. Такое здесь, в Сирии, часто происходит. Кто только не приходит бороться за сомневающиеся души отщепенцев! Наши, эллины, больше доверяют восточным мистикам, рассказывающим об умирающих и воскресающих богах. Чтобы иудеи поверили, надо ссылаться на бредни каких-то пророков. Логика у них странная: это возможно, потому что это предсказано. И надо сказать, что в ожидании бедствий их пророки придумывали весьма поэтические образы.

– И видел он, что поставлены были престолы, и воссел ветхий днями. Волосы у него – чистая волна, и одежды белые, как снег в горах...

– Кто это? – спросил я у одного из наших мистиков.

– Саул, – ответил он тихо, скептически щурясь.

– Престол его – как пламя огня, колеса его – пылающий огонь...

– Так он на престоле или на колеснице? – громким шепотом спросил мой скептик. Несколько ближайших иудеев неодобрительно посмотрели на него.

– Перед ним протекала огненная река. И служили ему тысячи тысяч, а тьма тем стояла и ждала суда. Судьи сели, и раскрылись книги...

– Суд... Страшный суд... – зашептал кто-то среди иудеев.

– И видел он в ночных видениях, – напряг голос Саул, – как с облаками небесными шел как бы сын человеческий!..

Лицо Лукиния сияло непонятной мне радостью, и восторженный взор его блуждал где-то позади и выше наших голов. Очень хотелось оглянуться и посмотреть, что он там разглядывает.

– И дошел он до ветхого днями, и подведен был к нему...

– Я видел его!.. – вырвалось у Лукиния.

Саул недовольно оглянулся на него, как на актера, вступившего раньше времени. Народ зашептался.

– И ему дана власть, слава и царство его – владычество вечное, – громко заговорил Саул, оттягивая на себя внимание. – Оно не пройдет, и царство его не разрушится...

И опять люди зашептались.

– Глянем друг на друга, братья, – Саул понизил голос почти до шепота. – Нет среди нас ни мудрых, ни сильных мира сего, ни благородных. Но Бог и избрал нас, немудрых, чтобы посрамить мудрых... Незнатных, униженных, ничего не значащих избрал Он, чтоб посрамить знатных и значащих... Но это... братья... великая тайна!..

Как маг и предсказатель, я не мог не подумать о будущем этого сборища и ему подобных. Оглядывая смолкших, взволнованных людей, я понял – учение очень привлекательно: тайна, поддержка свыше, человек, получивший вечную власть от Бога, и опирается он на бедноту, не сильных и не знатных... А уж мудрых посрамить!.. Кто ж откажется? Но таких, как Саул, много, и толкуют они это учение по-разному. И я увидел!.. Победа за тем, кто первым запишет, перенесет свое толкование на свитки и начнет рассылать их и откладывать в номофилахиях.

Может, мне самому взяться за это? Нет, рано. Неизвестно, как к этому учению римские власти отнесутся. Мало ли искренних безумцев бродит и еще побредет по Сирии, понося власть на радость и на страх случайным прохожим. Римляне могут этих «немудрых» и львам скормить...

Как часто бывает, решение одной задачи помогло мне раскрыть решение другой.

Тихая и безоблачная жизнь при Андрофиле для меня возможна, пока она не замужем, мечется, ищет, ждет моих предсказаний. Сейчас она на некоторое время превратится в зеркальное отражение Марцелла. Но Марцелл не будет постоянно с ней сидеть. Он ловит местных разбойников и дальше, видимо, будет ловить. Главное – в ближайшем будущем не попадаться ему на глаза. А Андрофиле через служанок вбить в голову, что легче всего требовать у мужчин невозможного, но очень тебе нужного, когда мужчины очень заняты службой – тогда у них нет времени обдумать и отказать.

Насколько я мог подслушать, ее подруга Клавдия Прокула уже обучила ее всему, что нужно, чтобы развалить любой брак.

И – слезы. Впрочем, женщинам это и так известно. Как часто говорил прокуратор Иудеи (а я подслушал): «Женщина, плача, уже замышляет коварство». Вот и пусть Марцелл полюбуется вместо кравицы багровым уродом – ревуший рот, морщины...

А там – «женщина либо любит, либо ненавидит; третьего нет». Пожив в доме Луция Сергия Эквитора, я стал почитать римских авторов. Хотя куда им до наших!..

Глава 29. Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». За два дня до праздника «Поплифагия»

Нам троим вручили фалеры, даже Германику вопреки субординации, и выдали двойное жалование. И мы завеселились.

По жаре много не выпьешь, но мы начинали с раннего утра, когда еще было прохладно. И так несколько дней. Больше всех пил Германик. Он говорил, что так лечится от головной боли. Все это нам позволялось, потому что мы пока еще числились за Марцеллом. Он не передал нас в легион и сам не уезжал, сидел каждый день во дворце наместника.

На четвертый день такой веселой жизни весь наш легион подняли по тревоге. Мы бросились было к конюшням, но вспомнили, что нам никакого приказа не передавали, и опять подсели к столу, уставленному кувшинами. Потом я все же вышел из палатки и наблюдал за сборами. Легион «Галлика» выступил на восток...

Вечером, по прохладе, мы тоже выступили.

Мы ждали с лошадьми в поводу, а Марцелл, сам Вителлий и какой-то бесцветный старик долго говорили в прохладной тени у фонтана. И к нам они двинулись, продолжая разговаривать.

– Он придирается к мелочам, – говорил Вителлий. – Царь может говорить только с царем. Хотя бы и с таким дикарем, как Арета... Хорошо, я готов в этом ему уступить. Ирод как раз подходит...

– Он ненадежен, – горячился Марцелл. – Арета, хотя и не любит нас, но он, по крайней мере, не обманет. Почему не Арета?..

– Об Ироде мы говорили с парфянами еще до того, как ты рассказал нам об этом... сыне кого-то... И с Иродом... Менять сейчас поздно... Конечно же, мы будем за ним следить... – с досадой в голосе говорил Вителлий.

Я понял, что все это время Вителлий и Марцелл обсуждали переговоры, которые по распоряжению божественного Тиберия начинались с парфянским царем Артабаном.

Все в Антиохии знали, что парфянский царь Артабан счастливо выпутался из многих случившихся с ним бед, ему удалось набрать большое войско из саков и, опираясь на него, вернуть себе власть. Но власть его, как и всякая власть, захваченная с помощью наемников, была непрочной.

Получив известия об этом, Тиберий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз, но потребовал заложников и, таким образом, показал, что союз будет неравноправным. Помедлив для приличия, Артабан дал понять, что предложение будет принято. Но, судя по тому, что я тогда услышал, только дал понять. А пока тянул время, оговаривая самые мелкие детали. И вот теперь наш легион «Галлика» отправился к великой реке Шатт-Эль-Фурат, чтобы предложение Тиберия выглядело более убедительным.

Поход обещал быть недолгим. По ночной прохладе мы дошли до Апамеи, города на Оронте, а дальше двигались по светлому времени дикими лесами. Я удивлялся и завидовал богатой, даже роскошной растительности. Череда темных дубов перемежалась бледно-желтыми полянами овса. Наши кони повеселели, совсем как люди перед пиршеством. А когда мы делали привал и готовились к походной трапезе, мелкие дикие розы роняли лепестки на нас и на наши скромные припасы, совсем как на пиру у римлян.

Ночью нас издали рассматривали волки, пугали лошадей. Вокруг лагеря крутились шакалы, визжали и хихикали, как малые дети. Медведь шуршал, трещал и хрюстел где-то вдали. Даже лев однажды зарычал, забрел сюда из пустыни.

На четвертый день неторопливого пути мы вместе с конной разведкой легиона вышли к реке. Меж серо-коричневыми берегами голубела, дрожала и серебрилась влага.

Скалы и водопады остались выше, песок и пальмы будут ниже по течению. А здесь тянулась уже пожелтевшая под солнцем равнина, по реке зеленели островки, а за рекой вдали угадывалась степь Эль-Джезире.

Стая лебедей снялась, забила крыльями по воде и понеслась, набирая скорость, вверх по реке, оторвалась, мелькнула белыми отражениями и стала исчезать в синем небе, превращаясь в серую рябь.

– Ставьте палатки, – распорядился Марцелл.

Он с тремя преторианцами уехал к разбиваемому лагерю легиона и вскоре вернулся оттуда с примипилом и префектом, начальником конной разведки. Они долго рассматривали противоположный берег, словно ждали, что там вот-вот покажутся парфяне.

Ничего такого не дождавшись, римлянин стал командовать:

– Разъезды направить вверх и вниз по реке. Искать, где появятся парфяне. Это не все... – остановил он начальника конницы, который уже шагнул в сторону лагеря. – С юга сюда идет Ирод Антипас. Есть такой царек... Найти его и направить сюда. Вежливо... Скажешь, что Вителлий зовет.

– Слушаю. Исполнять?

– Исполни.

Начальник конницы заторопился к лагерю. Марцелл глянул ему вслед, будто удостоверился, что приказ будет исполняться, и приказал примипилу, старшему из центурионов:

– Ищите место для моста. Свозите материал. На ту сторону пока не заходить.

– Слушаю. О! Парфяне!.. – указал примипил на ту сторону реки. – Быстро... Молодцы, хорошо сторожат.

Пятеро всадников показались из-за серо-зеленого кустарника, остановились, словно в нерешительности, затем двое из них крутнули лошадей и ускакали, а трое неторопливо поехали к берегу, рассматривая нас и переговариваясь.

– Отставить разъезды вверх по реке? – спросил старший центурион.

– Отставить разъезды вверх по реке, – согласился Марцелл. – Ищите место для моста. Да, начальника конницы – ко мне...

Пока ждали начальника конницы, римлянин отозвал меня в сторону.

– Поедешь с разъездом искать Ирода. Присматривайся там... Ты понимаешь, о ком я говорю? Никто из нас его не видел. Но, может быть, его назовут по имени. Прислушивайся...

У начальника конной разведки было труднопроизносимое имя, сплошные «р», «л» и «с». И мы все звали его просто – Испанец. Я всегда

считал его хорошим командиром. Он знает, что не дело охотника бежать рядом с собакой и показывать ей, где нюхать и где лаять. Он ставит задачу и молча наблюдает, как мы ее выполняем. Он думает не так, как я, и не так, как Скиф. Я это чувствую. И он это чувствует, и наблюдает за мной и за Скифом. А когда на глаза ему попадается Германик, он на мгновение поднимает брови, словно не узнает его. Но все равно Германика он сует во все грязные дыры и тоже наблюдает за ним. Так наблюдают за ослом, которого откармливают в надежде, что он вырастет размером с верблюда. Когда мы вернулись из Иудеи, получили фалеры, и оказалось, что по голове досталось одному Германику, Испанец удовлетворенно кивнул. «Как осла ни корми, а растет у него только...»

Сейчас вдоль реки мы ехали с большой осторожностью. Артабан и Вителлий вроде бы договорились встретиться. Но все это пока не точно. Может, Артабан уже передумал... Парфяне – мастера устраивать за сады, и место здесь подходящее.

Мы проехали стадий восемьдесят, парфян не встретили, но увидели вдаль караван Ирода. Огромное облако пыли наплывало из-за леса.

Испанец дал иудеям выйти из леса, сомкнул нас в клин и дал знак: «Вперед!» И мы двинулись как в атаку – медленно, потом быстрее и быстрее.

Впереди остановились. Охрана выехала вперед, всадники переговаривались, тревожно на нас поглядывали. По правилам им надо было обнажить оружие и прикрыть своего господина. Но попробуй обнажить оружие против римских солдат...

Тут Испанец погнал коня во весь опор, и мы вместе с ним. Только оружия не обнажали. Стражники-иудеи сгрудились как можно теснее, ожидая столкновения.

– Именем Цезаря Императора!.. – крикнул Испанец, не сдерживая своего запотевшего темно-гнедого коня.

Растерянные иудеи подались назад. Как останавливать человека, действующего именем Императора?.. И тут мы с ними столкнулись. Вернее Испанец влетел в их отшатнувшуюся толпу и на всем скаку осадил коня, расталкивая и расплескивая их еще больше.

Я скакал справа от него, отставая на полкорпуса, и теперь сквозь расступившуюся толпу вылетел прямо на разукрашенные, светящиеся на солнце носилки.

Испанец вывел меня на удар... О, если б моя задача была убить Ирода!.. Но мне предстояло найти Сына Отца. Определить его в окружении Ирода с первого взгляда.

Я сделал вид, что не могу остановить расказававшегося коня и пролетел мимо носилок, мимо мула под богатым седлом, прямо в толпу придворных, затрепетавшую белыми накидками и серо-голубыми покрывалами.

Ни одного ревнителя среди них не было. Никто не схватился за оружие, никто не посмотрел мне, римскому солдату, в глаза, прямо и оценивающе.

Испанец подъехал к носилкам и лающим голосом пригласил тетрарха Ирода Антипаса к наместнику Сирии Вителлию. Не выслушав ответа, он повернул презрительно косящегося коня и шагом поехал по направлению к нашему лагерю. Охрана Ирода дождалась, когда он поравняется, и, оглядываясь на носилки, поехала за ним.

Стенки носилок несколько раз резко дрогнули, словно изнутри кто-то в сердцах ударил по ним. Кто-то подбежал к носильщикам, те взялись за отполированные руками, блестящие деревянные перекладины. Плавно поднялась и, покачиваясь, поплыла над толпой разноцветная кабинка.

Пользуясь всеобщей растерянностью и тем, что определенная ритуалом очередность движения в караване нарушилась из-за нашего налета, я подъехал вплотную к занавешенному окошку и дальше ехал шагом, вслушиваясь и всматриваясь.

Внутри носилок сидели два человека. По крайней мере я ясно различал два голоса. Они язвительно высказались о Вителлии, о Тиберии и о римлянах в целом и сразу же заинтересованно и даже горячо заговорили о ремонте или перестройке дворца.

Эту часть их разговора я понял плохо – никогда не жил во дворце и не знаю, что и как там называется. Говорили они долго. Наконец, один из них, с властным капризным голосом, прокричал:

– Всё! Знать ничего не хочу! Иди... Делай смету... Смотри, делай все, как я сказал!..

Кто-то седой и лохматый вывалился из носилок, словно его силой вытолкнули, прямо под копыта моего коня. Вслед за ним высунулся холеный иудей с подкрашенной завитой бородой, но увидел меня и сразу же скрылся. Потом кто-то из слуг подбежал к носилкам с противоположной стороны, и я услышал голос холеного:

– Это кто? Давно он так едет? Убрать!..

Вскоре от хвоста каравана подскакали несколько всадников и стали теснить меня от носилок.

– Аве Цезарь Император, – сказал я им.

– Аве Цезарь Император, – повторил их главный. – Давай, езжай отсюда.

– Не понимаю, – сказал я им по латыни и, ускорив шаг коня, обогнал носилки.

Поскольку от носилок меня оттеснили, я стал прислушиваться к стражникам. Это были наемники – греки, сирийцы, иудеи. Говорили в основном на греческом. Но говорили мало и не сказали ничего интересного.

Когда показался наш лагерь, караван остановился. Несколько богато одетых всадников подъехали к носилкам. Из носилок показался Ирод. Они стали осматривать окрестности. Я понял – ищут место, где разбить лагерь.

Ирод указал на луг меж двумя холмами на берегу Евфрата. Мулы и верблюды стали сворачивать к реке. Караван разделился на две примерно равные части. Одна стала разбивать лагерь прямо на берегу, другая медленно двинулась к частоколу и палаткам нашего легиона.

В лагерь легиона их, конечно, не пустили, и им пришлось разбивать свой, еще один, за рвом, вырытым нашими солдатами. Я еще покрутился среди этих иудеев и греков и отправился к Марцеллу.

У него в палатке сидел тот тихий старичок, которого я видел вместе с Вителлием. Манерами он чем-то напоминал хитрого грека Дардания. Они с Марцеллом ждали меня и сразу стали расспрашивать. Я признался, что ничего подозрительного не заметил. Вот только лагерь они разбили у самой реки, в случае необходимости легко к парфянам людей отправить.

Марцелл вопросительно посмотрел на старичка.

– Это не так страшно, – сказал старичок. – Главное, чтобы он с Артабаном переговорил. Самое главное...

Тут в палатку занырнул какой-то серый человечек и еле слышно сказал тихому старичку:

– Тетрарх ругается, говорит, что его приглашали к Вителлию, а держат под стенами. Говорит, что возвращается в свой лагерь...

– Задержите его. Сейчас его пригласят в палатку легата, – ответил старичок и обернулся к Марцеллу. – Пойду говорить с Иродом...

Уже у входа в палатку, взявшись за полог, он взглянул на меня и остановился.

– Очень может быть, что Ирод захочет переговорить с парфянами о чем-то своем. Мешать не будем. Пока не закончатся переговоры с Артабаном... Но хотелось бы знать, о чем они будут говорить. Подумай об этом, префект. Чужих они близко не подпустят. Надо что-то придумать...

После его ухода римлянин прошелся по палатке, что-то обдумывая. Несколько месяцев, проведенных в Иудее, показали ему, чего я стою, и он ждал моего совета. Но я не знал, что и где готовится.

Летом темнеет поздно. И все равно этот день заканчивался, смеркалось. Резче стал запах воды. Я всегда определяю близость воды по запаху.

Ясно, что римляне хотят знать, не попытается ли Ирод говорить с Артабаном за их спиной и о чем он будет говорить. Но пробраться в иудейский лагерь и подслушивать разговоры тетрарха не под силу даже нам со Скифом, не говоря уж о Германике.

– Можно проследить, будут из иудейского лагеря плавать через реку или нет, – сказал я Марцеллу.

Он кивнул, но ответил:

– Темно. И луна за тучами.

Я молчал, и он молча ходил по палатке. Но я уже знал, как проследить за иудейским лагерем. Скиф как-то рассказывал про Великую реку... Я мысленно еще раз осмотрел наш сегодняшний путь.

– Около их лагеря на реке есть маленький остров. Можно на нем посидеть и посмотреть.

– Хорошо. Посиди, посмотри, – сказал римлянин.

– Я плаваю плохо. Скиф посидит.

Римлянин кивнул.

Еще раз Скифом покомандую. Он хороший солдат... Я повел его на берег и объяснил, что делать. Мы выбрали у места, где наши начали строить мост, большую раздвоенную корягу, оттолкнули ее от берега и пустили по течению. Скиф поднырнул под нее, высунул свою голову из воды как раз у развилки, так что его не было видно с обеих сторон реки, и уперся руками в неошкуренные обрубки. Под водой он должен

был шевелить ногами и направлять корягу к островку в половине стадии ниже иудейского лагеря.

Глядя вслед удаляющейся, теряющей очертания коряге, я подумал, что если б она плыла сама по себе, то ее развернуло бы вперед толстым нераздвоенным концом. Но тогда б Скиф не видел, куда его несет, и постоянно высовывал голову.

Когда коряга отплыла подальше, я успокоился – в темноте невозможно было отличить, какой конец у нее толще и раздвоен ли он.

Глава 30. Вениамин по прозвищу «Германик». Месяц Юлия Цезаря, 4-й день перед Нонами

После того, как я получил по шлему куском металла, у меня постоянно кружится голова. Зато сны стали цветными и яркими. Словно в другой мир попадаешь – все совсем не так, как у нас, но ничему не удивляешься, будто так и надо.

Когда Араб на рассвете разбудил меня, мне как раз снился наш старый двор в Риме, но был он не в Риме, а в Антиохии, и тянулся от Антиохии до самой Апомеи... Все это мгновенно вылетело у меня из памяти, так как Араб сказал, что задание сложное – едем искать Скифа.

Я успел проглотить пару лепешек, обмакнув их в вино, разжевал несколько соленых оливок. Искушавший, почерневший от загара Араб торопил меня.

Огромная радуга вставала где-то за Апомеей, но не той, что у Антиохии, а той, что за Евфратом. По утренней прохладе хотелось ехать куда угодно, лишь бы жара не наступала. По жаре голова у меня начинает кружиться и болеть. Мы взяли две заводные лошади, одна из них – темно-гнедая с черной гривой – принадлежала Скифу, и поехали берегом вниз по реке в сторону лагеря тетрарха Ирода.

Над иудейским лагерем поднимались дымы, доносило запах жареного мяса. Повара заранее готовили завтрак для Ирода Антипаса. Мы обогнули поставленные в круг повозки. Парные часовые проводили нас сонным взглядом. Проехали еще с десяток стадий холмами и кустарником, и Араб повернул коня к реке.

С невысокого – в два человеческих роста – берега Араб стал пристально рассматривать занесенные в заводь коряги и мелкий кустарник на песчаном берегу.

– Эй, я здесь, – услышал я сзади голос Скифа.

Он сидел на корточках в небольшой канаве и растирал ладонями свои обнаженные плечи. Кроме набедренной повязки, на нем ничего не было. Рядом на земле лежала парфянская стрела.

Араб бросил ему узел с одеждой, наплечные ремни с мечом в ножнах и развернул темно-гнедого коня, чтоб удобнее было садиться. Скиф быстро набросил тунику, скрыв волосатую грудь и прикрыв до колен волосатые ноги, и нагнулся над сандалиями.

– Видел? – спросил Араб.

– Видел, – ответил Скиф, не поднимая головы.

– Плавали?

– Кусок дерева плыл от берега к берегу, пристал – вон там – в кустах под обрывом, – Скиф, так же не поднимая головы, ткнул пальцем в сторону противоположного берега, и Араб, щурясь, стал туда всматриваться.

– Не вижу, – сказал Араб.

– Два всадника подъехали, подняли от воды третьего, посадили его на заводную лошадь... – с этими словами Скиф выпрямился, пошевелил плечами, пробуя португую, и прыжком сел на отшатнувшегося, попятившегося коня, – и уехали... – и он шагом тронул коня в сторону лагеря легиона.

Из их разговора с Арабом я понял, что Скиф на каком-то бревне ночью плавал по Евфрату и сидел в засаде на острове напротив иудейского лагеря, а когда стало светать, на том же бревне поплыл дальше и здесь поблизости пристал к берегу.

– Заметили тебя?

– Когда к острову плыл, с левого берега две стрелы пустили. Одна в воду упала, вторая по дереву попала.

– Эта? – спросил Араб, указывая на парфянскую стрелу, которую Скиф держал в кулаке.

– Эта. Хорошая стрела. Совсем, как наша, – ответил Скиф, еще раз рассматривая наконечник и оперение.

– А ты их видел?

– Тех, кто стрелял, не видел.

– А сейчас, когда на берег выходил, заметили тебя?

– Может быть. Уже светло было...

– Но не стреляли...

– Далеко... – оглянулся Скиф на далекий левый берег.

Над нашим лагерем и над рекой поднималось облако пыли, оттуда доносились стук и треск – солдаты с утра по прохладе наводили мост через Евфрат.

В лагере Араб сразу же повел нас в палатку к Марцеллу. Там вместе с префектом нас ждал какой-то сириец неопределенного возраста, тихий и вкрадчивый.

Скиф еще раз коротко рассказал, что ночью из лагеря тетрарха переплыл человек и на парфянском берегу его встретили два всадника. Префект и сириец немного помолчали, разглядывая Скифа, словно ждали, что он еще что-нибудь вспомнит. Мы тоже молчали и смотрели на них.

– Хорошо, – сказал сириец. – Попробуем самое простое. Кто из этих солдат понимает по-иудейски?

Марцелл взглянул на Араба, тот указал глазами на меня. Сириец перехватил этот взгляд.

– Попробуем самое простое, – повторил он. – Солдаты строят мост. На мосту поставят палатку, в которой игемон будет говорить с царем Парфии. Но палатка принадлежит тетрарху. Он тоже там будет. Как хозяин. Так требуют приличия.

Сириец говорил кратко, тихо, даже проникновенно. Это мне не нравилось, вызывало тревогу.

– Тетрарх днем приедет осмотреть палатку. И от парфян приедут люди. Хотят посмотреть... Все проверить... – сириец замолчал, что-то прикидывая, и заговорил погромче. – Делать мы будем вот что. На мосту от берега до берега мы поставим солдат через каждые десять пассусов. Ты будешь стоять у самой палатки...

Это он обратился ко мне. Я промолчал. Не знал, как ему отвечать.

– Надо поднять целую центурию, – вмешался Марцелл. – Известно, сколько придется стоять.

Он выглянул из палатки и приказал вызвать примипила. Тот появился довольно скоро и вскинул в приветствии руку. Сириец сразу же взял его в оборот:

– Солдат подобрать из италиков. Говорить только по латыни. Пусть притворяются, что других языков не понимают...

Италиков у нас в легионе не так много, и центурион сразу ушел подбирать солдат. Марцелл с сирийцем отправились за ним. Я ждал, что меня тоже поведут на мост, но обо мне словно забыли. Я вышел из палатки Марцелла и присел на солнышке. Скиф присел рядом и даже задремал. Араб увязался за начальством, но скоро вернулся.

– Как только появится Ирод, будет смена караула на мосту, – сообщил он. – Я буду разводящим и отведу тебя к палатке.

– К какой?

Я указал на хорошо видимый сверху мост. Ни цепочки солдат по всей длине, ни какой-либо палатки на нем не было. Свежеотесанное дерево светилось под косыми лучами. Рассмотрев настил из досок, я понял, что наши солдаты перекинули через реку бок о бок три обычных военных моста, только боковые перила не установили.

– Ее еще поставят, – ответил Араб и ушел на берег к мосту.

Незадолго до полудня с юга показалась толпа иудеев, подошла к переправе и после переговоров с нашим командованием стала на мосту устанавливать большую бело-голубую палатку.

Наши зашевелились, и вскоре легионеры, построенные в две колонны по одному, вошли на мост и двинулись по нему до противоположного берега, растягиваясь и оставляя на месте через каждые десять пассусов одного солдата.

Иудеи поставили палатку и стали натягивать боковые канатные перила с двух сторон моста. После прандиума, когда мы уже успели перекусить и готовились отдыхать, с юга, от иудейского лагеря показалась еще одна процессия, над которой возвышались носилки. Прибежал Араб и повел меня вниз, к мосту. Там, обливаясь потом, стояли еще две колонны. Араб подвел меня к правой и поставил в строй, потом что-то посчитал в уме, поглядывая на мост и палатку, и перевел чуть ближе к голове построения.

Подошел сириец. Глаза его были такие черные, что зрачков не видно.

– Слушай внимательно. Все запоминай, – сказал он мне.

Я молчал, не зная, в каком он звании, как ему отвечать.

– К нему должен подойти или подъехать какой-нибудь италик, – обернулся сириец к Марцеллу, – и они будут на латыни обсуждать какое-нибудь хозяйственное дело. Недолго...

– Солдат на посту не имеет права обсуждать хозяйственные дела, – хмуро ответил префект.

– Какое-нибудь срочное дело... Найдите настоящего италика. Настоящего... У вас ведь есть такие, – продолжал сириец, оглядывая преторианцев за спиной Марцелла. – Ладно, уходим. Он не должен нас видеть...

– Направо!.. Марш!.. – скомандовал Араб и повел нас на мост.

Известный своим глазомером, он вывел меня прямо под угол палатки. Я повернулся и встал, уставясь в затылок сменяемому солдату. Тот подождал, когда справа подошли другие сменяемые, повернулся и пошел. Я пропустил остальных, сделал шаг вперед и занял пост, касаясь плечом твердой натянутой веревки. Пришлось чуть сдвинуться, чтоб она не мешала, если придется браться за оружие.

Прямо передо мной у противоположного каната стоял какой-то незнакомый солдат с красным обгоревшим лицом, солнце било ему прямо в ярко-синие глаза, золотило белесые ресницы. Щит он держал косо. Наверное, этого италика в хозяйственной части нашли, а может, и не в нашем легионе.

Слева на мост с шумом вползла колонна, передние – охрана Ирода – прошли мимо палатки, кто-то из них мельком глянул на меня. Следующие – немногие слуги и придворные – обошли, натываясь на меня, вокруг палатки со всех сторон, избегая встречаться взглядами, оглядели меня и столпились у входа. Поднесли Ирода. Из-за края палатки я видел лишь передних носильщиков, которые бережно опускали свой груз на поперечные доски моста. Потом Ирод вошел в палатку. Его властный капризный голос донесся через бело-голубое полосатое полотно.

Солнце палило. Полоска моей шеи между шлемом и панцирем горела. Я представлял, как больно будет тронуть там кожу пальцем.

С криком «Именем Цезаря Императора» по мосту пробежал незнакомый мне молодой центурион и подскочил ко мне с криком: «Ты куда дел наплечный ремень от знака манипулы?» Все, кто стоял около палатки обернулись и смотрели на нас. Я как-то растерялся. Центурион яростно повторил вопрос и чуть прикрыл правый глаз. «Ах, да! Надо отвечать по латыни», – вспомнил я.

– Он у меня в палатке...

Центурион потряс у меня перед лицом веснушчатый кулак:

– Я тебя сгною, когда с поста сменишься!.. – и убежал.

Смотревшие на нас слуги Ирода отвернулись.

Тут с двух сторон налетели волны дробного стука, и доски моста под ногами мелко задрожали. Я скосил глаза вправо, потом влево. С обеих сторон одновременно на мост въехали всадники. Справа заседебрился на солнце начищенный металл парфянских доспехов, слева маслянисто-желтым светом сияли доспехи наших.

Конные съехались прямо перед палаткой, остановились, передние заговорили, приветствуя друг друга и что-то спрашивая. Кто с кем говорил, я не видел, скрывала палатка. Я так увлекся, разглядывая чешуйчатую броню на парфянах и на их лошадях, что чуть не пропустил, как один из всадников спешился и быстро прошел в толпу слуг Ирода, а те, окружив его, двинулись к входу.

Я напряг слух, стараясь не обращать внимания на голоса наших и парфян, доносящиеся из-за палатки. Из-за бело-голубого полотна трудно было что-либо расслышать. Я различал только слова Ирода – он говорил громко.

– Какое его дело?.. – расслышал я слова явно раздраженного тетрарха. – ...благодари... скажи... строительство... не начато... буду просить... только и он... – все это он говорил быстро, и многих слов я не понял.

Голоса всадников за палаткой вспыхнули. Я услышал четкое «Аве!», и лошади попятнулись и запереступали, всадники стали их поворачивать.

Входивший в палатку быстро вышел, ему подвели испуганно косящего глазом коня.

– Нале... во! – скомандовал нам незнакомый центурион.

– Напра... во! – скомандовал второй, и стоявшая напротив нас шеренга четко повернулась.

– Марш!..

Я дошел до самого края моста, и здесь нас остановили и опять повернули лицом друг к другу. Мне был виден левый фланг противоположной шеренги. К нему, переливаясь на солнце разноцветными халатами и пестря шароварами, подходила голова колонны парфянской пехоты. Понятно: одну часть моста охраняем мы, другую – парфяне.

Я еле дождался смены. Доспехи раскалились, обгоревшей шеей больно было шевельнуть.

Уже перед вечером, отсиживаясь в своей палатке, я услышал торжественные звуки военной музыки. Это выезжал из лагеря Вителлий,

сопровожаемый огромной свитой. Не менее громкие, но несколько хрипловатые звуки донеслись из-за реки. Ясно, что это прибыл на встречу парфянский царь.

В конце второй стражи, около полуночи, меня вызвали в палатку к наместнику. Вездесущий Араб довел меня до входа, и там мы остановились около парных часовых. Центурион, тот самый, что на мосту грозил меня сгноить, выглянул из-за полога и жестом приказал мне заходить.

В первом отделении палатки было так много начальства – и наш легат, и при нем все шесть трибунов, – что я невольно остановился и вытянулся.

– Марш... Марш... Проходи... – недовольно пробурчал центурион и, взяв за плечо, повлек меня во второе – главное – отделение.

Там я повторно замер и вытянулся – передо мной оказались сам наместник, а с ним Марцелл, знакомый мне черноглазый сириец и какой-то старик.

Казалось, они не заметили моего появления, давно что-то обсуждали и никак не могли остановиться.

– Так сообщать императору или нет? И что сообщать? – нависал наместник над стариком, но тот лишь хлопал дряблыми фиолетовыми веками и угрюмо смотрел перед собой.

– Напиши так, как есть: обещал, но еще не прислал, – сказал Марцелл. – Это самое простое. Если хочешь – самое безопасное.

– Да, я напишу... Император решит, что Артабан нарочно тянет время, и прикажет переходить в наступление, а тот в это время вышлет... этого... И что тогда делать? – Вителлий встал и прошелся по палатке.

Я провожал его взглядом и попутно рассматривал сундуки с серебряной и золотой чеканкой, серебряную посуду на столе.

Он резко остановился и глянул куда-то мимо меня:

– Царь уже уехал?

– Нет, игемон, – ответил центурион за моей спиной.

– Это точно?

– Разве что тайком сбежал...

– «Тайком», – наместник поморщился, как от дурной шутки. – А... тетрарх?

– Уехал, игемон. Но половина его свиты осталась и не думает сниматься.

– Да... Конечно... Ждут...

Тут он, наконец, посмотрел на меня.

– Этот?.. – и оглянулся на старика.

– Да, игемон. Этот солдат стоял и слушал, – заговорил черноглазый сириец. – Но я еще не успел поговорить с ним...

– Я сам с ним поговорю, – решительно сказал наместник и вплотную подступил ко мне.

Я тянулся, затаив дыхание.

– Ага, ты – италик, – произнес он и, судя по тону, был доволен, что я именно италик.

Я хотел сказать про отца-солдата германской гвардии и мать-еврейку, но промолчал.

– Итак, тебя поставили к палатке подслушивать... – тут он запнулся и обернулся к своим собеседникам. – Кому взбрело в голову ставить италика подслушивать разговор иудея с персом? – и в тоне его послышались удивление и презрение.

– Он не италик, игемон, – проговорил старик. – Если позволишь, я спрошу его.

– Спрашивай... – сказал наместник и повел рукой от старика в мою сторону, словно позволял тому продолжить какую-то глупость.

– Ты стоял у палатки?

– Да... – я не знал, как обращаться к старику.

– Когда подъехали первые парфяне, кто-нибудь из них входил в палатку?

– Да.

– Один?

– Да.

– Ты слышал, о чем они говорили?

– Только тетрарха. Немного... Он говорил громко.

– Угу, – старик слегка поморщился. – Ну, хоть что-то... Что он говорил? – и я невольно отклонился, так пристально старик посмотрел мне в глаза.

Голова у меня кружилась. После того, как в Вифании я получил куском металла по шлему, она у меня часто кружилась вечерами. Именно потому, что она у меня кружилась, мне вдруг показалось, что внутри старика под его белой старомодной тогой есть какая-то черная точка.

– Он сказал... – я стал вспоминать, и черная точка задрожала и стала кружить, как шмель вокруг цветка. – Он сказал: «Какое его дело?.. Строительство не начиналось... Я буду просить... Только он тоже...» И всё...

– И тот вышел и уехал.

– Да.

– Как он выглядел?

– Обычно...

– Он иудей или из парфян?

– Наверное, из парфян. На лошади сидит хорошо...

Они все долго молча рассматривали меня.

– Артабан спрашивал о чем-то очень неприятном для тетрарха... – произнес Вителлий несколько нараспев, сел в кресло и развалился. – Тот даже обиделся. Строительство не начато... Что он хочет строить? Так... Далее... Ирод будет просить... Он просил о чем-то? – обернулся наместник к старику.

– Он не просил, игемон, – улыбнулся старик. – Он очень вовремя и незаметно предложил, чтобы царевич Дарий жил у него в качестве гостя. И Артабан сразу же согласился.

– И я согласился. Ловко!.. – глаза Вителлия весело блеснули, хотя, как я понял, его недавно в чем-то провели.

– Царь спрашивал Ирода о строительстве, – заговорил молчавший до этого Марцелл. – Ирод еще не начинал, а царь Артабан уже все знает...

– Еще бы... – старик поднял палец. – Царь послал деньги бунтовщикам. Ирод перехватил их и начал строить дворец.

Все они, забыв про меня, смотрели на старика, а тот продолжал, размеренно покачивая пальцем:

– Царь спрашивает о строительстве. Пугает его. Тот в ответ предлагает договориться...

– Значит, деньги, которые ты искал, давно у Ирода, – обернулся Вителлий к Марцеллу и даже рассмеялся.

– Разреши солдату удалиться, игемон, – сказал старик.

– Да, иди, – не глядя на меня, сказал наместник. – Ты – хороший солдат. Я распоряжусь, чтобы тебя наградили.

Глава 31. **Зенон, раб Марка Клавдия Марцелла. Месяц Юлия Цезаря, Иды**

Казалось, хозяин забыл обо мне. Я просмотрел все записи времен Квирина и теперь вместе со Стратоником просто искал, читал и обсуждал документы прошлого. Волшебное время познания уходило неслышно.

Пилат и Дарданий задержались в Иерусалиме почти до середины лета. Лишь в один из дней месяца Юлия солдат конвоя заявился среди дня в номофилакию и объявил, что меня ждет сам Дарданий. Солдат был грустен.

– Прощай, грек, – сказал он и, вздохнув, добавил. – Здесь, пока тебя сторожили, хотя бы выпались. Теперь не дадут...

Из этой фразы я понял, что мой конвой отправляют к прежнему месту службы, значит, и моя служба в этом благословенном хранилище мудрости закончена.

Я ошибся. Дарданий, эллин, к которому именно поэтому я чувствовал невольное расположение, встретил меня в зале с серебристо-белыми колоннами и, внимательно осмотрев от сандалий до налобной повязки, мягко, даже вкрадчиво сказал:

– Ты хорошо поработал. Подготовленные тобою списки нам очень помогли. Но дело не закончено. Самые серьезные стычки с мятежниками еще впереди. Я оставляю тебя при себе, чтобы ты вел подробную хронику всех событий. Это понадобится и мне, и твоему хозяину. Отныне будешь меня повсюду сопровождать. Иди, перенеси свои вещи. Жить будешь вон там, – и он указал на небольшую боковую дверь.

Я даже не знал, радоваться мне или горевать. Люди, знающие все тайны возглавляемой Дарданием организации, долго не живут. Об этом как-то вскользь говорил Стратоник. Он показал мне свиток двадцатилетней давности, но в руки не дал, заметил только, что это переписка об убийстве лазутчиков. Тогда и прозвучали эти слова о кратковременности жизни определенной категории людей. Стратоник тогда нашел интересные параллели с одной иудейской притчей, суть которой сводилась к тому, что во многой мудрости много печали. Теперь же меня насильно окунали в жизнь, полную смертельно опасных тайн. За что?..

Собравшись с духом и трезво поразмыслив, я понял, что все это из-за хозяина. Дарданий боится подозрений со стороны Марцелла, а мне Марцелл поверит. Значит, поверит и хронике, которую мне предстоит писать. Понятно, что Дарданий не позволит мне писать по своему усмотрению, он будет диктовать мне и проверять написанное.

Я перенес свои вещи, взял необходимые письменные принадлежности и вышел к Дарданию, который прохаживался по светлому залу, что-то обдумывая.

– Я готов, игемон, – сказал я.

– Правильно, так и называй меня, – усмехнулся Дарданий. – Начни с сегодняшнего дня. Запиши, как я тебя вызвал из номофилаксии и поручил находиться при себе неотлучно...

Тут дверь распахнулась, и на пороге появился Понтий Пилат.

– Почта из Антиохии! – выразительно потряс он голубоватым свитком. – Они там уже знают про эти проклятые сосуды, и Вителлий намекает мне на мою бездеятельность... Откуда?.. Марцелл?.. Или кто-то еще донес?

– Возможно, Марцелл известил наместника, – ответил Дарданий, шагнув навстречу прокуратору. Говорил он медленно, словно подбирал слова. – Я тоже получил письмо по линии тайной стражи. И меня предупреждают о недопустимости мятежа.

– И тебе пишут о сосудах? Кстати, что они собой представляют? Ты тоже несколько раз говорил о них...

Дарданий замялся. Я понял, что он не хочет говорить при мне. Не доверяет...

Но он не был бы эллином, если бы не нашел выхода.

– Марцелл преподавал нам урок, игемон, – заговорил Дарданий, обращаясь к Пилату.

– Марцелл?.. Урок?.. Какой урок может преподать мне этот... – и Пилат смолк, не найдя подходящей характеристики для Марцелла.

– И, тем не менее, игемон, я в затруднении. По всей Самарии открыто говорят о неких сосудах некоего Моисея. Но что это за сосуды и какое значение они имеют во всей этой истории с ревнителями, мы не знаем.

– Куда же смотрят твои лазутчики?..

– Мои лазутчики – неграмотные люди, игемон. Отбросы. Из других трудно вербовать...

– Постой! Я, кажется, понял... – Пилат посмотрел на меня своими блеклыми глазами. Я склонил голову.

– Нам надо найти в номофилакии, кто такой Моисей и что там за сосуды, – проговорил Дарданий. – Но у нас почти нет времени...

– В номофилакии целая шайка местных греков бездельничает и обжирается на деньги римского народа, – взорвался Пилат. – Чем они занимаются?.. Я даю им сутки, а если не найдут, выгоню, заставлю побираться... Обнаглели!..

– Будет исполнено, игемон, – поклонился Дарданий и пошел к выходу, дав мне знак следовать за ним.

По дороге к номофилакии Дарданий спросил меня, знаю ли я, кто такой Моисей. Я знал. Как только Пилат и Дарданий заговорили об этом, я вспомнил, что некий Моисей – Мойша по-местному – был предшественником того самого Иешуа, который делил здесь землю между иудейскими родами.

Дарданий спросил, знаю ли я что-нибудь про сосуды Мойши. Вот этого я не знал. Дарданий молча кивнул.

В номофилакии Дарданий тот же вопрос задал Стратонику.

– Надо посмотреть, – ответил Стратоник.

– Посмотри. У тебя сутки.

Наблюдая со стороны, я понял, что Дарданий и Стратоник давно знают друг друга. Стратоник смотрел на него настороженно, но без страха и без волнения. Остальные служители не обращали на Дарданий никакого внимания, лишь двое молодых эллинов, пошептавшись, уставились на него во все глаза, и даже рты у них приоткрылись. Дарданий раздраженно посмотрел на них и дал мне знак, что уходим.

На обратной дороге мы зашли в неприметное здание под высокой стеной сразу у входа во внутренний двор дворца. Здесь Дарданий

до позднего вечера расспрашивал разных людей – греков, иудеев, сирийцев, но записывать было невозможно, поскольку все говорили вполголоса или просто шептали что-то на ухо Дарданию. И внешность лазутчиков я не смог бы описать – обычно капитуиум скрывал их лица, если же его не было, то лица поражали своей обычностью, серостью, текучестью. Ни одного устоявшегося выражения, ни спокойствия, ни достоинства. Дарданий не лукавил, когда говорил Пилату о неграмотных людях, об отбросах.

В полумраке от Пилата прибежал молодой центурион и позвал Дардания к прокуратору. И снова Дарданий дал мне знак следовать за ним.

Пилат ждал Дардания в небольшом зале с узорами разной степени голубизны на стенах. Похоже, голубой был его любимым цветом. Прокуратор возлежал на кушетке, обитой темно-синей материей, пил вино из серебряной чаши и закусывал кусочками тонкого пресного хлеба. Он удивленно и неприязненно посмотрел на меня и так же, но с явно демонстративным удивлением, взглянул на Дардания.

– Пусть записывает, – сказал Дарданий тоном, будто делал вызов кому-то далекому.

Пилат фыркнул, но больше на меня не смотрел. Он вопросительно вскинул голову, и Дарданий, присев напротив, тихо, но четко и ясно, чтоб я мог записывать, начал говорить.

За день присутствия в Кесарии к нему стеклись сведения, что людей в округе мутит некий Симон Маг, который открыто призывает к войне против Рима. Связь Симона с ревнителями пока не установлена, Машиаха он тоже не ждет, поскольку объявил себя самого воплощением Бога. Вместе с ним находится некая женщина, которую зовут Елена. Симон говорит, что Елена – мысль Бога. Но одному человеку он по секрету сообщил, что Елена – умершая, но вернувшаяся на землю Елена Троянская...

У меня даже стилус дрогнул в руке, да и Пилат вздохнул и пробормотал: «О, бессмертные боги!»

Впрочем, по сведениям самого Дардания, Елена – проститутка из Тира и имя ее совсем другое. И Пилат снова вздохнул, но уже с облегчением.

– Очень уж запутано, – сказал он. – Такой человек не сможет поднять мятеж. На кого он будет опираться? Греки точно не восстанут. Даже ради Елены Троянской, – при последних словах он усмехнулся.

– Да, игемон, – ответил Дарданий. – Восстания в окрестностях Кесарии быть не может. На восстание здесь способны одни иудеи. А они собираются в Самарии, – и он повел подбородком, видимо, в сторону этой земли.

И Пилат глянул в ту сторону. Губы его поджались, кончик носа заострился.

– Ты хочешь сказать, что они уже начали собираться, и поводом – эти проклятые сосуды?

– Да, игемон. И собираются не только ревнителю, но все, кому не лень. Даже тот сумасшедший, который якобы кого-то исцелил. Он все время сидел на площади в Иерусалиме, теперь исчез, и мои люди говорят, что он ушел в Самарию.

– Ты следишь за каждым сумасшедшим? – недоверчиво и раздраженно спросил Пилат. – Почему же ты не можешь?..

– Не каждый сумасшедший исцеляет, – с улыбкой парировал Дарданий.

– А этот точно исцеляет? – еще недоверчивее и раздраженнее проговорил Пилат.

Дарданий примирительно улыбнулся и развел руками.

– Есть что-нибудь более существенное, чем исчезнувший сумасшедший? – казалось, Пилат теряет терпение.

– Да, игемон. Мне назвали место, где они будут искать сосуды. Это гора Гаризим.

– Почему там? Что это за место?

– Это место, где самаритяне поклоняются Богу. Они считают, что не обязательно поклоняться ему и приносить жертвы только в иерусалимском храме.

– Так... – Пилат задумался. – Но мы обязаны поддерживать иерусалимский храм. Так?.. Этот прохвост Каиафа наш верный подданный, – покрывив рот в улыбке, он поднял глаза на Дардания. – Где она?

– Примерно в половине пути от Кесарии до Иерусалима. Сразу за Сихемом.

– Они уже там?

– Они собираются туда.

– То есть, точно ты не знаешь.

– Не знаю, игемон.

Они замолчали, а я воспользовался этим и торопливо записывал, восстанавливая по памяти все, что они говорили.

– Сихем... Сихем... – сквозь зубы проговорил Пилат.

Я поднял на него глаза. По лицу прокуратора расплывались розовые пятна, потом все оно стало одинаково багровым.

– Я не знаю, когда ты найдешь что-либо про сосуды, зачем они им нужны, – заговорил он. – Но войска надо стягивать к Самарии, к Сихему и – от Иерусалима – к Силому. Гонцов послать сейчас же. Из Кесарии выступать на рассвете, из Иерусалима – немедленно по прибытии гонца. Послезавтра к вечеру мы их возьмем в кольцо. Вот тогда пусть побунтуют...

Дарданий посмотрел на меня, я кивнул, показал, что записываю.

– Слушаю, игемон, – громко по-военному сказал Дарданий. – Какие войска вызвать из Иерусалима?

– Набатейскую конницу. Всю, какая там стоит...

Всю ночь местный гарнизон готовился к выступлению. Идти предстояло примерно 250 стадий, но для пеших это путь не близкий. Марш мог затянуться на два дня. Утром несколько когорт одна за другой выступили из города. Двинулись морским берегом в сторону Иоппии, а затем, отойдя подальше, исчезнув из виду, должны были свернуть на восток, в горы.

На рассвете я не выдержал и задремал, благодаря чему пропустил несколько встреч Дардания с его доверенными людьми. Все это происходило в том же небольшом здании во внутреннем дворе дворца. Дарданий не будил меня. Видно, не все предназначалось для моих ушей.

Проснулся я от жары, на меня падал солнечный свет из окна. Вытирая мокрую шею, я невольно услышал слова Дардания, которыми он напутствовал очередного бесцветного и безликого человека:

– Проверь, точно ли Симон Маг встречался с Сыном Отца...

Осунувшийся Дарданий сердито глянул на меня:

– Привыкай терпеть, не спать, – сказал он, но тут же добавил. – Отдохни. После полудня идем в номофилакию.

– Я не записал... Проспал...

– Да-да. Запиши: лазутчики передали мне слухи, что в Самарии видели Сына Отца, того самого разбойника, которого некогда упустили вместе с Елеазаром, – тут он зевнул, потянулся и повторил. – Отдыхай...

Заснуть, когда когорты солдат под звуки военной музыки покидают город, а во дворце идет обычная утренняя суета, трудно. Я промучился до самого полудня, несколько раз впадал в забытие, но всякий раз приходил в себя от резкого звука или какого-нибудь крика. В конце концов я отчаялся заснуть и просто лежал с закрытыми глазами, перебирая в памяти события этого беспокойного года.

Пришли от Дардания и сказали, чтоб я собирался, пора идти в номофилакию.

Дарданий отдыхал тоже где-то во дворце, но я не знал где и подумал, что он может без меня встречаться со своими лазутчиками или обсуждать разные дела с Пилатом, а моими записями прикрыться. Но если надо будет, я открыто скажу хозяину, что видел отнюдь не каждый шаг начальника тайной стражи и слышал отнюдь не каждое его слово.

Медленно, словно прогуливаясь, мы прошли от дворца к вместилищу тайн, где господствовал Стратоник. Тот уже ждал нас с небольшим свитком выписок.

– Нашел?

– Кое-что нашел, игемон, – ответил Стратоник, протягивая Дарданию желтоватый свиток.

– Рассказывай.

– В иудейских записях про Моисея сосуды упоминаются три раза, – и он развернул свиток, показывая нам выписки. – В один сосуд Моисей велел положить некий хлеб, посланный иудеям свыше, когда они скитались по пустыне, и поставить этот сосуд перед... таким ящиком...

– Ящиком?

– Да, перед ящиком, в котором хранится договор иудеев с их Богом.

– Торгаши! – фыркнул Дарданий. – Даже с Богом у них договор...

И где же этот ящик?

– Видимо, в Иерусалиме. В главном храме...

– Понятно. Дальше.

– Есть описания золотых сосудов для совершения богослужения и упоминания о медных сосудах для жертвенника, которые были созданы при Моисее.

– И все это тоже в Иерусалиме?

– Видимо, так, игемон. Эти сосуды там, где проходят главные богослужения.

– А сказано где-нибудь, что их прятали, зарывали в землю?

– Я не нашел, – с сомнением в голосе произнес Стратоник.

– И из Иерусалима их никогда не вывозили?

– Вывозили, но вернули. Вот. Некий халдейский царь разрушил Иерусалим и все сокровища, и сосуды, игемон, отнес в Вавилон, но персидский царь Кир вернул все сокровища и разрешил строить новый храм. Вот перечень возвращенных сосудов, – и Стратоник зачитал, – блюд золотых – тридцать, блюд серебряных – тысяча, чаш золотых – тридцать, чаш серебряных двойных – четыреста десять, других сосудов – тысяча. А вот кто принял – Меремоф, сын Урии, священник, Елеазар, сын Фенесов, Иозавад, сын Иисусов, Новадия, сын Виннуя, левиты. Принято по счету и весу.

Дарданий выслушал молча, лишь при знакомом имени Елеазар вскинул голову и внимательно посмотрел на Стратоника.

– Кир... Это у Ксенофонта?.. – спросил он.

– Да, игемон. И у Геродота.

– Да... Ну, хорошо... – Дарданий взял из рук Стратоника свиток с выписками и пошел к выходу, сделав мне знак следовать за ним.

В тот же вечер мы выехали по дороге на Иопсию вслед за Пилатом, который ушел туда еще утром с войсками.

Глава 32. Марк Клавдий Марцелл. Месяц Юлия Цезаря, день XIII перед Календами

Время в объятиях красавицы Андрофилы летело незаметно. Физическое опустошение и сладкая сонливость после длительных взаимных ласканий приносили Марку то состояние бездумья, которое считается блаженством или счастьем.

Разговор с ней, о чем бы ни велась речь, никогда не раздражал и не настораживал его. Она оказалась патриоткой Рима, и взгляды ее совпадали со взглядами Марцелла. Как-то она сказала, что римляне принесли свободу Греции. Как это? Обычно греческие женщины сидели в домах в специальных помещениях – гинекеях – и почти никуда не показывались. Ходили они в сопровождении или близких родственников, или служанок. А вот римская женщина не изолирована от общественной жизни, она появляется с мужем на пирах, гуляньях, на представлении в амфитеатре... Женщин сажают на почетные места, их уважают, даже консул, идя по улице, уступает женщине дорогу (Марцелл не помнил таких случаев). Она слышала, что римские жены поколачивают своих мужей, чего и представить себе невозможно в Греции до освобождения ее римлянами.

Относительно содержания дома и хозяйственных мелочей у нее, видимо, оставались свои взгляды, но в это он не вмешивался, поскольку не интересовался.

Она оставалась сдержанной в эмоциях всегда, если речь шла о чем-нибудь, кроме любви. Мило- стиво улыбалась на приятные ей шутки или когда слышала хорошие известия. Он удивился, впервые

услышав ее смех – краток, прерывист и чем-то напоминает квохтание растревоженной курицы. Почему она рассмеялась? Утомленная любовью и расслабленная, она вспомнила какую-то подругу. Кажется, Клавдию Прокулу.

Она не казалась проказливым ребенком, заставляющим своим криком подскочить задремавшую старую няньку, но иногда любила во время любовного соития опереться локтями о подоконник и наблюдать в окно за прохожими на улице.

Ей нравилось позвать раба или рабыню с яствами на подносе и, как только они появлялись, начать исступленно ласкать обнаженного краснеющего Марцелла, искоса поглядывая на дрожание подноса в руках у все еще спокойного на вид свидетеля.

Изредка появлялись посланцы от наместника, и Марцелл со скрываемым неудовольствием выходил на раскаленные солнцем улицы столицы.

В Антиохии составители хроник писали в деталях, как Артабан III и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружен мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста...

Потом случилось нечто неожиданное. Но хронисты, не зная многого, не обратили на это событие должного внимания. «Вскоре после этого Артабан послал Тиверию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Елеазар, человек семи футов роста, прозванный за это Гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон».

Да, Артабан выдал Елеазара.

Вителлий и начальник тайной стражи упрятали его в самую крепкую тюрьму Антиохии. Даже Марцелл не знал точно – куда. Но видно было, что главного ревнителя они еще не допрашивали. Растягивали удовольствие.

Вителлий, казалось, забыл о Пилате, о Каиафе. Забыл о Марцелле, только никак не отпускал его обратно в Рим. Деньги, перехваченные Иродом и пущенные им на строительство дворца, не давали покоя наместнику. Видимо, из зависти или в отместку Вителлий распорядился

отправить царевича Дария в Рим, словно забыл о договоренности оставить того гостем во владениях тетрарха.

Начальник тайной стражи осторожно предупреждал, что Артабан может увидеть в этом нарушение договоренности.

– Это не страшно. Договаривался он с Иродом. К Ироду и претензии, – ответил тогда Вителлий.

На XIII день перед Календами ожидалось прибытие гонца от императора, которому Вителлий не преминул донести о встрече с парфянским царем, о присылке царского сына, о выдаче главного бунтовщика Иудеи Елеазара.

Ожидая похвал божественного Тиберия, наместник собрал у себя во дворце всех начальников провинции. Белые тоги сияли вперемешку с кроваво-красными плащами военных. Кое-кто из модников явился в цветной тоге. Но таких в провинции были единицы. Приглашен был и Марцелл. Но прежде ожидаемого гонца от императора прискакал гонец от Пилата.

Наместник отдавал необходимые распоряжения по одному важному делу, связанному со сбором налогов, и, не читая, передал свиток начальнику тайной стражи. Налоги поступали медленно, и Вителлий раздраженно объяснял что-то налоговому контролеру.

– Игемон... – вмешался начальник тайной стражи, протягивая развернутый список обратно Вителлию, и тот так же раздраженно схватил его.

– Ну, что еще у этого самнита?..

Прокуратор докладывал, что в Самарии вспыхнуло восстание, но в тот же день было решительно подавлено. Самаряне якобы вооружились и расположились в деревушке Тирафана. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большей толпой подняться на гору и там провозгласить начало восстания. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен. Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

По мере чтения болезненно-розовое лицо Вителлия, и без того напряженное и раздраженное, начало подергиваться. Он прочитал и передал свиток подошедшему Марцеллу.

– Все-таки Пилат устроил бойню...

– Странно, ничего не предвещало, – задумчиво сказал главный сыщик. – В последнем донесении Дарданий писал о каком-то сумасшедшем... О Елене Троянской... И вдруг такая кровь!..

– Не здесь... Не здесь... – наместник дал знак Марцеллу следовать за ним и пошел из зала в кабинет.

– Опять самнит... Опять самнит... Он не пресекает бунты, он масло в огонь подливает! – сквозь зубы говорил он на ходу. – И именно сейчас...

«Третий след... События в Самарии...» – подумал Марцелл.

– Что бы ни случилось, переговоры уже состоялись, приказ императора выполнен... – начал он, когда они укрылись от посторонних глаз в кабинете.

– Этот самнит в Иудее, как нарыв на плече воина перед боем, – с трудом сдерживая себя, заговорил Вителлий, перебивая Марцелла, и чеканным голосом стал отдавать распоряжения, расхаживая взад-вперед. – Десятый легион из Иудеи не выводить... Здесь он уже не нужен, а там...

Начальник тайной стражи торопливо сделал знак писцу, дожидавшемуся в отдалении.

– Префекту Марку Клавдию Марцеллу, – продолжал Вителлий, не глядя на Марцелла, – отправиться в Иудею, сместить Пилата, занять его место и удержать, сколь это возможно, провинцию от мятежа... Не сейчас... – остановился он перед вытянувшимся Марцеллом. – Не сейчас...

Они помолчали, вопросительно переглядываясь. Начальник тайной стражи, уводя взгляд, сказал:

– Будут жалобы...

– Посыплются жалобы!.. – громко подхватил Вителлий. – Посыплются!.. Императору и, конечно же, мне, – он протянул руку и положил ее на покато старческое плечо начальника стражи. – Жалобы... Сюда... ко мне...

– Да, игемон.

– И как только мы получим хотя бы одну – первую – жалобу, ты немедленно выступишь, – положил он вторую руку на плечо Марцеллу.

– Да...

– Его пора убирать...

– Да...

Дверь резко распахнулась, и дежурный центурион успел произнести:

– Гонец...

– Именем Цезаря Императора, – донеслось из зала.

Собравшиеся там сдержанно загудели, затем настороженно смолкли.

– Ага, – и Луций Вителлий рванулся навстречу почестям и благодарностям...

Увы, еще одно горькое разочарование постигло наместника Сирии в этот день.

Вителлий картинным жестом после всех положенных по протоколу действий – поцелуй печати и приложение свитка ко лбу – развернул письмо императора. Ему хватило ума и осторожности прочитать первые строки про себя. Молчание затягивалось. Лицо наместника на глазах меняло выражение и наливалось кровью.

Император писал, что благодарит консуляра, но о событиях ему уже все известно. Тетрарх Ирод первым отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено: и о встрече Вителлия с Артабаном, и о получении заложников.

Марцелл, вышедший вслед за наместником из кабинета, видел, что тот впадает в гнев, но не мог понять причины этого гнева. Не на императора же он гневается...

Свита наместника и чиновники Антиохии так ничего и не услышали о содержании письма. Вителлий бережно свернул свиток, взглянул на Марцелла (начальник тайной стражи из кабинета не выходил), сказал:

– Прошу следовать за мной, – и, поворачиваясь, чтобы следовать в кабинет, мимоходом бросил в зал. – Все свободны...

Чиновники рассеялись, предполагая новую войну или очередной мятеж.

В кабинете Вителлий дал волю чувствам. В поступке Ирода он увидел большее оскорбление, чем то было на самом деле, а заодно попытку тетрарха стать недосягаемым для него, наместника, попытку общаться напрямую с императором, желание показать, что именно он, Ирод, обеспечивает мир и процветание провинции.

– Он перехватил деньги, посланные мятежникам, и вместо того, чтобы передать их в казну государства, просто напросто присвоил. Как?.. Как они к нему попали?.. Этот бездельник Дарданий... Не говоря уже об этом самните... Ищут... Ищут... Как они могли к нему попасть?

Видимо, наместник уже много раз задавал этот вопрос начальнику тайной стражи, который, собственно, первым высказал гипотезу, что деньги, посланные ревнителям, оказались у тетрарха. Начальник тайной стражи был безмолвен и задумчив.

– Ну да! – всплеснул руками Вителлий. – Единственный не пойманый... этот... сын кого-то... Ты ведь сам говорил, что он связан с Иродом... с этим иудеем...

Похоже, что наместник уверовал в версию начальника тайной стражи за неимением другого объяснения.

– Он нужен мне живой, нужны его показания, как он передал деньги Ироду. Это теперь твоя главная задача... – он чуть не касался пальцем груди Марцелла, но сам отклонялся, словно боялся прикоснуться.

– Ирод – правитель, у него свое войско, своя стража... – начал Марцелл. – Если деньги появились...

– Ну, нет! – перебил Вителлий. – Парфянские деньги, посланные на разжигание мятежа в Иудее, где сидит наш прокуратор, это... Они перехватываются тетрархом... Он ничего нам не сообщает... Да... Начинает строительство!.. Ну, нет! Я его вот как возьму, – и наместник сжал кулак.

– Может, что-то подскажет Елеазар, – произнес молчавший до этого начальник тайной стражи.

– Подскажет!.. – гнев перехватил горло наместника.

Он долго молчал, сплетя пальцы и сосредоточенно думая, затем, не разводя рук, потер большие пальцы друг о друга:

– Да, пора поговорить с Елеазаром.

Все тюрьмы империи похожи. Антиохийская тюрьма тоже не отличалась от других. Но в подземелье Вителлий спустаться не стал, велел привести Елеазара под сильным конвоем в комнату начальника тюрьмы.

Замерший в углу начальник успел распорядиться, чтоб приняли чрезвычайные меры безопасности, и Елеазара ввели связанного, а четыре здоровенных тюремщика стояли вокруг него квадратом, держа в руках опоясывающие узника веревки.

Для Вителлия спешно принесли высокое кресло, начальник тайной стражи и Марцелл стояли по бокам его, конвой, за исключением стоявшего в дверях центуриона, остался наружи. Около начальника притаился переводчик.

Осунувшийся, но все еще величественный Елеазар спокойно смотрел на наместника и его окружение. Парфянскую одежду, в которой его выдали, у него в тюрьме забрали, и теперь он был в короткой замызганной тунике до колен, открывавшей мускулистые руки и толстую шею.

– Ты понимаешь по-гречески? – спросил Вителлий и жестом отправил на место сунувшегося вперед переводчика.

Чуть прищуренными глазами главный ревнитель внимательно оглядел наместника и негромко сказал:

– Понимаю.

– Тетрарх Ирод уговорил царя Артабана выдать тебя нам, – проговорил деланно равнодушным голосом Вителлий, глядя поверх головы разбойника и похлопывая ладонью левой руки о кулак правой. – Он тебя боится. Артабан давал тебе деньги на восстание, а Ирод присвоил их и строит на них дворец.

Произнеся это, наместник смолк и, кривя полные губы, уставился на Елеазара. Тот лишь на мгновение прищурился чуть больше обычного и остался спокоен.

– Мы очень старались тебя поймать и деньги отобрать. Вот он за тобой по всей Иудее гонялся, пока ты в Парфию не вернулся, – продолжал наместник, чуть склоняя голову в сторону Марцелла. – Но мы не могли тебя поймать и деньги перехватить. А Ирод смог. Деньги у него. Только мы не знаем, как они к нему попали. Ты можешь нам сказать, как твои деньги попали к тетрарху? Ты знал об этом?

Марцелл следил за выражением лица Елеазара: «Неужели заговорит? Почему Вителлий так открыто спрашивает?» Но не зря Луций Вителлий слыл одним из первых интриганов империи. Елеазар резким движением головы откинул черные спутанные волосы с высокого лба и так же негромко проговорил:

– Не знал. Теперь знаю.

Вителлий помолчал, глядя в окно, откуда текла жара. Марцелл увидел, что Елеазар тоже смотрит в окно и о чем-то сосредоточенно думает – губы у него изредка двигались, будто он сам с собой разговаривал.

– В тюрьме, по крайней мере, не так жарко, – вздохнув, невнятно произнес наместник. – Ну, ладно. Мы отвлеклись. Ревнитель по имени Сын Отца мог передать деньги Ироду?

С неизъяснимой ухмылкой, с презрительным превосходством сильнейшего Елеазар произнес:

– Я его не знаю.

Вителлию второй раз за сегодняшний день пришлось сдерживать свой гнев. Но он сдержался. Марцелл подумал, что наместник придумает для Елеазара какую-нибудь особенную казнь. Надо ведь как-то отомстить за презрительную ухмылку.

– Тебя предали. Ради обычных денег... Ради нового дворца... Возможно, он будет безвкусно построен... – проговорил наместник.

Елеазар равнодушно пожал плечами, насколько позволяли натянутые тюремщиками веревки, и ответил:

– Даже ради одного праведника держится мир.

– Уведите, – копируя его равнодушный голос, сказал Вителлий и утвердительно кивнул.

На пустынной площади перед тюрьмой он задержался у носилок.

– Пусть твои люди его хорошенько расспросят, – сказал он начальнику тайной стражи. – Но не ломайте ему ноги. Он должен донести свою перекладину до столба сам. В Нептуналии мы его повесим. На радость римскому народу... Принесем жертву... Может, засухи не будет, – усмехнулся он. – Итак, у вас три дня.

Глава 33. **Марк Клавдий Марцелл. Месяц Цезаря Августа, день XI перед Календами**

Второе путешествие Марцелла в Иудею и дальше готовилось, и не отличалось приключениями. Жалобы действительно посыпались, и Вителлий изменил свое решение: он выдерживал Пилата в неведении – послания от него получал, но распоряжений не слал. Ждал, что этот самнит занервничает и еще чем-нибудь проштрафится. Он дождался даже представителей верховного совета самарян, которые явились к нему и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Выслушав жалобщиков, наместник дал знак Марцеллу и его людям – вот теперь пора отправляться. Но и сейчас он растянул свою месть Пилату. Марк Клавдий Марцелл, решил наместник, отправляется с прежним заданием – ловить Сына Отца, а на место Пилата будет назначен Публиций Марцелл. До Пилата долетит молва, что преемником ему назначили Марцелла. Вот пусть он сначала дожидается и встречает Клавдия Марцелла, а затем уже Публиция. Планируя это, Луций Вителлий плотоядно облизнул губы и потер руки.

Марк Клавдий Марцелл был рад такому решению и спросил у наместника, можно ли рассчитывать вернуться в Рим после очередной поездки в Иудею.

Вителлий помолчал и, словно на что-то решившись, подошел ближе и положил руку Марцеллу на плечо:

– Скажу честно. Есть негласное пожелание императора держать тебя здесь как можно дольше. Для твоей же пользы...

Что ж делать? Вчетвером они выехали из Антиохии в Иудею, где Марцелл должен был продолжить поиски. Трех преторианцев, наградив, отправили в Рим, к прежнему месту службы. По распоряжению Вителлия в Угарите Марцеллу должны были выделить еще декурию арамейской конницы. На глазах собиравшегося в дорогу Марцелла шла подготовка к смещению Пилата. Начальник тайной стражи подобрал нужное количество жалоб и доносов и составил по ним пространный меморандум – перечень вопросов, с которыми новому прокуратору предстояло разобраться на месте в ходе смещения Пилата. Пилату же именем наместника предписывалось сдать должность и ждать вызова. Вителлий не хотел вызывать его в Антиохию, он ждал, что сам император затребует Пилата в Рим или на остров держать ответ по возводимым на него обвинениям. Но все это опальному прокуратору должен был передать другой человек...

Перед отъездом Вителлий и начальник тайной стражи дали Марцеллу особые инструкции относительно Ирода: собрать все возможные сведения о его нелояльности к Риму, о связях с ревнителями... Ибо кто есть Сын Отца, если не ревнитель?

– Он уговорил Артабана выдать Елеазара, главаря разбойников, и хвастал этим перед императором, но это ровно ничего не значит. Он боялся, что Елеазар отберет у него деньги, – наставлял Марцелла Вителлий. – Найди этого Сына Отца... Живого... Мне нужны его показания против Ирода...

– Елеазар что-нибудь сказал? Я что-то не помню, чтоб его казнили во время Нептуналий.

Вителлий не ответил и неприязненно посмотрел на начальника тайной стражи.

– Елеазар умер в тюрьме, – ответил тот. – У него оказалось на удивление слабое сердце.

Расставшись с Вителлием, Марцелл успел захватить на квартиру. Прощание с Андрофилой было трогательным. Но особого горя она не выказала.

– Мы успеем оформить наши отношения до твоего отъезда? – спросила она.

– Это невозможно, даже если бы мы очень торопились, – ответил Марцелл, с невольной тревогой наблюдая, как она надувает тонкие

детские губы. – Вслушайся. Мое имя – Клавдий Марцелл Младший. Жениться я могу только с позволения отца. По нашим законам мой отец должен трижды продать меня в рабство, только тогда я выйду из-под его власти.

– Да? А Луций...

– Твой супруг был сирота, этот закон его не касался.

– Ты считаешь, что я недостаточно хороша для твоих родителей?

– Отчего же? Ты вдова патриция. Но лучше не рисковать. Мы поедем в Рим, и ты очаруешь моих родителей, как очаровала меня.

– В Рим? Когда? А вдруг тебя убьют?

– О, Боги! Кто это меня убьет?..

После этой самонадеянной фразы он вышел к ждущему его конвою.

Ехали ночами от одного римского поста до другого. Днем отсыпались где-нибудь у источника пресной воды под волосатыми стволами пальм и в сумерках в сопровождении очередного дополнительного конвоя уезжали в грядущую душную, наполненную ночными запахами темноту. Двигались вдоль черного, поигрывающего серебром моря в сторону далекого желто-голубого, блеклого марева очередного города. Все было по-прежнему, только Германика временами мучили головные боли. Он так и не оправился полностью после удара снарядом пращи по шлему.

Эстафета наместника обогнала их у самой Антиохии, и по всему пути их ждали подготовленные лошади и команды конвоя. Марцелл на этот раз выбрал дорогу вдоль морского берега. Естественно, по совету Вителлия. Здесь, у моря, было не так жарко. Но главное – у моря граница провинции подходила вплотную к Кесарии и Марцелл мог появиться внезапно и не дать Ироду времени замести следы. На этом особо настаивал наместник.

Но у Пилата или у Дардания наверняка были свои люди в окружении Вителлия. Рано утром, когда голубое только-только начинает отличаться от белого, отряд конницы встретил путников на границе провинции и командующий им центурион, приветствуя, назвал Марцелла «игемоном».

От городских ворот и до дворца прокуратора Марцелл ощущал, что движется на волне тихих голосов и шепота, хотя улицы рассветного города не отличались многолюдьем, а прохожие, казалось, не обращали на всадников внимания. Та же волна сопровождала его вверх

по лестнице и оборвалась, когда двери в главный зал распахнулись. Вышние чиновники провинции, среди которых Марцелл почему-то не увидел Дардания, вскинули руки в приветствии. И Пилат, стоявший в центре у стола со свитками, не то лениво, не то обреченно согнул правую руку в локте и поднял раскрытую ладонь на уровень обрюзгшего лица. И сразу уронил...

Похоже, задумка Вителлия удалась...

Вскинув руку в ответном приветствии, Марцелл сказал, что не стоит торопить события, и попросил оставить его с Пилатом наедине.

– Все-таки сняли, – произнес Пилат. – Только время тянули, измучили... Какие распоряжения насчет меня?

– Тебя снимут, и приказ готовится. Но сменит тебя Публиций Марцелл. Не я... И я этому рад.

Пилат с недоверием помолчал.

– Что в приказе?

– Формально – сдать дела и ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на тебя обвинениях, – честно ответил Марцелл. – Но... сроки не указаны.

– Бедный римский народ, в какие попадет он медленные челюсти, – горько усмехнувшись, проговорил Пилат.

– Что? – не понял Марцелл.

– Так император Август сказал о Тиберии перед свой смертью, – объяснил бывший прокуратор. – А Вителлий подражает императору. Марцелл смолчал. Очень уж рискованно пошутил Пилат.

– Так зачем же ты приехал? – заговорил Пилат. – Ты с собой никого не привез... Кроме прежнего конвоя, – оглянулся он на полураскрытую дверь.

– Я никого не привез, – подтвердил Марцелл. – Вителлий послал меня со старым заданием. Еще они подозревают Ирода... Да и у Публиция, видно, будет прежняя задача – удержать провинцию от мятежа.

– О, мятежа тут еще долго не будет, – усмехнулся Пилат. – Меня за это надо... – он сделал жест, будто поднимал что-то вверх на раскрытой ладони. – А меня смещают...

– Ты же знаешь, у нас даже победа без приказа не приносит славы, – сочувственно сказал префект. – А ты перебил каких-то искателей сосудов... Вителлий не верит, но ты постарайся доказать, что это все же был заговор.

– А что же это было?! Это и был заговор! Дарданий все знает...

– Хорошо, – перебил его Марцелл. – С Дарданием я еще наговорюсь. Так ты считаешь, что мятежа не будет?

– После такого кровопускания? И Десятый легион оставили в провинции, не вывели... Конечно, не будет. Публицию Марцеллу досталась спокойная провинция. Прощу...

Они вышли на балкон. Солнце успело показаться, и небо налилось слепяще-синим цветом. Синее небо над тускло-белым, шершавым каменным городом... «И одежда у всех белая с синим, – подумал Марцелл. – Не с синим...» Он поморщился, подыскивая в сознании название для выцветших синеватых полосок на одежде местных жителей. «Голубоватые», – подумал он.

Листья пальм казались вывешенными на просушку лохмотьями. Дальше к морю сияли, отражая утренние лучи, гроздья вишневых и розовых соцветий, пахли кусты олеандров.

– А где Дарданий?

– Должен сегодня приехать из Десятиградья, – равнодушно ответил Пилат. – Так ты советуешь мне не торопиться?

Он уже не думал о делах Иудеи. Все мысли его были о поездке в Рим.

– Вызывают наказывать. А если восстания хотя бы год не будет, и вы с Дарданием докажете, что это все-таки был заговор... За что ж наказывать? Потом... Вителлий очень зол на Ирода Антипаса. Возможно, он будет жаловаться императору на тетрарха. Возможно – нет... Но он на него очень зол, – проговорил Марцелл, внутренне упрекая себя за эти рассуждения. Стоит ли обсуждать Вителлия, законно ли это?

– И я смогу отсидеться за спиной этого иудея. Обо мне забудут... О, Боги! – вздохнул Пилат. – Вот итог верной службы...

– Император ничего не забывает, но никогда не спешит, – сказал Марцелл. – Даже если ты явишься к нему через неделю, он будет держать тебя в неведении... год... два года... Он любит наказывать томительной неизвестностью.

– Наказывать... – снова вздохнул Пилат.

«Зачем он меня вывел на балкон? – подумал Марцелл. – Боятся, что подслушивают? Что-то хочет сказать?»

– Я думал, что именно ты сменишь меня, и подготовил несколько советов, – тихо сказал Пилат. – Но даже если будет Публиций... Тебе

они тоже пригодятся. Запомни: первосвященник, какой бы он ни был, никогда не выступит на стороне этой шайки ревнителей, а вот тетрах Ирод Антипас... вызывает у меня сомнения...

– У Вителлия он тоже вызывает сомнения. Очень серьезные. Покажи мне покои, которые ты мог бы мне предложить... – Марцелл чувствовал, что испытывает странную неловкость, разговаривая с фактически смещенным прокуратором, к которому он явился злым вестником, и неожиданно для самого себя произнес слова, слышанные от Вителлия. – Благо империи – прежде всего.

– Да, несомненно.

– А вот и он! Аве, прокуратор!.. – сама Клавдия Прокула в янтарного цвета тунике и с волосами, выкрашенными в огненный цвет, появилась во главе свиты рабынь и каких-то неясных личностей, греков и иудеев.

Пилат вздрогнул и слабо махнул на нее рукой:

– Нет... Нет... Не он...

– Как не он?.. Не ты?.. – вперила Клавдия Прокула взор в родственника. – А кто?

– Публиций Марцелл, – внешне сочувственно, но с давимой иронией, ответил Марк.

– А кто это? А ты? Зачем ты приехал? – растерялась Клавдия Прокула.

– Ловлю преступника по имени Сын Отца, – в том же тоне ответил Марцелл.

– Делать вам больше нечего... – разочарованно произнесла жена прокуратора.

Ее рабыни оставались безучастны, но стайка греков и иудеев еле слышно жужжала.

– Ну, что ж! Очень рада тебя видеть, – пришла в себя Клавдия Прокула. – Ты уже оформил официально свои отношения с вдовой Эквитора?

– Еще нет.

– Правильно, не торопись...

Ей, ошибшейся, разочарованной, невольно захотелось сделать больно кому-нибудь рядом с ней.

– Поверхностность образования, плоскость суждений, озлобленность нрава, – заговорила она.

«О ком это она? Об Андрофиле? Неужели осмелится?» – обомлел Марцелл.

– ...Хотя я предупредила ее, что твоя личная жизнь омрачена несчастьями...

– Извини, матрона. Я устал с дороги, – и он, обогнув Клавдию Проклу и ее свиту, прошел в гостевую комнату.

Вечером, как и обещал Пилат, из владений Ирода приехал Дарданий. В отведенном ему крыле дворца Марцелл принял начальника тайной стражи без свидетелей. Даже Зенон, неотлучно следовавший за главным сыщиком Иудеи, остался за дверью.

Они официально поприветствовали друг друга, Марк Марцелл указал Дарданию на кушетку напротив и коротко сказал:

– Рассказывай.

– Здесь, в Иудее, пока все спокойно. Шевеление у Ареты. Похоже, что парфяне подбивают его напасть на владения Ирода. Там вспыхивает и угасает уже лет десять. Может быть, и сейчас вспыхнет и угаснет...

– Да, я что-то слышал, – вспомнил Марцелл. – Дочь Ареты была женой Ирода и сбежала. Так?

– Да, префект, – Дарданий просто и спокойно объяснил суть противостояния. – Это повод и для Ирода, и для Ареты. У одного жена сбежала, у другого дочь оскорблена.

– Ты только что оттуда?

– Да, префект.

– Если Арета нападет на Ирода, местные Арету поддержат?

– Сомневаюсь.

– Они любят Ирода?

– Нет, префект. Лет пять тому назад Ирод казнил в Махероне одного проповедника, и население до сих пор не может ему этого простить. Но Арету они не поддержат. Арета – дикарь. Ирод отсидится за стенами у себя в Тивериаде, а люди Ареты будут грабить простой народ.

– И что же он проповедовал? Тот, которого казнили, – спросил Марцелл, хотя его так и тянуло начать разговор об Ироде и Сыне Отца.

– Разное, – Дарданий почесал затылок, вспоминая. – Он убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу и собираться для омовения. Он заставлял их переплывать Иордан. Сначала на восточный берег, потом опять на западный. После этого, смыв все грехи, они якобы становились новым народом, готовым принять Царство Божие.

- Царство Божие... И за что же Ирод казнил его?
- Это очевидно, префект. Царство Божие – это высшая власть их Бога, осуществляемая через... храм или проповедников,... но... никак не власть императора Тиберию.
- Ах, вот как... – Марцелл подумал и сказал. – Ирод поступил правильно.
- Несомненно, префект.
- Ирод все это время хочет показать себя искренним другом и союзником Рима. Это он уговорил Артабана выдать нам Елеазара. Ты слышал об этом?
- Да. Нам сообщили по нашим каналам. И что с Елеазаром? В Рим отправили?
- Он умер в тюрьме в Антиохии.
- Отравился?
- Нет, видимо, люди Магнесия перестарались.
- Услышав имя начальника тайной стражи всей Сирии, Дарданий чуть склонил голову набок, словно говорил: «Что ж, не нам судить...»
- А обо мне распоряжений Магнесия не было?
- Нет. Вителлию, видимо, хватило головы Пилата. Его сменит Публиций Марцелл. Но отныне твоя главная задача – найти Сына Отца и взять его живым. Вителлию нужны его показания.
- Показания?..
- Магнесий считает... или точно знает,... что Сын Отца передал парфянские деньги Ироду. Ирод теперь на эти деньги строит дворец. Есть у тебя сведения, где сейчас этот Сын Отца? – и Марцелл пристально посмотрел в глаза начальнику тайной стражи.
- Есть, префект, – бесстрастно ответил грек. – Последний раз его видели в одном селении около Тивериады, во владениях Ирода Антипаса. Мне кажется, он отошел от ревнителей и поступил на службу к тетрарху. Если это так, то взять его живым или мертвым помимо воли Ирода не получится.
- Мы предъявим ему обвинение, что он участник движения ревнителей, и потребуем у Ирода выдать его. Живым.
- Мы не найдем свидетелей. Всех, кого мы поймали, мы уже казнили.
- Свидетелей... – Марцелл задумался. – Я найду тебе свидетеля, – решительно поднял он голову. – Человека, который видел его вместе с Елеазаром около Антиохии.

– Разве что так... Но в таком случае сначала нам надо найти и доставить сюда человека, о котором ты говоришь.

– Об этом я позабочусь. А ты найди Сына Отца и возьми его под негласное наблюдение. Если он служит у Ирода, то, видимо, не прячется... Постой... – Марцелл прошелся, обеими ладонями растирая себе виски. – Он выдал или передал Ироду деньги, предназначенные для разжигания мятежа. Но... – он остановился и поглядел на Дардания. – Почему же ревнители его до сих пор не убили?..

– Не знаю. Видимо, есть какие-то причины.

– Хорошо. Выполняй...

Формально Дарданий не подчинялся ему. Но в данной ситуации Марцелл считал себя временной, но высшей властью. И Дарданий не стал препятствовать.

– Слушаюсь. Но сначала позволь вернуть тебе твоего раба. Чтоб он не шатался без дела, я поручил ему следовать за мной повсюду и все записывать. Он передаст тебе полное и беспристрастное описание того, что делалось здесь все это время.

Дарданий отодвинул тяжелую бордовую портьеру и позвал:

– Зенон!

Глава 34. Зенон, раб Марка Клавдия Марцелла. Тот же день

Хозяин встретил меня спокойно, даже равнодушно. Естественно, я помню его маленьким и временами скучаю по нему. Ему-то что по мне скучать?

– А, Зенон, – сказал он, словно не ожидал меня увидеть. – Будь весел.

– Рад видеть тебя здоровым и веселым, хозяин, – ответил я.

– Передай записи префекту, – сказал Дарданий и вышел.

Я по привычке чуть не последовал за ним, потом опомнился, раскрыл свою холщевую сумку и ждал, что скажет Марцелл.

Он взял свитки и просмотрел первые два. Я давно понял, что все мои многочисленные записи – уловка. Дарданий хочет что-то внушить моему хозяину через свитки, написанные моей рукой. Он брал меня на все свои совещания с Пилатом, это правда. Но было ведь время, когда я спал или ел. А Дарданий что тогда делал? Этого я не видел. Может, он с тем же Пилатом какие-нибудь свои делишки обсуждал.

– Я все это прочту, – сказал Марцелл. – Я вижу – ты писал то, что видел и слышал, записывал, о чем говорили Пилат и Дарданий. Это, конечно, интересно. Но ты ведь не записывал там своих подозрений?

– Подозрений? – переспросил я.

– Да, Зенон. Ты человек грамотный, любопытный. Неужели ничего не удивляло тебя, не вызывало подозрений?

– Да... Пожалуй...

– Хорошо, – распорядился Марцелл. – Бери все написанное, садись вон там в углу, перечитай все,

и если вспомнишь, что что-то тебя тогда удивило, пометь стилусом эти слова.

Конечно, это лучшее, что он мог придумать. Дарданию он ни на обол не верит.

Хозяин стал вызывать чиновников, расспрашивать их и отдавать распоряжения, в основном касающиеся безопасности города и поиска преступников, и, казалось, забыл про меня, а я устроился в углу и начал перечитывать и вспоминать.

Я прочитал, как Пилат и Дарданий собирались ловить Симона Мага, какие силы готовили. Прочитал особо выделенное, что лазутчики передали Дарданию слухи, что в Самарии видели Сына Отца, того самого разбойника, которого некогда упустили в Сирии вместе с Елеазаром. Прочитал, как Дарданий взял у Стратоника список священных сосудов и мы после этого выехали за войском Пилата в Самарию.

Описание резни в Тирафане теперь показалось мне излишне живописным, в нем я нашел много ненужных деталей. Видно, увлеченный Гомером, я слишком часто упоминал о ранах, страданиях, даже о предсмертных криках.

Честно говоря, месяц, проведенный вместе с Дарданием, тянулся невыносимо долго. Я все время мечтал вернуться к Стратонику, все время думал, как буду просить хозяина, чтобы он разрешил мне побыть в табулариуме хотя бы еще полгода. Я собирался пообещать ему, что напишу историю Иудеи. Хотя зачем она ему?..

После боя в Тирафане Пилат и Дарданий еще три дня вели следствие. Схваченных развесили по столбам вдоль дороги на добрую сотню стадий. Смотреть на эту гекатомбу было трудно и страшно. Сладострастие Пилата, с которым он карал мятежников, вызывало у меня страх. Воистину нет ничего чудовищнее вооруженной несправедливости.

Мне все время приходилось записывать вопросы и ответы, присутствовать при пытках. Дарданий спрашивал, солдаты жгли связанных огнем, они вопили. Он расспрашивал о складах оружия. Спрашивал об этом каждого. Я записывал... Хотя что там было записывать? Девяносто девять из ста ничего не знали. Единицы слышали о каких-то пещерах. Казнь этих отложили на третий день.

Вокруг нас помощники Дардания тоже жгли и пытали. Редко кто из них подходил и докладывал, что пойманный в чем-то признался. Не признавшихся или просто не знающих тут же тащили к столбам.

Схваченных было много, а леса мало. Рабы, пригнанные из Кесарии, в ближайшей роще валили деревья, ошкуривали их, рубили ветки и везли стволы к Тирафане. Стволы распиливали на столбики в полтора-два человеческих роста и устанавливали. Даже перекладын не прибывали. Преступника привязывали к верхушке за поднятые вверх руки, также веревкой прихватывали ноги, едва не касавшиеся пальцами земли, и так оставляли.

Пилат никого и ни о чем не спрашивал. Он со стороны следил, чтоб бесперебойно подвозились столбы, бесперебойно устанавливались. Пытающим давал знак, чтоб поторопились, словно не верил, что у схваченных можно вырвать какие-то ценные признания. Для него главное было повесить их и подольше не снимать. Чтобы дня через два запах смерти пропитал всю гору и всю долину вокруг.

Он подходил к подвешенным и придирчиво всматривался, вслушивался – мучаются ли, стонут ли? Многие задыхались очень быстро, и Пилат недовольно морщился.

Я стал перечитывать списки с записями вопросов и ответов, они составляли большую часть всего записанного мною за этот месяц. Что подозрительно? Дарданий ни разу не спросил схваченных мятежников о Елеазаре, о Сыне Отца, о парфянских деньгах. Почему? Он уже все знает о них?

На всякий случай я сделал пометку на свитке.

После расправы у горы Гаризим мы съездили в Иерусалим. Там Пилат разбирал дело о побиении камнями какого-то сумасшедшего. Тому привиделось, что небеса открылись и там он увидел иудейского Бога и какого-то человека, стоящего справа от Бога. За это его побили камнями, хотя иудеи не имеют полномочий кого-либо казнить без утверждения приговора Пилатом.

Первосвященник при встрече с Пилатом заявил, что этого богохульника убили простые люди, которые не могли слушать его хулы, даже уши закрывали. А Синедрион хотел отправить его дело на утверждение к Пилату. Но Дарданий откуда-то узнал, что казненный был из Киликии и не подлежал суду Синедриона.

Первосвященник сказал, что он этого не знал и обещал разобраться со своей храмовой службой, найти виновных.

– Вот-вот, разберись, – сказал торжествующий Пилат.

Потом они с Дарданием говорили о странностях иудейской веры. Бога нельзя увидеть, а кто увидит, того казнят.

– Там не в Боге дело, а в том, что рядом человек стоял, – сказал Дарданий.

Но Пилат все равно назвал иудейскую веру безумной и жестокой, однако потом спохватился и сказал, что ничего не имеет против иудейского Бога.

Нет, здесь, пожалуй, нет ничего интересного.

Потом Пилат вернулся в Кесарию, а Дарданий отправился в Десятиградье, и я, естественно, за ним. Но поехали мы не в благословенный Тир, а на восточную границу.

Там мы объехали со всех сторон крепость Махерон, и Дарданий осмотрел вокруг действующие и засыпанные колодцы. Местные стражники нам не мешали, но не помогали. Дарданий как-то сказал, что между тайной стражей прокуратора и тайной стражей Десятиградья есть договоренность не применять друг против друга силу.

Там, у одного из колодцев, Дарданий встретился с человеком из государства царя Ареты. Говорили они на непонятном мне языке, но потом Дарданий сказал мне, что он расспрашивал лазутчика о планах Ареты напасть на Ирода.

На обратной дороге Дарданий хотел заехать в Махерон, но нас туда не пустили, прокричали с башни над воротами по-гречески, что у них приказ никого не пускать.

Потом мы вернулись.

Во время поездки на восток Дарданий тоже ни разу ни у кого не спросил о Елеазаре, Сыне Отца или о парфянских деньгах. Впрочем, похоже, он действительно ездил проверять колодцы и дороги на случай войны Ирода и Ареты. Тут я и помечать ничего не стал.

Я закончил перечитывать и ждал, когда хозяин обратит на меня внимание. В зале царила вечерняя прохлада, ветер шевелил шторы, и в окна врвались потоки теплого ароматного воздуха. Но это не была полуденная жара, это был теплый вечерний воздух, пахнущий морем и цветами. Солоноватый и приторно-сладкий запахи причудливо мешались. Хорошо... Я чуть не задремал, откинувшись в углу на кушетке. Потом я уловил на себе быстрый взгляд хозяина. Раньше он никогда так не смотрел. Ну, конечно, вечная погоня... Подозрения...

Я встал и приподнял свитки, показывая хозяину, что готов. Он так же быстро глянул на меня, но еще долго расспрашивал какого-то чиновника о местных сектах и наконец отпустил его.

– Ну? Кого и сколько раз Дарданий спрашивал о Сыне Отца?

– Но... хозяин... После того как войско выступило на Горизим, он никого о нем ни разу не спрашивал, – проговорил я.

– А странное? Подозрительное? – продолжал спрашивать Марцелл и взял свитки у меня из рук.

– Это и есть странное и подозрительное...

– Да, пожалуй, ты прав, – тихо, сквозь зубы сказал хозяин. – Но откуда же он знает, что этого разбойника видели в одном селении около Тивериады, откуда уверенность, что Сын Отца отошел от ревнителей и поступил на службу к Ироду? А?

– Я не знаю, хозяин. Первый раз слышу об этом...

– Вот как... Значит, не всем он с тобой делился.

Он обернулся к дежурному центуриону, скучавшему у входа:

– Вызови трех солдат, которые прибыли со мной из Антиохии.

Тот вышел, а Марцелл стал в нетерпении прохаживаться, скрестив руки на груди и запрокинув голову, словно рассматривал потолок и карнизы. Я смотрел на него и одновременно изо всех сил старался вспомнить еще что-нибудь подозрительное. С кем он еще встречался, с кем говорил этот Дарданий... Ведь все было на глазах у меня: Пилат, Стратоник, солдаты конвоя... Ничего не получалось... Наоборот, все вылетело у меня из головы, какая-то черная и одновременно бесцветная бездна осталась позади. Пусто... Ничего не было...

Я пытался понять свое состояние. Почему я ничего не могу вспомнить? «Мне показывали пустоту, – вертелось у меня в мозгах. – Меня водили в пустоте и показывали пустоту...»

– Как ты думаешь, почему они его не убили? – вдруг спросил Марцелл.

– Кого, хозяин?..

– Сына Отца. Почему ревнители его не убили, если он передал их деньги тетрарху Ироду?

– Может быть, его охраняют...

– Я тоже так думаю, – сказал Марцелл и остановился.

Он долго тер и мял подбородок ладонью, а я смотрел на него во все глаза.

– Если его охраняют, то они теперь ходят по три-четыре человека... Легко заметить... – он говорил таким тоном, будто сам в сказанное не верил.

– Может, он в каком-нибудь подземелье сидит и его сторожат...

– Да. Может, и так, – вздохнул Марцелл.

В зал неслышно, как призраки, вошли три солдата, одинаково державшие снятые шлемы прижатыми к левому боку. Я раньше думал, что все римские солдаты здесь носят бороды, следуя какой-то моде, но потом понял – голые щеки и подбородок натираются застежками шлема. И у этих троих видны были одинаковые потертости на черной, золотистой и бесцветно серой бородках.

– Вы помните, где мы первый раз столкнулись с ревнителями под Антиохией? – обернулся к ним Марцелл. – Это была харчевня на перекрестке дорог...

Солдаты молча и вразнобой слабо кивнули.

– Там был хозяин и ... слуга... – продолжал Марцелл.

– Римский гражданин, – подсказал чернобородый.

– Кто из вас помнит их в лицо?

Чернобородый и бесцветный снова кивнули. Третий, с золотистой бородкой, с сомнением повел головой, как будто шею разминал.

– Скиф! – сказал Марцелл. – Получишь декурию конных солдат и поедешь в Сирию. Найди этих двоих греков – хозяина харчевни и слугу – и доставь сюда. Живыми. Выезд завтра. Подготовь приказ по гарнизону относительно декурии конных солдат, – обратился Марцелл к центуриону, ходившему за солдатами.

Центурион и Скиф, резко повернувшись, вышли из зала.

Марцелл приподнял руку и движением трех пальцев подозвал оставшихся двоих.

– Вы видите, у меня здесь много власти, – сказал он приблизившимся. – Но вся тайная стража в руках у Дардания. А Дарданию я не верю.

– Смени его, – дерзко сказал чернобородый.

– К сожалению, это не в моей власти, – ответил Марцелл. – И без тайной стражи обойтись трудно. Так?

Чернобородый кивнул. Владелец золотистой бородки просто наблюдал за своим товарищем и Марцеллом.

– Но время не ждет, – продолжал Марцелл. – У меня приказ Вителлия найти того самого Сына Отца. Живого...

Он вопросительно посмотрел на чернобородого.

– А Дарданий знает, где этот Сын Отца? – спросил тот.

– Говорит, что он теперь на службе у тетрарха Ирода Антипаса.

– А ты ему не веришь...

– Да, не верю. Он передал деньги ревнителей Ироду... Так считают в тайной страже в Антиохии... Почему ревнители его не убили? Вот он считает, что этого Сына Отца держат в каком-нибудь подземелье, – кивнул Марцелл в мою сторону.

Чернобородый бегло и с сомнением взглянул на меня.

– Я поручаю тебе найти его, – сказал Марцелл. – Только найти. А потом Скиф доставит сюда двух свидетелей, и мы заставим Ирода Антипаса выдать этого преступника.

– А Дарданий?

– Дарданий ничего не должен знать. Для всех ты... вы, – поправился Марцелл, взглянув на обладателя золотистой бородки, – остае-тесь на службе. Подумай, с чего начать. Обдумай план. Каждый вечер я буду верхом объезжать город. Ты будешь в моем конвое. Каждый ве-чер будешь мне докладывать. Если надо будет уехать, я дам тебе кон-вой.

Он еще раз оглядел обоих солдат, словно проверял на них экипи-ровку. Чернобородый о чем-то думал, блуждая взглядом по стенам позади Марцелла. Второй солдат просто застыл, словно задание его не касалось.

– Хорошо. Идите, думайте... – сказал Марцелл.

Глава 35. Вениамин по прозвищу «Германик». Месяц Цезаря Августа, V день перед Идами

Утром по распоряжению Марцелла нам с Арабом выдали часть жалования вперед. Араб впал в задумчивость, сидел в казарме, уставившись в светлое пятно окошка и поглаживал бок, словно у него печень болит, но я знал, что там у него в пояс деньги зашиты. Тут надо было использовать возможность отоспаться и откормиться, и я исправно ел полбу с луком, с капустой, с грибами, с оливками, с рыбой, даже с вонючей ферулой. Но это оставалась полба... Набив за несколько дней живот, я спросил у одного солдата-италика, где тут в великолепной Кесарии лупанарий, и он, жадно сглотнув, сказал, что в греческом квартале, и указал примерное место – в двух кварталах за городской тюрьмой.

Араб был старшим в команде, и я сказал ему, что хочу без доспехов походить по городу, пораспрашивать местное население. Он скептически скривил рот и рассеянно кивнул.

– Ко второй страже возвращайся, – сказал он мне вслед.

Я отправился в одной красной тунике и шерстяную пастушью шляпу надвинул на глаза. Никого по дороге я ни о чем не расспрашивал. Да и о чем спрашивать? Знает ли кто в Кесарии еврея по имени Сын Отца?

Жара стояла ужасная, и идти пришлось по затененной стороне улиц. Торговки вяло переговаривались. Кричать и зазывать покупателей по такой жаре

никто не собирался. И покупателей я не видел. К полудню город замер. Раскаленные желтые стены дышали жаром.

На углу в квартале от лупанария лохматый грек с честными глазами предложил мне женщину, такую же, как в заведении, но дешевле.

– Где? – спросил я.

– Пошли за мной, – сказал он.

Я отрицательно покачал головой и прошел мимо. Не то что здесь, в самой Антиохии двух наших солдат вот так завели, ограбили и зарезали. Виновников потом нашли, но зарезанным солдатикам от этого не легче.

У входа такой же лохматый грек, бегло оглядев меня, указал глазами направо. Прямо от входа широкая лестница в семь ступеней вела в обитый бордовой материей зал. Материя была особого оттенка, напоминала наши военные плащи. А дверь направо привела меня в просторную комнату. Стены здесь тоже были бордовые, но крашенные и с картинками. Лупанарий как лупанарий. И пусто. Рано еще. Люди начнут сходиться за два часа до первой стражи.

Полная роскошная женщина с красными волосами, сидевшая у входа под светильником в форме крылатого фаллоса, оглядела меня с головы до ног.

– Вина? Закусок?

– Женщину, – ответил я и погладил себя по поясу.

– Эвридика, – оглянулась красноволосая на комнатку у себя за спиной. – Сходи с солдатиком...

В том, что она определила род моих занятий, ничего удивительно не было. Я уловил ее взгляд, брошенный на мое плечо у основания шеи. У всех солдат там потертость от щитового ремня, которая краснеет, буреет, но не загорает.

– А выбрать я могу? – спросил я.

– Чего выбирать? – улыбнулась красноволосая. – Разрез у всех вдоль. Или тебе поперек надо?

– А если я тебя захочу?

– Хотеть не вредно. Но на меня у тебя, солдатик, денег не хватит. Чего ты? Эвридика – хорошая девушка. Эвридика! – снова позвала она.

– А если я выбрать хочу?

– Спят все, – объяснила роскошная и дорогая. – А Эвридика на ночь отпрашивалась. Одна свободная. Эвридика! – в третий раз позвала она.

Эвридика оказалась брюнеткой с хорошими формами, но тонкими слабыми ручками и мелкими острыми чертами лица. Глазки у нее были черными, такие, что зрачков не видно, а взгляд какой-то плывущий.

Она провела меня в комнатку, над входом в которую я прочитал, что услуги этой «волчицы» стоят 8 асов.

За 8 асов я хотел, не торопясь, получить все возможные удовольствия. Я обошел всю комнату, все углы, рассмотрел картинки – ничего особенного, в Риме в каждой жилой комнате можно такое увидеть – и прилег на кушетку.

Она разделась в углу, аккуратно сложила одежду на маленький столик, потом подошла и присела рядом.

– Ты солдат? Где ты служил?

Ясно, им надо развлекать и расспрашивать нас, чтоб нам еще раз захотелось прийти к ним в заведение. Чего ж не рассказать о себе? «Какой ты храбрый! Как много ты видел!» – это она говорит всем. Но все равно приятно.

– В Галлии, на Евфрате, в Антиохии, в Иерусалиме... – начал я.

– В Иерусалиме?! – взметнулась она, и в ее глазах я увидел некий огонек. Болезненный, тревожный... Я не мог разобрать, чего это с ней?

– Ты видел его?.. Там были солдаты... Ты видел, как его распинали?..

Она перехватила своими ручками кисти моих рук, надавила сверху всей своей тяжестью и горящими глазами уставилась на меня. Ее большие обнаженные груди качались, чуть не касаясь моего подбородка.

Я недоуменно хлопал глазами.

– Хорошо! – воскликнула она. – Я все сделаю, а ты потом мне расскажешь... – и она принялась быстрыми и точными движениями срывать с меня одежду.

Я даже растерялся, а она исступленно стала возбуждать меня ртом и руками. Я уставился в потолок, расписанный вздыбленными пышными задами, горящими глазами, огромными искривленными фаллосами. Одна красotka с оттопыренной роскошной кормой смотрела прямо на меня вытаращенными глазами, и мужчина, пристроившийся к ней, тоже смотрел на меня во все глаза, словно я был ее муж, нагрывший без предупреждения и заставший их на самом интересном. Неожиданность спутала мои мысли. «Хорошо работает, с большой душой, – думал я. – Удивительно... Неужели у них в лупанарии все такие?»

Мне даже стало казаться, что женщина и мужчина на потолке не испуганы мной, а с восхищением смотрят на старания Эвридики.

– Ну, вот! – воскликнула она. – Ты готов!..

Она на четвереньках проползла рядом со мной, застыла, уткнувшись лицом в перекрещенные кисти рук, и призывно застонала.

«Хорошо... Потом разберемся...» – подумал я, поднимаясь и становясь на колени.

Потом, когда мы оба повалились – она на правый бок, а я на левый, – она погладила меня ладонью по щеке и попросила:

– Теперь расскажи: ты видел, как его распинали?

Я лишь сглотнул набежавшую слюну и невольно кивнул. Да, я несколько раз видел, как распинали людей, а один раз даже в карауле стоял. Давно... еще в Галлии... Но о ком она спрашивала?

– И он воскликнул: «Элой, элой, лама сафаксани»?

Да... Что-то похожее говорила моя тетка... моя мать...

– Элой, элой, лама савахфани, – поправил я.

– Да!.. Так!.. – воскликнула Эвридика и порывисто обняла меня. – Так ты все знаешь! Ваши повесили его на столбе. Их повесили троих. Кто-то из караульных ткнул его копьём в бок, и потекла кровь... Но нельзя, чтобы они висели в день субботы, и их сняли...

– Что?

Второй раз женщины рассказывали мне одну и ту же историю...

– Разве не так? – Она вдруг насторожилась, отстранилась. – А это не ты?.. Как тебя зовут?

– Германик, – на всякий случай сказал я.

– Нет... не ты... – на мгновение она успокоилась, потом так же резко схватила меня за руку и рывком потянула. – Пойдем... Я тебя отведу к нашим...

– Но...

– Ксения все знает... Она – наша...

Ксения – это, наверное, красноволосая, роскошная и дорогая.

Я подумал, что иметь устойчивую связь с Эвридикой и не платить за это – заманчиво. И не похоже, что она заманивает меня в лапы разбойников. Ее страстные выкрики вызвали у меня сомнение в ее рассудке, но не в честности. Мы торопливо оделись.

Красноволосая встретила нас удивленным взглядом:

– Что-то быстро...

Эвридика бросилась к ней и зашептала на ухо, указывая на меня пальцем и сверкая в мою сторону черными глазками. Ксения заволновалась, захлопала ресницами и сделала несколько торопливых движений, оглаживая бедра и поправляя волосы.

Я понял, что Ксению надо раскручивать, что она отдастся абсолютно без денег. Но не сейчас... Сейчас надо идти с Эвридикой и не ломать непонятное мне чудо, связанное с чьим-то распятием. А к этой дорогой красноволосой я еще вернусь...

Эвридика тянула меня за собой, чуть не падая, а Ксения провожала затуманенным взглядом, закушенной нижней губой и вздернутым подбородком.

Кого же там, в Иерусалиме, – о! бессмертные боги! – распяли?

Эвридика повела меня к морю. Мы миновали городские ворота. Изможденные жарой солдаты жались в тени под стеной. Рыбацкий поселок встретил нас собачьим лаем, но людей и здесь не было видно.

Мы прошли на край поселка, перебрали мутный теплый ручей – скорее это был узкий кривой залив со стоячей цветной водой – и поднялись к большому гроту, который оказался заполнен людьми. Сначала я подумал, что это городская прачечная – несколько женщин стирали белье в чанах и выливали грязную воду в ручей (или залив). Но стирающих оказалось немного. Другие тоже что-то делали. Во всяком случае, праздных я не видел.

Стояла тишина. Люди молча трудились. Лица их были задумчивы. Где-то плакал ребенок, но его голос лишь оттенял молчание остальных.

Эвридика все так же, чуть ли не бегом, подвела меня к плотному человеку в бурой хламиде, слонившемуся над какими-то свитками.

– Вот! – воскликнула она и запнулась, подбирая слова.

Человек обернулся. Я узнал Елеазара.

– Ты? – удивленно спросил он, отстраняя рукой подпрыгивающую от нетерпения Эвридику.

От воспоминаний у меня даже голова заболела. Рука дернулась к виску.

– Да, ты был ранен, спасая моих сестер, – сказал Елеазар, обнимая меня за плечи и указывая рукой вглубь грота. – Идем...

Мы шли, а Эвридика металась от работающего к работающему, что-то шептала на ухо и указывала на нас, и все смотрели нам вслед.

– Женщины слабы, – говорил Елеазар. – Ты дважды уберег их от лже-свидетельства.

Да, бывает. Если еще и Марта здесь...

– Как ты нашел нас?

– Меня привела вот эта женщина... – я оглянулся на Эвридику.

Для Елеазара, как ни странно, этого объяснения оказалось достаточно.

– Наши братья и сестры несут добрую весть, – заговорил он. – Мы зовем всех, кто хочет слышать. Кто может слышать... Машиах уже был. Его убили, но он воскрес... Мы – избранные дети его... Скоро он снова явится и будет судить живых и мертвых...

Он говорил отрывисто, потому что путь внутри грота петлял с камня на камень.

Мы вышли на ровную площадку, на краю которой стояла огромная деревянная плаха. Елеазар присел на край и указал мне на место подле себя.

– Мы полностью доверяем друг другу...

Пока мы шли, я приглядывался. Здесь в полумраке грота трудились и наши, и греки, и сирийцы. Я указал на это Елеазару:

– Здесь греки, сирийцы, арамеи. Ты им полностью доверяешь?

– Да, – гордо ответил он. – Ты знаешь, греки воспринимают весть лучше, чем наши. Мы разные, но добрая весть нас объединяет. наших здесь уже много. Мы думаем нести весть дальше, за море.

Похоже, что под «нашими» мы понимали разных людей: я – тех, кто говорил на языке моей матери, а он – тех, кто работал в этом гроте, Эвридику, красноволосую Ксению.

– Как ты оказался в Кесарии?

«Они полностью доверяют друг другу» – подумал я.

– Я опять сопровождаю Марка Марцелла. А главная наша задача – найти ревнителя по прозвищу «Сын Отца».

– Бар-Абба, – Елеазар произнес это имя по арамейски. – Бар-Абба... Он уже не ревнитель. Он предал ревнителей.

– Откуда ты знаешь?

– Ты помнишь – Дарданий увез меня в Иерусалим, когда вы убили Малхама Симонова?

Да, Скиф убил тогда ревнителя. Оказывается того, звали Малхам сын Симона.

– Помню.
– Он потом меня выпустил и сказал, чтоб я искал Бар-Аббу. И я искал.

– И ты точно знаешь, что он предал ревнителей?

– Точно. Он нес ревнителям деньги, а деньги оказались у Ирода.

– Странно, – сказал я. – Наш солдат убил Малхами Симонова, и на следующую ночь толпа ревнителей пришла убивать нашего солдата. А этот предал всех ревнителей и до сих пор жив.

– Он знает всех ревнителей в лицо. Наверное, Ирод спрашивает его совета, когда набирает новых слуг. Он – предатель, но деньги – у Ирода, – объяснил Елеазар. – Все это суета сует и ловля ветра. Когда люди воспримут весть, это прекратится.

– Где он сейчас? – спросил я, не веря в ответ.

– Он в той же крепости, в которой погубили Иоанна.

Я не стал уточнять, лишь кивнул.

Оставалась недосказанность. Я помялся:

– Можно мне сказать об этом своим начальникам?

– Можно, – раздался голос за спиной. – Пусть римляне перегрызутся с Иродом.

Я обернулся. Передо мной была Мария.

– Ты ищешь Марту? – спросила она.

Я промолчал. Не хватало еще, чтобы Эвридика свой язычок распустила.

– Пойдем, – сказала Мария. – О делах с Елеазаром поговоришь позже.

Она жестом указала, чтоб я следовал за ней, и привела меня к берегу ручья.

Сначала я даже не узнал Марту, она, согнувшись, чистила большой котел, и пряди волос, свисая, закрывали ее лицо.

– У нас гость, – сказала Мария.

Марта обернулась и улыбнулась. Как и у всех здесь, в глазах у нее таился странный огонек. Она смотрела на меня, а думала о чем-то очень-очень важном, и от этой постоянной мысли у нее в глазах тлело негасимое пламя.

Мария приобняла ее за плечи, словно утешая, и подвела ко мне. Мы втроем присели на прибрежные камни, и женщины стали расска-

зывать, как они сюда попали. Рассказывала Мария, а Марта задумчиво кивала, и глаза ее смотрели сквозь меня.

После того как солдаты вычистили их деревню, – я этого не помнил, меня унесли в беспамятстве, – вечером им передали, что ревнители сожгут их дом, а их убьют. Они хотели бежать, но Елеазара римляне увели в Иерусалим, а без него они не могли ни на что решиться. Три ночи продрожали они, не надеясь на храмовую стражу и ожидая смерти, потом стражу убрали, из Иерусалима пришел Елеазар, и они, собрав вещи, ушли из Вифании в Иерусалим, а оттуда тайком в Кесарию.

Здесь их уже ждали Его ученики, привели в грот и дали работу.

– Мы хотим отправиться дальше, в Галлию, – сказала Мария, и Марта так же задумчиво кивнула.

Они вновь и вновь повторяли историю своего побега, что-то добавляя, что-то забывая и уточняя. Видно, сильно напугались.

Когда они выговорились, а ждать пришлось долго, я стал спрашивать их о жизни в гроте – что тут за община, кто собрался? – и понял, что собрались беглецы и отщепенцы со всего Средиземноморья, которые верят в какого-то Бога, которого наши недавно распяли, а он воскрес. Да, Марта мне в ту ночь что-то такое рассказывала...

Распрашивая, я оглядывал грот, прикидывая, где же они спят, бывает ли Марта когда-нибудь одна, как ее выманить из этого грота. Но прикидывал как-то вяло, без азарта, красноволосая Ксения не шла из головы. Да и Эвридика крутилась вокруг, выказывая свою заинтересованность, и Мария несколько раз подозрительно поглядывала на нее. Кстати, только у Марии я не видел того странного огня в глазах.

Я выждал время и сказал, что мне пора возвращаться в казарму. Марта как-то вымученно улыбнулась и опять нагнулась над своим котлом, а Мария пошла проводить меня. Напоследок она приберегла самое важное.

– Марта – вдова, – сказала она. – Ее муж ушел к ревнителям и погиб. Еще год назад... Ты можешь жить с ней, если придешь к нам.

Приходить к ним мне не хотелось. Они постоянно чего-то делали, как рабы или крестьяне в провинции. Италики и даже греки жили не так...

– Я служу, – сказал я. – Меня будут искать.

– Мы спрячем тебя, – ответила Мария. – Мы скоро уедем отсюда в Галлию. Кто будет искать тебя в Галлии?

– Хорошо, я подумаю, – ответил я и на всякий случай добавил. – Нам надо найти ревнителя по имени Сын Отца.

– Ищите, – сказала Мария. – Когда найдешь, приходи к нам. Только не опоздай. Марта – редкая женщина. Вторую такую ты не найдешь.

Ну, в этом я сомневался. Однако, чтобы не злить никого, успокоил Марию:

– Я от вас никуда не денусь. Вот только поймаем...

– Ищите, – сказала Мария. – Это – ложный след. Елеазар... Не наш... Тот... Ревнитель... получил деньги и спрятал.

«Ого! – подумал я. – А мы ищем...» Но я притворился равнодушным и пробурчал:

– Меня это не касается. Все равно они мне не достанутся.

Глава 36. Али ибн Абгар по прозвищу «Араб». Седьмой месяц, как сказал римлянин

После того как Скиф отбыл обратно в Антиохию за свидетелями, изголодавшийся Германик ушел в греческий квартал тратить на шлюх полученное жалование, а когда вернулся, рассказал интересную историю. В городе, а точнее – в гроте на берегу моря, он встретил всю эту семейку, которую мы стерегли в Вифании – Елеазара, завербованного, как я понял, Дарданием, и двух женщин. Те из благодарности, что Германик подставил из-за них под пращу свою глупую голову, открыли ему все тайны этого мира. Сын Отца якобы предал ревнителей, и теперь Ирод держит его при себе, чтобы он опознавал лазутчиков из их шайки, но это ложный след, поскольку Елеазар – настоящий, вождь ревнителей, – успел получить деньги.

Не поверив своему счастью, мы, а точнее – я, римлянин и его молчаливый раб, стали его переспрашивать, и он вспомнил, что Сына Отца держат в крепости, где некогда держали некоего Иоанна.

Тут римлянин переглянулся со своим рабом, и они изобразили на своих лицах сомнение. Эта крепость – Махерон – она на границе владений Ирода, мне ли это не знать?! И Сын Отца либо сидит там, либо оберегает Ирода от лазутчиков ревнителей. Совместить это невозможно. А «настоящий» Елеазар пойман и запытан. Получил он деньги или нет – римлянина не интересовало.

Я тогда сказал, что нас пускают по ложному следу и делает это человек, завербованный Дарданием.

Римлянин подумал и приказал вызвать к нему Дардания, а нас с Германиком отослал и сказал, чтоб мы были готовы вечером идти брать Елеазара.

Дардания он, согласовав это дело с Пилатом, отправил по срочному делу в Иерусалим подготовить визит туда самого Марцелла, а мы вечером отправились в некий описанный Германиком грот хватать там всю эту теплую компанию. Операцию мы провели плохо, как сказал сам римлянин, «по-варварски». Римлянин торопился и не составил плана, и на морской берег мы отправились во главе двух декурий, не проводя разведку, не зная, сколько там выходов у этого грота. Шум мы подняли большой, но ни женщин, ни их брата Елеазара не нашли. Нашли какую-то общину, которая явно покрывала или откровенно прятала нужных нам людей.

Раздраженный римлянин решил отложить все дела и прочесать весь город и окрестности, но выловить всех членов этой общины, считающей какого-то странного Бога.

Потом как-то неожиданно получилось, что исчез Германик. Я уже испугался, что он сбежал к этим женщинам. Знал, наверное, где они прячутся, но не сказал нам. Но через день один из солдат-греков сказал, что видел Германика в лупанарии. Я пошел туда и нашел сластолюбивого придурка в объятиях какой-то огненно-рыжей гурии, толстой и красивой. Он с гордостью поведал мне, что развлекается здесь абсолютно бесплатно, и обещал составить протекцию. Надо было лишь признаться, что я стоял в карауле, когда распинали какого-то разбойника.

Я сказал этому пройдохе, что у меня достаточно денег, чтобы не притворяться, а ему предстоит понести наказание за самовольное оставление своей команды.

Германику римлянин назначил *missio ignominiosa* с отбыванием, когда вернемся в легион.

До праздника урожая и во время него мы искали в Кесарии и окрестностях Елеазара и его сестер, а также хватали людей из их общины. Схваченных допрашивали, а что делать с ними дальше – не знали.

Еще через десять дней прибыл центурион, посланный Марцеллом в Антиохию, привез с собой двух свидетелей и доложил, что солдат по прозвищу Скиф командирован в распоряжение наместника Нижней Мезии по запросу последнего.

В тот же день из Иерусалима вернулся Дарданий, но римлянин в Иерусалим не поехал, приказал Дарданию собираться в Тибериаду.

А на другой день опять исчез Германик и теперь уже навсегда. Римлянин поручил найти его, а сам взял Дардания с двумя помощниками, турму конницы и отправился во владения Ирода Антипаса.

Я знал, что римлянин самоуверен. Он взял с собой всего одну турму, я бы взял целую алу. Но солдаты выглядели неплохо. Они были в галльских кольчугах, любимых у нас в коннице. Кольчуга проста – безрукавка из металлических колец и еще одна широкая полоса из колец набрасывается сзади на плечи и скрепляется под горлом особой бляхой.

Правда, галлов или италиков я среди солдат разглядел двух-трех, остальные были наши – арамеи, набатейцы, двое беглых парфяян. И командовал ими грек-фессалиец на тяжеловатом, но мощном коне.

Римлянин приказал мне присматривать за Дарданием в дороге. Я не думал, что префект и начальник тайной стражи схватятся за мечи в ходе какой-нибудь перебранки, но в дороге ехал на полкорпуса позади римлянина с левой стороны, а когда Марцелл и Дарданий ехали бок о бок, морда моего коня чуть не вклинивалась между ними, нависала над крупами их лошадей.

Дарданий был спокоен и иногда явно сучал. Римлянин как-то его спросил прямо:

– Ты не веришь, что мы найдем Сына Отца?

– Если Ирод чувствует за собой какую-то вину и тут замешан этот мятежник и предатель, то он избавится он него или уже избавился, как только мы пересекли границу его владений, – ответил Дарданий.

– Если он знает, зачем мы едем, – поджал губы Марцелл и искоса посмотрел на Дардания.

– У всех правителей есть лазутчики, – вздохнул хитрый грек, – и у Ирода есть свои люди в Кесарии, в Иерусалиме...

– Ты их знаешь?

– Некоторых...

– Почему они не схвачены?

– Между секретными стражами всех владений провинции есть договоренность, – объяснил Дарданий. – Мы договорились не применять силу друг против друга.

– Ты думаешь, они знают, зачем мы едем к Ироду?

– Вечером узнаем...

Мы ехали на восток, потом свернули на Сефорис, который римляне называли Деокесарией. Вскоре за горным хребтом увидели Тибериадское озеро, сияющее в обрамлении камышей.

При виде Тиберии римлянин заговорил непонятно.

– Мы тратим время, – произнес Марцелл. – Вителлий и Ирод... Сын Отца... Предатели – глупые и слабые люди...

– Я не могу уловить твоей мысли, префект.

– Эти – слабые. Они уже не похожи... Вителлий, во всяком случае, не похож на наших предков. На того же Муция Сцеволу... Они грызутся и предают из-за денег...

– Я плохо знаю историю, но, мне кажется, последние двести лет все грызутся и предают из-за денег.

– Да. Но в Кесарии я встретил людей сильных. И опасных...

– В Кесарии? Кто же это?

– Ты помнишь Елеазара из Вифинии?

– Конечно. Он согласился на нас работать.

– Он объявился в Кесарии со своими сестрами. Рассказал кое-что о Сыне Отца, но когда мы хотели его расспросить подробнее, исчез, и мы до сих пор его не нашли.

– Надо было дожидаться моего возвращения из Иерусалима...

– Дело не в этом. Елеазар скрывался в общине последователей одного странного бога, распятого и воскресшего. Никто из этой общины так и не выдал ни Елеазара, ни его сестер. И солдат, который вывел нас на них, сбежал. Видимо, к ним.

– Уж не тот ли это красавчик, который получил по голове в Вифании?

– Да.

– Это моя вина, префект, – насмешливо сказал грек. – Я в Вифинии вывел его на этих женщин.

– Не думаю, что он сбежал к женщинам. Скорее – в эту общину.

– Вы их допрашивали по-настоящему? – скептически улыбнулся Дарданий.

– Они не нарушали закона...

– Заставить сказать правду можно любого, – наставительно сказал грек.

По его тону можно было понять, что он не верит, что от этих, захваченных в гроте и разогнанных по всей Кесарии и ее окрестностям,

исходит какая-то опасность. Я тоже в это не верил. Мы там, в гроте, не нашли никакого оружия. И мне думалось, что эти последователи распятого бога не представляют опасности ни для будущего прокуратора, ни для секретной стражи.

Они помолчали, я видел, как Дарданий два раза искося быстро взглянул на римлянина. Шея его немного покраснела.

– Я вижу, что ты мне не доверяешь, префект, – сказал он. – Когда я вернулся из Иерусалима, мои люди рассказали мне, как вы ловили людей в гроте, но ты мне рассказал об этом только сейчас. Ты меня в чем-то подозреваешь. Когда мы вернемся в Кесарию, я подам рапорт об отставке. Так будет лучше. Пусть в Антиохии решают. Если утвердят, я немедленно передам своих людей тому, кого пришлют, либо кому прикажешь. Даже этому солдату за моей спиной. У него хорошие способности.

Я понял, что он не искренен. Передать своих людей мне всерьез он никогда не согласился бы. Просто потому, что я не могу писать по латыни. Вообще не могу писать.

Римлянин тоже это понял. Видно, Дарданий просто хотел узнать, в чем его подозревают.

– Хорошо, – согласился Марцелл. – Поговорим об этом, когда вернемся в Кесарию. Сейчас у нас приказ Вителлия добыть живым Сына Отца.

– А вот в это я не верю, – сказал Дарданий. – Либо мы его упустим живым, либо добудем мертвым.

Марцелл промолчал, но я видел, как он сжал и разжал челюсти.

Вечером мы подъехали к воротам Тибериады.

Ирод Антипас построил этот город на старом еврейском поселении на берегу Генисаретского озера, на самом красивом месте Галилеи. Дома он возводил из черного базальта, и город в сумерках светился каким-то странным черным сиянием. Мы проехали по узким кривым улочкам к резиденции тетрарха.

Римлянин назвал себя, произнес имя Вителлия и пошел прямо через толпу иудеев. Те врассыпную бросились по лестницам и переходам – искать и предупредить Ирода. И когда мы поднялись в большой зал, он уже стоял там в окружении свиты и ждал нас.

После кратких приветствий Марцелл сразу спросил о Сыне Отца.

– Да, такой преступник действительно был пойман моими людьми, как один из важнейших ревнителей. Он содержится в Магероне.

Я вспомнил слова Елеазара...

– Я требую выдачи его в распоряжение консулярия Вителлия, – излишне громко и твердо сказал Марцелл. – Я привез с собой двух свидетелей, которые видели его на месте преступления в Антиохии.

Лучшая из речей та, которая коротка и ведет к цели. Этого у римлян не отнять.

– Двух свидетелей? – переспросил Ирод. – Зачем? Тебе достаточно было послать письменный запрос. У нас ведь есть соглашение о борьбе с ревнителями.

– Так я могу его получить?

– Конечно. Удивительно, что ты сам занимаешься такими мелочами.

– Когда?

– Когда угодно. Располагайся, отдохни с дороги. А я пошлю гонца в Магерон, чтобы этого разбойника доставили сюда, – и Ирод дал знак одному из слуг у бокового входа.

«Сбежит по дороге. Специально выпустят», – подумал я. И римлянин, видимо, подумал то же самое.

– Я сам съезжу в Магерон, – сказал он. – А ты пошлешь со мной одного из твоих чиновников с соответствующим распоряжением.

Ирод изобразил на своем лице крайнее удивление, но потом лишь пожал плечами:

– Только не говори мне, что ты хочешь отправиться в Магерон прямо сейчас.

– Время не ждет, – ответил Марцелл. – Ты сам видишь, какими мелочами приходится заниматься. Быстрее покончим с ними и возьмемся за важные дела.

Ирод разочарованно развел руками:

– Жаль. У нас сегодня нундины – рыночный день. Все, как в Риме... Ты лишаешь меня своего общества, а я хотел обсудить с тобой некоторые важные вопросы провинции.

– Мы их обсудим, тетрарх, когда я вернусь из Магерона. Впрочем, Пилат еще не смещен, и неизвестно, когда это случится. Так что лучше обсудить вопросы с ним. Прошу тебя поторопиться с распоряжением передать мне этого преступника. Я жду.

– Ты – преданный слуга Кесаря Императора, – удовлетворенно, как мне показалось, сказал тетрарх и обернулся к своей свите. – Приказ, быстро...

Выходя, римлянин спросил у Дардания:

– Что скажешь?

– Странно, – ответил Дарданий.

Любой из них мог распорядиться, чтобы нам дали сменных лошадей, но они почему-то не сделали этого, и я не додумался им подсказать.

Вспомнил я об этом, когда остановились поить лошадей. Двигались мы вдоль Иордана по правому берегу.

Здесь, по враждебной нам территории – а она явно была враждебной – мы могли бы двигаться вдвое быстрее, но с нами со стонами и плачем тащились свидетели и этот хитрюга – раб Марцелла.

Лошадей можно было взять в Иерихоне, но римлянин предпочел переправиться через Иордан выше, напротив Александриума, и двигаться вдоль дороги, которую как раз строили.

Чем дальше уходили мы от Иордана, тем больше менялась местность. Трава исчезала. Все засыпал бурый и желтый песок, меж валунов изредка проглядывал колючий кустарник. Справа меж унылых серых холмов иногда проглядывала сверкающая полоска Мертвого моря. С безоблачного неба беспощадно смотрело палящее солнце.

К следующей полуночи мы, измотанные, достигли Магерона.

Сына Отца нам передали немедленно и по всем правилам. Вывели, предъявили свидетелям. Те, поколебавшись, опознали. Преступника вернули в тот же подвал, но уже под присмотром двух помощников Дардания и двух солдат-италиков.

Надо было дать лошадям отдохнуть. Подождать в крепости хотя бы сутки. Но римлянин торопился. Я подозревал, что он захочет двинуться сразу на Иерихон, минуя Медебу, где за крепостными стенами еще раз можно сделать привал, отдохнуть и подкормить лошадей. А здешние места опасны. И Арета враждует с Иродом. Возможен набег наших набатейцев, всадников Ареты...

Чего я боялся, то он и сделал. Утром Марцелл приказал построиться и объявил, что выступаем на Иерихон. Спорить с ним было бесполезно.

Единственное, на что он согласился, – выслать меня вперед на разведку и дать мне помощника.

– Здесь территория Римской империи, – сказал он. – Пусть попробуют... Впрочем, твои советы... Хорошо, поезжай.

С собой на разведку я взял набатейца Ибн Заура. Под ним была хорошая местная лошадь, мелковатая, но на вид выносливая. Мы ехали, оглядываясь по сторонам. Следов не было. Вчера мы подошли к Магерону с северо-востока, а сейчас шли на север.

Впереди за холмом мелькнуло. Не сговариваясь, мы повернули коней в разные стороны и взлетели на ближайšie два холма. Я ничего не увидел и вопросительно поднял руку, Ибн Заур махнул рукой, приглашая к себе.

– Двое в черном, – сказал он. – Вон за тот холм ускакали. А там... Вон... Смотри...

На дальнем холме, стадиях в пяти-шести, показались еще трое, один из них взмахнул черным флагом на высоком шесте. К ним из-за холма поднялись еще конники.

– Наблюдай, – сказал я Ибн Зауру. – Я доложу.

Римлянину я доложил:

– Впереди всадники в черном. При виде нас махнули флагом на шесте.

Командир турмы сразу же послал двух солдат влево и двух вправо, а римлянину сказал:

– Надо вернуться. Нас могут окружить.

Римлянин недоверчиво оглянулся на Дардания. Тот сказал коротко:

– Ну, вот...

– Возвращаемся, – принял решение римлянин.

Тронулись шагом, словно стеснялись обратиться в бегство, потом перешли на рысь.

Справа подскакал солдат и доложил, что за холмами так же на рысях в сторону крепости идет большой отряд конницы.

– Галопом, – скомандовал римлянин, и мы перешли на галоп, но сдерживали коней, так как преступника, связанного по рукам и ногам, – ноги ему тоже связали, а веревку пропустили под брюхом коня – надо было держать меж двух солдат. Да и свидетели сидели на конских спинах, как собаки на деревянном заборе.

Конечно же, нас обогнали, и в шести-семи стадиях от Магерона наперерез нам на желтую гряду холмов высыпала и осадила коней примерно сотня всадников в черном.

Римлянин тоже осадил коня и поднял руку. Мы, подъезжая, сгрудились около него. Он переглянулся с фессалийцем и скомандовал:

– Клин! Прорываемся!

Потом поискал глазами меня и крикнул:

– Не упускай его!.. Нужен живой!..

Видно, он думал, что перед ним шайка ревнителей, как тогда, под Антиохией. А их, как и всяких разбойников, прорвать легко.

Да, плащи на них были черные...

Но это были не ревнителю. Очень уж стройно они развернулись. Я ясно разглядел хороших лошадей местной породы, разглядел младших командиров на высоких бактрийских скакунах, различил командира сотни, горячащего светло-рыжего, золотогривого коня.

От скачка коня черный плащ на сотнике распахнулся, и я по блеску определил доспех из маргианского железа.

Мы быстро сомкнулись клином. Раб Марцелла и один из свидетелей не успели в середину и остались позади построения.

Я поставил своего коня вплотную за конем разбойника. Перед этим он вдруг сверкнул глазами и зубами в сторону римлянина и что-то ему сказал.

– Вперед! – скомандовал Марцелл.

Мы, как в атаке, пошли тихой рысью, все убыстряя и убыстряя бег коней, и те, с гряды, тоже поскакали на нас справа и наперерез, поднимая тучи пыли. Командир турмы скомандовал, и солдаты правой стороны клина перехватили свои копыя за ременные петли, откинулись в седлах и метнули оружие в налетающего противника.

На скаку умело пущенный кавалерийский дротик можно метнуть шагов на сто. Солдаты в турме были обученные, и несколько черных сорвались с седел, пробитые насквозь, и несколько лошадей грянулись оземь, подняв столб песка.

Теперь, перед самым столкновением, надо было чуть придержать коней, чтоб не нарушить строя, и командир турмы крикнул по-гречески:

– Строй! Строй!..

И тут мы столкнулись...

Конечно же, мы прорвали их. Разомкнутый строй не мог удержать удар клина. Но они облепили нас со всех сторон и поскакали вместе с нами, избивая солдат и стараясь добраться до центра клина, то есть до разбойника, до Сына Отца.

И так, теряя то одного, то другого, мы вскачь приближались к крепости. Там у ворот уже виднелись воины гарнизона.

И тут группа всадников в черном, обогнав нас шагов на сто, бросилась резко на правый фас клина. Они ударились лошадь в лошадь

с двумя нашими солдатами, и еще двое черных, скачущие следом, перемахнули через кучу тел и оказались внутри построения. Один столкнулся с италиком, прикрывавшим разбойника, второй вылетел прямо на меня. От своего я уклонился, резко свесившись влево, и услышал сзади стук и треск. Италик и его черный обменялись ударами, я увидел длинный сарматский меч и взлетевший кожаный солдатский сапог. Это италик после удара вылетел из седла. Но и его черный соперник оказался далеко позади и даже, судя по звукам, столкнулся с кем-то из своих. И там, сзади, наших уже никого не осталось. Топот чужих коней приближался. Дважды меня доставали по заброшенному за спину щиту.

У меня уже не было никаких сомнений, что это не ревнители, а переодетые воины Ирода, такие же наемники, как и наши солдаты.

Слева я услышал характерный звук, затем звонко щелкнуло, и второй италик, прикрывавший Сына Отца, ткнулся лицом в гриву своего коня. Я придавил свою лошадь, догнал и перехватил за уздечку коня, на котором сидел преступник. Сын Отца бросил на меня безумный взгляд. Он едва держался ногами. Я рванул вперед. Клина больше не существовало, нас могла спасти только скорость.

Те, в черном, тоже это поняли. И поняли, что схватить Сына Отца они могут, лишь остановив меня. Какой-то лихой наездник на длинноногом парфянском коне обошел нас и обернулся, натягивая тетиву лука. Я бросил поводья соседней лошади, перебросил щит из-за спины и, пригнувшись, укрыл им голову. Стрела жиганула меня по правой ноге, вскользь, но в ноге осталась. И тут этот наездник резко осадил коня, подставляя его круп под грудь моего. Мы столкнулись. В руке черного вместо тетивы лука оказался кривой меч вроде махайры. Я бросил ручку щита, оставил его болтаться на шее, выхватил левой рукой пагио – короткий кинжал – и упал под правую руку черного. Под плащом у него был чешуйчатый доспех, кинжалом такой не взять, и я вонзил пагио по рукоять в бедро моего врага. Он дернулся, потрясенный болью, и я, не теряя времени, выдернул пагио и ударил им черного в лицо.

Конь, на котором сидел Сын Отца, в это мгновение вырвался вперед, и сразу четверо черных, скакавших наперерез, перехватили его. Я бросился его отбивать. Слева и справа я увидел Марцелла и фессалийца, командира турмы.

Марцелла снесли с седла ударом сарматского меча. Он взмахнул руками, словно искал опору в воздухе, и повалился с шарахнувшегося коня. Фессалиец, скаля зубы, метнул копье и, не проследив его полет, повернул коня к упавшему Марцеллу. Жизнь посланца Вителлия для него была важнее судьбы беглого ревнителя. Но я помнил приказ Марцелла и помчался вслед за увозимым Сыном Отца.

Краем глаза я видел, что после падения Марцелла черные схлынули. Человек двадцать из них скакали мне наперерез. Я оглянулся – фессалиец и еще пара солдат столпились около упавшего римлянина, с десяток оставшихся в живых солдат скакали к воротам Магерона.

Возможно, я смог бы прорваться к Сыну Отца и убить его. Но Марцелл кричал мне – «Нужен живой!»

Черные уходили на восток на полном карьере. Всадников десять сдерживали коней и с вызовом поглядывали на меня.

И я решил оставить Сына Отца живым...

Марк Марцелл пришел в себя довольно быстро. Сарматский меч горизонтальным ударом разрубил шлем прямо под гребнем, но до головы не достал. Как только префекта внесли в ворота крепости, он встал на ноги, но сразу же пошатнулся и чуть не упал.

– Где?... Этот...

– Отбили, – просто ответил командир турмы.

Марцелл застонал и ударил кулаком по воздуху.

Фессалиец собирал и пересчитывал солдат. Начальник гарнизона Магерона послал своих воинов подобрать убитых и раненых.

Уцелели, не были добиты три солдата, сбитые с лошадей, и один свидетель, который первым из всего клина упал с лошади, больно ударился и потерял сознание. Дарданий получил тяжелое ранение, оба его помощника, а также один из свидетелей погибли.

Ни одного убитого или раненого ревнителя воины магеронского гарнизона не нашли. Судя по следам, из пустыни, с севера, подошел еще один отряд, который первым заметили разведчики, и подобрал своих.

Ночью через пустыню отправили двух надежных гонцов: одного в Медебу, другого в Иерихон, к начальнику местного гарнизона. Они вернулись и доложили, что начальник иерихонского гарнизона обещал немедленно выслать отряд в Магерон, а из Медебы отряд уже вышел.

Глава 37. Лукий. Месяц седьмой. День VI после Ид

Поскольку Господь наш, творец неба и земли, всеведущ, всемогущ и всемилостив, то сотворить он мог только совершенство. Ему самому понравилось. И я радуюсь этому миру, сколько могу.

Промысел Божий послал меня в пустыню. Случилось это быстро и неожиданно. К нам в харчевню явились римляне. Самый обтрепанный и загорелый из них, с варварской рожей, оцупал серо-зелеными в желтых крапинах глазами нас с Агафоном, кивнул присутствовавшему центуриону и ускакал.

Так мы с Агафоном оказались в Иудее. С тем самым римлянином, который этой весной спугнул у нас в харчевне ревнителю и тем, возможно, спас нам жизнь, мы верхом отправились в поход по прекрасным полям вдоль Иордана, а потом по раскаленной, тускло сияющей пустыне.

Справа остались серебристые холмы Самарии в крапинках красных горных цветов, впереди манили казавшиеся лиловыми холмы Кумрана. Когда-то я бывал здесь.

Виллы из розового камня на окраинах Тиберии не привлекли моего внимания. Я был увлечен знакомством с интересным человеком, Зеноном. Я, увидев в нем доброго человека, стал рассказывать ему об Учителе, он, недоверчиво улыбнувшись, заговорил об учении Филона из Александрии о логосе – сыне божьем, посланном на землю. Он не верил, что сыном бога мог быть живой человек. Как и все греки, он склонялся к анализу, стремился разложить всё на атомы. Я же, чтоб стать понятным, говорить с ним

на одном языке, прибегнул к синтезу. Так в приятной и полезной дискуссии мы провели весь путь до Махеруса.

Эта крепость имела для меня особое значение. В ней убили Иоанна. Я хотел увидеть место его гибели. Но меня и измотанного, еле живого Агафона повели опознавать какого-то преступника.

Агафон притворился еле живым, страдающим от головокружения. Я, всмотревшись, узнал одного из ревнителей, побывавших весной у нас в харчевне. Того, рыжеватого, с прозрачными выпуклыми глазами, который по-куриному дергал головой.

– Где ты его видел? Ну?

Я ответил, что весной под Антиохией этот человек и еще двое встречали четвертого по имени Елеазар.

– Понятно... А ты?

Агафон, всхлипнув, кивнул.

– Идите...

Освободившись, я все же нашел одного тюремщика, который, кажется, помнил историю с Иоанном. Вместе с Зеноном мы надели на него. Он, увидев, что нас двое, не признавался. А если он сам и отрубил голову Иоанну?.. Кто ж признается?..

Почти всю ночь мы проговорили с Зеноном, как это могло случиться. Где? Внизу в подвалах? В крепостном дворе? Во рву за стеной?

Агафон, помимо прочего, почему-то боялся, что после опознания римляне бросят нас в крепости. Зачем мы им теперь?

Утром мы поехали обратно. Наслаждаясь приятной беседой, я не заметил, как внезапно изменилось все вокруг. Солдаты рванули за поводья наших коней и повлекли за собой.

Мы трусцой ехали среди песчаных холмов, озаренных утренним солнцем. И опасность подступала, кралась, пока еще пряталась за сияющим, вспыхивающим белым песком.

«Где? Что?» – вертел я головой, пытался рассмотреть...

«Вот!» – черная кайма по краю светло-желтых холмов на фоне синего неба...

Дальше я помнил смутно. От страха, наверное.

Меня трясло на рыси, потом рывком перешли на галоп, стало легче, но волна ярости и страха накрыла всех. И страшный вихрь в облике вороного коня с белой проточиной и нежно-розовыми ноздрями обрушился на меня, подбросив в воздух и грохнув оземь. Боль и сотрясе-

ние помutilи мой рассудок, а когда я пришел в себя, грохот и крики удалялись, заставляя все еще подрагивать небо и перечеркнувшую его серую ветку.

Я долго лежал, всматриваясь в небо и вслушиваясь в звуки пустыни.

Нет ничего красивее и неповторимее неба. Даже если оно безоблачно. А видели ли вы похожие друг на друга закаты? А рассветы?..

Я подумал, что счастлив был бы умереть здесь и сейчас...

Но я не умер. Оставалось встать и идти, идти к людям, нести им истину Учителя.

Я перевернулся на живот, поднялся, преодолевая головокружение, на дрожащие ноги и пошел на восток по неисчислимым следам, взрывшим песок.

Внезапно впереди на холме показались всадники в черных плащах. Я замер. Они осмотрели меня издали и уехали в сторону полуденного солнца. Я перебрел холм, на который они выезжали, и за ним меж двух убитых лошадей – безответные животные, в чем они виноваты? – увидел несчастного Агафона. Судя по позе, ранам и истоптанному песку вокруг, нападавшие перекатывали его, чтобы вырвать из тела стрелы. Бедный Агафон!..

Подъехали солдаты из крепости, выбрали Агафона, посадили меня на коня. По дороге выбрали еще двоих.

В крепости мы с Зеноном у ourselves в тени под стеной. Он признался, что упал животом на гриву, обхватил шею коня руками и закрыл глаза. Открыл их только в крепости. Ревнитель исчез, но мы не жалели об этом.

Из казармы вышли римлянин и начальник гарнизона. Последний развел руками и воскликнул:

– Да где же я тут найду врача?

– А в Медебе есть? – наседа на него римлянин. – Послать немедленно!..

Я поднялся и сказал:

– Я врач.

Римлянин схватил меня за руку выше локтя и потащил за собой.

В помещении для солдат на топчане лицом вниз лежал грек, спутник римлянина в этой поездке. Римлянина звали Клавдием Марцеллом, это Зенон между делом рассказал мне, а этого грека он называл Дарданием, но не сказал, кто он. Одного взгляда хватило, чтоб увидеть – он ранен

в поясицу ударом копья. Это очень коварный удар, от него трудно уклониться. Мне приходилось врачевать такие раны. Римских солдат иногда привозили с границы после таких ударов. Редко кто выжил.

Рана показалась мне не очень глубокой – били вслед и легким копьём. Наверное, обычным римским дротиком. Но кость была раздроблена, и внутренние органы повреждены. Чудо, что он смог удержаться на коне.

– Лечи! – приказал римлянин.

Я потребовал курдючную овцу.

– Жертвы мы после принесем... Лечи!

Я сказал, чтоб из курдючного сала сделали своего рода штырь. Когда этот белый продолговатый предмет принесли, я стал тихонько макать им в рану, цепляя и доставая мелкие осколки кости и нитки.

Дарданий стонал сквозь стиснутые зубы. Римлянин не отходил ни на шаг.

Я сделал все, что мог, но к вечеру понял, что Дарданий умрет. Скорее всего, этой ночью. Я так и сказал римлянину. Тот уткнулся лицом в ладони.

Нельзя лишать человека надежды, и я стал рассказывать песочно-серому Дарданию об Учителе. Он слушал рассеянно. Потом, видимо, до него что-то дошло. Он сделал попытку перевалиться на бок и позвал римлянина.

– Убери его, – сказал Дарданий, указывая на меня.

Марцелл взял меня, как и в первый раз, за руку выше локтя, завел за спину Дардания, подвел к двери, открыл и закрыл ее, но меня оставил внутри, а сам вернулся на место. Я понял, что ему нужен свидетель. Как и в случае с упущенным ревнителем.

Дарданий говорил тихо, и я стоял за его спиной у двери. Многого я не расслышал и не понял.

Он говорил, что Пилат честно служит императору, но не может сладить со своей женой. И даже он, Дарданий, иногда ей подчинялся...

– Теперь – главное, – произнес он и надолго замолчал.

Римлянин настороженно ждал, не выказывая ни поддержки, ни порицания.

– Платежных поручений было два... – еле слышно проговорил Дарданий.

«Перед смертью, а всё – о деньгах...», – подумал я.

– ... Они их поделили... под Антиохией... Одно нес Сын Отца... пешком... переходил по селениям... по иудейским семьям...

– А мы его здесь искали, – тихо, словно про себя, проговорил Марцелл.

–...Он дошел до Тиберии... Поздно... Укрылся у Ирода...

– Он передал платежное поручение Ироду... – нетерпеливо перебил римлянин. – Или Ирод его отнял?

– Не знаю... Передал... Убили бы... если б отняли... – проговорил Дарданий и надолго замолчал, борясь с болью и слабостью.

«Все заботятся не о том, правильно ли они живут, а о том, долго ли проживут; между тем жить правильно – это всем доступно, жить долго – никому» – совершенно не к месту вспомнил я.

– Елиазар получил... деньги...

Я увидел, как римлянин насторожился, даже напрягся.

– В Аскелоне... Где-то... спрятал... Не успел... пещеры...

Дарданий застонал и поник головой. Римлянин тревожно взглянул на меня. Я молча развел руками.

– Мы тогда разбили их... Опередили, – вскинул голову Дарданий и вновь бессильно уронил ее на плечо.

Подождав, Марцелл дал мне знак приблизиться, но не успел я сделать и шага, как Дарданий ясно произнес:

– Я не верю...

Я замер.

– ...что Елеа...зар... выдержал пытки... Магнесия...

– Но...

– Но Вителлий тебе... не сказал... Может, сам... не знает...

Они долго молчали. Мне показалось, что Дарданий уже умер, но Марцелл продолжал выжидающе смотреть ему в лицо, и я оставался у двери.

– Не становись... на пути... – и Дарданий, застав, опять лег на живот и бессильно ткнулся лицом в подстилку топчана.

Я видел, что римлянин сосредоточенно думает. А Дарданий заметил меня боковым зрением, вздрогнул и с упреком пробормотал:

– Зачем?.. Убьют... Свиде...

На большее у него сил не хватило.

Вот так! Ревнителю нас с Агафоном не убили... Кто ж убьет? Дарданий называл самого Вителлия... Учитель предупреждал, что будут гонения. Но здесь я попал в центр какой-то мелочной, связанной с деньгами интриги. И я решил: если римлянин не прикажет меня связать, то я убегу и за ночь постараюсь добраться до Кумрана.

Глава 38. Араб. Через два года

Марцелл понимал, что это все проделки Ирода. Он назвал все это происшествие «провокацией». Из Махерона мы с уцелевшими солдатами отправились в Кесарию, где Марцелл сдал команду и узнал, что Ирод разослал всем – даже императору – известие, что Арета напал на его земли. Вот тогда он и произнес это слово.

Из Кесарии мы уехали в Антиохию. До Угарита с нами шла декурия арамейев, а дальше мы ехали вдвоем. В Антиохии я вернулся в легион, в свою команду разведчиков. Римлянина я больше не видел. Хотя, может быть, раз или два, случайно, когда мы дежурили в городе.

А Сына Отца я еще раз встретил. Арета не выдержал выходок своего зятя и решил начать войну с ним. Войска встретились на границах Гамалитиды, и наши (набатейцы) выбили все войско Ирода. Подданные Ирода говорили, что все их войско было уничтожено благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, но были подданными тетрарха Филиппа. Но некоторые иудеи в Антиохии были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за казнь, которая случилась как раз в Махероне. Ирод там умертвил какого-то Иоанна, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу и собираться для омовения. Злодей, конечно. Я имею в виду Ирода.

Я же твердо знал, что наши всегда били местных иудеев, иначе и быть не может.

Ирод, получив трепку от наших, отписал об этом Тиберию. Император, как нам объявили, разгневался и послал Вителлию приказ объявить нашим войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать его голову.

Вителлий поднял для войны с Аретой два легиона – один из них наш – и, присоединив легковооруженных и всадников, которых ему предоставили тетрархи и местные царьки, объявил поход на Петру.

Берегом моря мы пришли в Птолемаиду. И здесь остановились. Конная разведка вступила в Иудею, но пехота дальше не пошла. Оказалось, к Вителлию явилась иудейская делегация и просила не проходить через их страну. По их закону они вроде бы не могут разрешить внести в Иудею те изображения, которые имеются на орлах наших легионов. Вителлий, к моему удивлению, согласился, и велел войску сворачивать на Тиберию, идти по великой равнине.

Я слышал, как некоторые командиры высказывали сожаление уступчивостью Вителлия. Один даже сказал:

– При Пилате они не осмелились бы!..

Я с легионом не пошел. Нас направили на усиление конвоя Вителлия. Он сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых своих друзей поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления Пасхи, принести там жертву иудейскому богу. Вот так я вновь попал в Иерусалим.

Все было так же, как два года назад. Жужжали иудеи, готовясь к своему великому празднику. Наши красные плащи возвышались над их серо-голубой кишашей толпой. Ветер сносил запах пыли и крови. Цокот копыт рассекал рев скота.

В свите Вителлия, в самом хвосте, я заметил того старичка, который следил за Иродом. И он выцепил меня взглядом из солдат конвоя. Когда мы спешили во внутреннем дворе дворца, ко мне подошел человек в доспехах, но не из нашего легиона, и сказал:

– Идем. Тебя зовут.

Удивляясь памяти старичка на лица, я пошел за этим в доспехах.

В маленькой комнате в одной из пристроек тот самый старичок встретил меня неласково:

– Это вы с Марцеллом упустили преступника?

– Его отбили люди Ирода, – ответил я.

– Много болтаешь, – сказал старичок. – Здесь его не видел?

– Поставьте меня в караул у ворот, когда Ирод со свитой будет ехать...

– Да? Это мысль, – подумав, сказал старичок.

Не теряя времени, меня в парном карауле выставили к воротам.

Никогда не надо напрашиваться на службу. Это я знал. Но теперь, отстояв под весенним и все же горячим солнцем, убедился в этом окончательно.

Приехал Ирод, свита его по пышности не уступала свите наместника. Меня выдержали у ворот еще одну смену (бедный солдат, что попал со мной в паре) и, сменив, повели к старичку.

– Итак?..

– Сына Отца не видел. Видел того, кто его отбил.

У римлян и греков память на лица. Мы еще запоминаем лошадей. Красивую лошадь, виденную в детстве, я могу помнить всю жизнь. И сегодня в свите Ирода ехал всадник на светло-рыжем, желтогривом красавце-коне бактрийской породы. Все эти два года я помнил изгиб золотистой шеи...

Все это я объяснил старичку.

– Лошадь ты запомнил. А всадника? – спросил он.

– Сегодня я рассмотрел всадника...

– Он мог продать лошадь.

– Таковую лошадь?.. – усомнился я.

– Покажешь ему, – указал старичок на незнакомца в доспехах.

Это я смог сделать легко.

Вителлий был восторженно принят местным иудейским населением и пробыл в городе три дня. За это время он отобрал первосвященство у Ионафа и поставил на его место брата его Феофила. Это, чтоб с оскорбительными просьбами не обращались.

На четвертый день Вителлий неожиданно получил письменное извещение о смерти Божественного Тиберия и немедленно заставил местное население присягнуть на верность новому императору Гаю Цезарю.

С переходом престола к новому императору Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну, и из Иерусалима помчались гонцы к войскам, что поход закончен и надо возвращаться на зимние стоянки.

Мы готовились к переходу обратно в Антиохию. Выступление назначили на раннее утро. Укладывались вещи, чистились и выкармливались лошади. Нам предстояло осветить и, если надо, вычистить дорогу, по которой поедет наместник через всю Иудею и до самой Галилеи.

Перед полночью зашел тот, в доспехах.

– Поехали. Коня не бери. У меня за воротами две лошади. Шлем не надевай, – и он протянул мне бурую накидку.

Мы вышли за ворота, прошли до края площади, ведя лошадей в поводу, затем сели верхом и рысцой поехали на восточную окраину.

У крепостной стены нас встретили еще двое всадников. За городские ворота мы выехали вчетвером.

Мы ехали в Вифанию. Это я понял, когда спутники погнали коней. Силы не берегли, значит – путь близкий.

Еще до развилки свернули в поле, проехали холмик земли, где когда-то стояла наша палатка, и придержали коней у того самого пролома в стене, где Скиф убил ревнителя. Один остался с лошадьми, а мы втроем перемахнули через каменный забор. Человек в доспехах повел нас через двор. Кто-то распахнул скрипнувшую дверь, и мы вошли в какое-то хозяйственное помещение. Я понял, что это первый этаж того дома, куда раньше посылал Германика.

Люди в серых и бурых накидках сидели вокруг деревянного стола. Радостные, но какие-то бесшумные. Перед ними на столе стояли кувшин и чаши. У лестницы, ведущей на верхний этаж, горел прикрепленный светильник.

Они обернулись. Один – я его видел со старичком – сказал:

– Ну, вот... – и оглянулся в темный угол с бочками и перегородками. – Выводите.

Двое здоровяков вытащили кого-то связанного, поставили под светильником, и подошедший человек в доспехах взял того за лохматые волосы и поднял его лицо, чтоб мне было видно.

Нет, этого человека я не знал. Я отрицательно покачал головой.

Человек в доспехах удовлетворенно кивнул и приказал:

– Второго!..

Рядом с лохматым вывели и поставили еще одного.

Да, этого, рыжеватого, мы тогда пытались вывезти из крепости Махерон.

– Ты уверен? Он?

– Уверен. Он.

– Хорошо. Получишь награду.

Человек в доспехах протянул к столу руку. Ему подали чашу.

– Пей. Заслужил...

Я выпил немного горчившее вино.

– Возвращаемся, – сказал тот в доспехах, и мы пошли обратно к пролому в стене и к лошадям.

Вокруг – ни звука, ни огонька. Только стены Иерусалима казались подсвеченными изнутри из-за городских огней.

Глава 39. **Марк Клавдий Марцелл. 815-й год от основания Рима. Седьмой год принципата императора Нерона Клавдия Цезаря. Месяц Майи. День III перед Идами**

Сенатор Марк Клавдий Марцелл, ветеран войн императора Клавдия в Мавритании, Британии, Фракии и Каппадокии, после заседания домой не торопился, но и с сенаторами не остался, не примкнул ни к одной из кучек людей в белых тогах. Поскольку весь последний принципат Марцелл провел в походах, львиная доля сенаторских интриг против императора началась и закончилась в его отсутствие. И в ближайшем окружении императора Марцелл не был замечен, не желая иметь дело с вольноотпущенниками, которые там наушничали. Волей-неволей он имел репутацию человека, не связанного с партиями и группировками и, в конечном итоге, лояльного императорской власти.

Префект Рима Педаний Секунд догнал Марцелла, когда они спускались по ступеням храма Юпитера Капитолийского к своим носилкам:

- Аве, Марк Клавдий. Ты торопишься?
- Куда?.. Нет. Я весь к твоим услугам.
- Не хочешь проводить меня до тюрьмы?
- Куда?..
- У нас есть очень интересное дело об измене, но трудно доказуемое. А тебя Сенека считает очень

сведущим в делах Сирии и Иудеи. Говорит, что ты выполнял там особые поручения Божественного Тиберия.

– Он-то откуда знает?..

С годами Клавдий Марцелл стал немного раздражителен. Но каких-либо важных дел на этот вечер не намечалось, и сенатор обычным доброжелательным тоном спросил:

– И кто обвиняемый?

– Это Павел, сейчас он считается модным проповедником. Может быть, ты задашь ему вопросы, которые не приходят нам в голову.

Встреча с модным проповедником – достойное продолжение дня. Что-то вроде посещения цирка.

– Я согласен. Показывай дорогу.

– О, дорога туда известна всем. По крайней мере, должна быть известна, – улыбнулся префект Рима.

Носилки доставили их к Мамертинской тюрьме, которая находилась прямо под Капитолием. И пока они спускались, Марцелл спросил:

– Что же он проповедует?

– Он проповедует нового бога. Распятого и воскресшего. Он был распят во времена Понтия Пилата.

– Во времена Понтия Пилата... – хмыкнул Марцелл. – Видимо, правильнее сказать – во времена Божественного Тиберия?

– Ты, безусловно, прав...

– Насколько я понимаю, речь идет об Иудее. Я был там как раз «во времена Понтия Пилата». Мы ловили там так называемых ревнителей. Местные называли их зелотами...

– Ты знал Пилата?

– Конечно. Он был женат на моей родственнице. Но как этот проповедник попал из Иудеи в Рим?

– Его направил сюда Порций Фест.

– Не мог повесить его там?

– Ну, во-первых, он римский гражданин, а во-вторых, судя по его проповедям, иногда он лоялен.

– Лоялен... – буркнул Марцелл с сомнением.

Префекта встретили тюремщики и охранники и повели по коридору между камерами.

Они прошли между решетками и подошли к двери, ведущей в комнату для допросов.

– Вот его... м-м-м... почитатели, – указал Педаний на кучку людей за решеткой, – а сам проповедник живет у нас отдельно.

Взгляд Марцелла скользнул по арестантам и вдруг зацепился за нечто знакомое.

– А вон того, мордатого, я где-то видел, – и сенатор наморщил лоб, вспоминая.

Префект дал знак. Подскочил старший тюремщик со свитком:

– Иаков, вольноотпущенник...

– Иаков? Иудей? – усомнился Марцелл.

Старший тюремщик снова взглянул в список и с сомнением в голосе произнес:

– Перс...

– Павел говорил, что они меняют имена, когда вступают в секту, – добавил Педаний.

– Перс? Сомневаюсь, что он знает хотя бы одно слово по-персидски...

– Разберемся, – сказал Педаний и дал знак старшему тюремщику. – С ним мы разберемся... Прошу сюда.

В комнате для допросов префект предложил Марцеллу свое собственное место и протянул ему несколько свитков, сам уселся рядом.

– Что это?

– Это и есть дело об измене. Посмотри. Вот письмо, написанное Павлом. Вот в нем слова о власти: «И поэтому надо повиноваться не только из страха наказания, но и по совести». Очень хорошо... А вот нам прислали его же письмо из Анкиры, из Галатии. Ты там воевал... Посмотри: «Нет уже иудея, ни язычника; ни раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Он уравнивает рабов и свободных! Или... я ошибаюсь? У меня в доме четыреста рабов, и все они отъявленные негодяи... И что значит «вы одно во Христе Иисусе»? Это я хотел спросить у него в твоём присутствии...

– Хорошо, – вздохнул Марцелл. – Давай спросим.

Привели Павла. Это был еврей, но державшийся здесь, в Мамертинской тюрьме, с достоинством, даже вызывающе.

– Спрашивай, – тихо сказал Педаний Марцеллу по латыни.

– Ты проповедник. Так? – спросил Марк по-гречески.

– Я – апостолос (посланный), – гордо ответил еврей.

– И кто же тебя послал?

Еврей начал пространный рассказ, как он по воле первосвященника преследовал последователей одной секты, но услышал голос Бога

и ослеп. Потом в Дамаске сектанты вернули ему зрение, он вступил в эту секту и поменял имя.

– Насколько я понимаю, ты теперь возглавляешь эту секту?

– Мы – не секта. Я избран к благовестию Божию, – и он продолжил длинный, избыточный деталями рассказ.

– Хорошо. В чем суть твоей веры? – прервал его Марцелл.

И вновь полился длинный, настойчивый, навязчивый рассказ...

– Ясно, – снова прервал его Марцелл. – Ты утверждаешь, что все, сказанное тобой, истина. Так?

– Так.

– Вы собираетесь освободить рабов?

Не медля ни одного мгновения, еврей ответил:

– Нет, это сделает Христос в Царствии своем.

– Где его царство?

– Его Царствие не от мира сего...

– Так где же оно?

И апостолос с тоской и вызовом взметнул свой взор вверх, словно мог пронзить им все перекрытия Мамертина и Капитолия и упереться в пустую твердь неба.

Марцелл посмотрел на префекта города. Тот кивнул и приказал увести проповедника.

– Я встречался с такими в Иудее, – проговорил сенатор. – Только те не называли имя своего бога.

– Но... Судя по его словам, этот бог сам назвал ему свое имя.

– Выходит, что так. Странно, конечно... Ну, а насчет рабов, ты сам слышал. Думаю, его придется отпустить. Хотя... царство Христа, которое они ждут, это никак не власть императора Нерона Клавдия Цезаря. Но как доказать?... А всю его... свиту... потрясите хорошенько.

– Да. Извини, что заставил тебя...

– Пустяки, – ответил Марцелл. – Да, помню... Очень неудачный был у меня год тогда...

Пока Марк Клавдий Марцелл возвращался домой, он невольно вспомнил всю ту историю.

После провала с поимкой Сына Отца он провел дивные полгода в предместьях Антиохии в объятиях красавицы-гречанки. Луций Вителлий давал ему пустяковые поручения, не требующие длительной отлучки из столицы провинции. Наконец, Рубеллия, из-за которого

Марцелл, собственно, и был сослан в Сирию, император отправил проконсулом в Африку, и появилась возможность вернуться в Рим.

Пребывание в вечном городе оказалось кратковременным. Рубеллия убрала, но Ливия пока только собиралась отправиться к нему. Внезапно Марк Клавдий Марцелл получил приказ отправиться на Истр и принять там 14-й легион.

На недоуменный взгляд Марка посланец от императора, а им оказался Гай Валерий, старинный друг префекта, приоткрыл тайну нового назначения:

– Ливия пожаловалась императору. Рубеллий ушел, она осталась, а ты на глазах всего города развлекаешься с какой-то женщиной. Согласись... – и Валерий, не удержавшись, фыркнул. – Это неуважение к Величеству.

Андрофила же, как назло, твердо решила ехать в Александрию на модный курорт.

Приказ есть приказ. Марцелл отбыл в Виндобону, где провел полтора года. После смерти императора Тиберия Мессалина добилась его возвращения. Ее бабка доводилась родной сестрой деда Марцелла. Родственные связи сыграли свою роль.

Еще в Норике до Марка стали доходить слухи о неверности Андрофилы. В Рим она вернулась задолго до него и поселилась в своем доме, доставшемся ей от Луция Сергия Эквитора.

Они несколько раз встретились и вроде бы опять начали жить вместе, но оба понимали, что это ненадолго. Андрофила, навеселившись на курортах и заимев соответствующую репутацию, думала покрыть все официальным брачным союзом. Марцелл именно по тем же причинам жениться на ней не собирался.

Император Гай Цезарь Калигула отправил его в Галлию готовить вторжение в Британию. Вторжение не состоялось. После смерти Калигулы Марцелл узнал, что Андрофила, дорожащая статусом замужней дамы, вышла за какого-то мальчишку, сына разбогатевшего вольноотпущенника. Вольноотпущенник же – увы! – разорился на махинациях с египетским зерном и умер, не оставив наследнику ни обота.

С тех пор Марцелл потерял Андрофилу из виду. И, вспомнив сейчас всю эту историю, он подумал: «Странная женщина. Глупая...»

Слуги поднесли его носилки к широкой лестнице. Здесь уже стояли одни, ярко и безвкусно раскрашенные, и рабы-мавритуны сидели

на краю нижней ступени. Зенон с поклоном встретил хозяина у вестибула. Лет десять назад он прошел обряд в храме Феронии и не считался рабом, но остался в доме Клавдия Марцелла и исполнял прежние обязанности. Марцелл жестом приказал ему следовать за собой через атриум в таблин. Кучка параситов двинулась было следом, но хозяин дома жестом остановил их.

Супруга, Порция Прима, развлекала гостью – с противоположной стороны атриума доносилось женское щебетанье.

– Ты помнишь, мы ездили в Сирию?

– Да, хозяин.

– Там, оказывается, одного распяли, а он богом оказался...

– Да, хозяин. Такие слухи ходили.

Марцелл сел на кушетку и откинулся, заложив руки за голову, но поморщился и медленно распрямил левую – болела старая рана в плече. Зенон почтительно склонился у входа.

– Теперь его последователи объявились в Риме.

Ученый слуга молчал, внимательно слушал.

– Мне это чем-то напоминает... – Марцелл прервал свою речь и задумался. – Ты не помнишь? Не попадался нам тогда некий Иисус из Назарета?

– Не помню, хозяин. Я не встречал такого имени. Хотя... Странное имя. В Сирии таких имен нет.

– Ну да, – согласился Марцелл. – Там его звали по-своему. Забыл... Всё забываю... Мы там даже ловили одного такого... Имя такое... шипящее... Еса... Га...

Ему показалось, что Зенон нахмурился и улыбнулся, как делал это, обнаружив ошибки в школьных записях маленького Марка. Действительно брови ученого раба поднялись. Вот сейчас скажет: «Этого не может быть, хозяин». Нет, не сказал. Видимо, он просто пытался вспомнить, но не смог.

Глава 40. Акбери, великий эмир. Восьмой год принципата императора Нерона

Вечное синее небо озаряло бескрайний мир, дарило, как и прежде, солнечный свет и проливало благодатную влагу на распростершуюся под копытами коней нагретую землю. В этом и заключалось бесконечное совершенство жизни.

Всадники, преисполненные силы и уверенности, небрежно и величественно покачивались в седлах. Ветер нес цветочную пыльцу, и она пропитывала их одежду сладковатым запахом.

Сердце великого эмира Акбери было спокойно. Стада его племени плодились, и племя его размножалось. После мягкой зимы поголовье скота, сохраняемого в балках по берегам рек, уменьшилось незначительно, и весенний приплод с лихвой покрыл все убытки. Но нельзя давать людям расслабляться, а коням жиреть. И великий эмир с дружиной и молодыми мужчинами племени шел в набег на Ольвию, греческий городишко, успокоившийся под протекторатом Великого Рима.

Он не собирался штурмовать и разрушать город. Зачем? Потом не с кем будет торговать... Его всадники захватят предместья города и селения вокруг него и заберут все, что найдут. Но чтоб захватить больше, набег должен обрушиться на этих торгашей внезапно, как раскат грома в солнечный день. Вчера выше по течению перешли реку, за которой скрывается город. Завтра покажется он сам. Но прежде него покажется море...

И уже отдан приказ – всех встречных доставлять лично к великому.

Впереди – еле глаз различает – мелькают в высокой траве, в степных цветах передовые отряды. Вот отделились несколько всадников, поскакали навстречу, на глазах увеличиваясь, и видно стало – под одним конь вороной, под другим – рыжий, под третьим...

Первый!..

Великий эмир чуть поднял кисть правой руки и остановил коня. Первый захваченный, первый допрос... Бывает, что от первых сведений все планы, все надежды могут измениться.

Разгоряченные скачкой и удачей всадники столкнули с заводного коня человека, одетого в бурый потасканный плащ, укрывавший его до пят. Человек, падая, как кошка, вывернулся в воздухе и уткнулся лицом в высокую траву. Парфянский тонконогий конь под великим взмахнул головой и отступил на два шага. Упавший мгновение помедлил, словно вдыхал аромат степного разнотравья, потом скупым движением сжался и, охнув, поднялся во весь рост. Из-под бурого кашпошна, пересекая лицо, свесилась желтая, густо пронизанная сединой прядь. Конь под великим еще раз махнул головой и отступил немного вбок.

– Его вещи?..

Один из разведчиков бросил на землю рядом с пойманным потерявшую цвет тощую заплечную сумку.

Бродяга? Нищий? Что ему делать в степи? Вражеский лазутчик? Вражеские лазутчики наряжаются бродягами у себя на родине, когда всадники великого приходят к ним незваными гостями, чтоб отобрать накопившиеся излишки. Если лазутчик захочет проникнуть вглубь степи, то нарядится купцом и пригонит с собой целый караван. А этот?..

– Ты кто? – спросил великий, вспомнив греческие слова.

И тут пойманный широко улыбнулся и радостно ответил:

– Будь весел, Скиф! Я пришел к тебе с благой вестью!..

Литературно-художественное издание

ВЕНКОВ Андрей Вадимович

В поисках Сына Отца

Корректор *И.В. Арефьева*
Верстка *Е.А. Топоркова*
Дизайн обложки *С.В. Деркач*

Сдано в набор 10.10.2016. Подписано к печати 20.10.2016.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Гарнитура Georgia
Усл. п. л. 17,2. Тираж 100 экз. Зак. № 1426.

Отпечатано ООО «Антей»
ИНН 6167057823
344037, г. Ростов-на-Дону, 24-я линия, 20.

ФОНД ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
www.popovfoundation.org

К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. *Венков А.В.* Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Выпуск 1. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 422 с.
2. *Шадрина А.В.* Донские церковные композиторы второй половины XIX – середины XX вв. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2014. – 248 с.
3. *Шадрина А.В.* Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2014. – 364 с.
4. *Шадрина А.В.* Храмы Азовского района Ростовской области: справочник. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2014. – 208 с.
5. *Шадрина А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии конца XVII века – 1920 г. Справочник. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2014. – 440 с.
6. *Венков А.В.* 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы первой мировой войны. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 136 с.
7. *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2015. – 640 с.

8. *Гражданов Ю.Д.* Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918-1919 гг.) – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2015. – 240 с.
9. *Венков А.В., Зубков В.Н.* Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Выпуск 2. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2015. – 400 с.
10. *Лысогорский Н.В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.) / Издание репринтное. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2015. – 800 с.
11. *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. Исследование / Издание репринтное. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей», 2015. – 344 с.
12. Архивы и архивное дело на Юге России. История, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. – 524 с.
13. *Почепцова-Джонстон Г.Ф.* На чужбине начинается Родина. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Антей». – 304 с.
14. Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.) / Отв. ред. к.и.н. А. Л. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень. – Ростов н/Д: Изд-во Альтаир, 2016. – 232 с.
15. *Росинская Е.В.* ...И обряцете покой душам вашим. – Ростов н/Д: Изд-во Альтаир, 2016. – 144 с.
16. *Венков А.В.* Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Выпуск 3. Часть 1. – Ростов н/Д: Изд-во Антей, 2016. – 428 с.